

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Initia

Инициа

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(26–27 апреля 2013 г.)**

XV Всероссийская конференция молодых учёных

Под редакцией И.А. Ершовой, Ю.Н. Кириленко

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

УДК 3+1
ББК 6
Т78

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель – **Г.Е. Дунаевский**, проректор по научной работе ТГУ
Ответственный секретарь конференции – **И.А. Ершова**, доцент, к. полит. н., ТГУ

А.Ю. Рыкун , декан, профессор, ТГУ	И.В. Черникова , профессор, д. филос. н., ТГУ
С.А. Шпагин , доцент, к. ист. н., ТГУ	В.В. Кашпур , доцент, к. соц. н., ТГУ
Ю.А. Пучкина , доцент, к. ист. н., ТГУ	А.И. Щербинин , профессор, д. полит. н., ТГУ
О.Г. Мазаева , доцент, к. филос. н., ТГУ	Г.В. Можаяева , доцент, к. ист. н., ТГУ
В.Н. Сыров , профессор, д. филос. н., ТГУ	

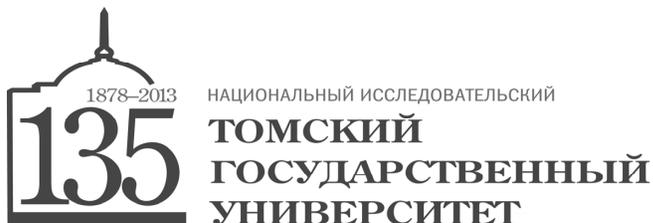
Т78 Труды Томского государственного университета. – Серия общенаучная: Initia (Инициия). Актуальные проблемы социальных наук (26–27 апреля 2013 г.) : XV Всероссийская конференция молодых учёных / под редакцией И.А. Ершовой, Ю.Н. Кириленко. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – Т. 294. – 174 с.

ISBN 978-5-9462-1461-2

Представлены материалы XV Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», прошедшей 26–27 апреля 2013 г. в Томском государственном университете.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 3+1
ББК 6

135 лет служения Отечеству!

В 2013 году Национальный исследовательский Томский государственный университет отмечает свой юбилей – 135 лет основания. ТГУ – это уникальный вуз с мировым именем, в котором классический подход к образованию сочетается с более чем вековым опытом подготовки практико-ориентированных специалистов. А фундаментальный научный потенциал находит приложение в реализации прогрессивных инновационных идей.

ТГУ сегодня является одним из крупнейших вузов страны – на 23 факультетах и в учебных институтах учатся более 19 тысяч студентов по 135 направлениям и специальностям многоуровневой подготовки. Сильнейший кадровый состав включает в себя более 400 докторов и 800 кандидатов наук, среди них – 43 лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники; 43 научные школы входят в президентский перечень ведущих научных школ России.

Системная работа с талантливой молодежью обеспечила ТГУ лидирующее положение среди вузов России по количеству наград, полученных студентами и молодыми учеными: за последние 5 лет студенты ТГУ удостоены 25 медалей РАН, более 500 – отмечены медалями и дипломами Минобрнауки РФ.

Университет активно взаимодействует с предприятиями различных отраслей, разрабатывая программы профессиональной подготовки и переподготовки, ориентированные на конкретного заказчика. Партнерами ТГУ сегодня являются более 750 предприятий и организаций.

В 2010 году ТГУ была присвоена категория «национальный исследовательский», затем были весомые победы в конкурсах по постановлениям Правительства РФ №№ 218, 219. Яркий показатель включенности ТГУ в современное экономическое развитие России – это лаборатории, оснащенные самым современным оборудованием, ученые с мировым именем, проводящие исследования на базе университета и совместно с университетскими коллективами, пояс малых инновационных предприятий. Показательна и высокотехнологичная база: учебные, научные, внедренческие центры (48 Научно-образовательных центров, 12 Центров коллективного пользования и др.), суперкомпьютер СКИФ Cyberia, мощная приемопередающая станция спутниковой связи и др.

ТГУ прочно интегрирован в мировое образовательное пространство благодаря реализации совместных учебных и научных программ с ведущими вузами и научными центрами мира.

Уникальным преимуществом университета является гармоничное развитие всего спектра гуманитарных, физико-математических и естественных наук, которое позволяет расширять междисциплинарные исследования и добиваться синергетического эффекта при решении сложнейших фундаментальных и прикладных задач современной экономики и общественной жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Вовченко В. И.</i> Возможность постметафизической теологии	7
<i>Гвоздев А. С.</i> Религиозность в эпоху постмодерна	11
<i>Скомский Л. В.</i> Проблема образовательного самоопределения человека в контексте постметафизической онтологии	15
<i>Худышкина М. А.</i> «Мужское» и «женское» в античной философии	20
<i>Шадрина Е. А.</i> Хилари Патнэм и Ричард Рорти: понятие истины в дискуссии реализм-антиреализм	24

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Долгий М. Е.</i> Синхронизм и методологические принципы научного познания	28
<i>Егоров О. В.</i> Экспериментальный метод в современной науке: роскошь или необходимость?	32
<i>Зенина К. С.</i> Минералогическая школа Томского государственного университета: роль в развитии общей и прикладной минералогии	38
<i>Кагенов А. М., Черникова И. В., Глазунов А. А.</i> Искусственный интеллект: компьютер, мозг и нейронные сети	42
<i>Ревушкина М. Б.</i> Димензиональная онтология в концепции экзистенциального анализа Виктора Франкла	47
<i>Шеренков Р. А.</i> Гносеологическая проблематика в контексте технонауки	53
<i>Щукина И. А.</i> Интернет как метафора «глобального мозга»	57

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

<i>Григоренко П. И.</i> Перспективы развития логицизма в XX веке	62
<i>Пивоваров В. О.</i> Философия языка В. Бенямина	67
<i>Хамитов Р. М.</i> Историческое развитие идеи герменевтического круга от Фридриха Аста до Вильгельма Дильтея	72
<i>Хомченко Д. С.</i> «Принцип Юма» и его современные интерпретации	75

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

<i>Ким Л. В.</i> Проблема эвтаназии	78
<i>Марфин А. Е.</i> Мифологизация древней истории в современном обществе	85
<i>Рожкова А. В., Рыкун Д. А.</i> Массовая культура как современная мифологическая культура	89
<i>Семенов С. С.</i> Вненаучные формы знания и их роль в истории науки	93

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

<i>Чекунова А. К.</i> Влияние внешнего интерфейса социальных роботов на восприятие их социального статуса	98
---	----

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Безбрилова К. А.</i> Влияние СМК на формирование региональной идентичности	101
<i>Красноперов А. Ю.</i> Проблема гражданской идентичности в государствах Европейского Союза	104
<i>Широченко М. И.</i> Использование метода «case-study» для развития исследовательских компетенций субъектов политического образования	111
<i>Штанакова А. В.</i> Томск – университетский город: быть или казаться?	117

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Волкова Е. С.</i> Смысловой диссонанс значений праздников в представлении горожан (на примере г. Томска)	122
<i>Жаворонков В. С.</i> Информационно-коммуникационные работники как основа современного российского среднего класса	126
<i>Иванова Е. А.</i> Место семьи в жизни современных активных женщин	129
<i>Карманьшева А. В.</i> Процесс формирования мотивов выбора модуля курса «Основы религиозных культур и светской этики» с точки зрения теории религиозного рынка Р. Старка	136
<i>Кузнецова Д. К.</i> Актуализация прав человека для представителей среднего класса (на примере Томского региона)	141
<i>Музалевский Н. В.</i> Место образовательных практик в структуре мотивации участников образовательного сообщества (анализ кейса портала dviger.com)	146
<i>Мундривская Ю. О.</i> Структура и факторы формирования социального капитала вертикально интегрированного холдинга	151
<i>Сорокин А. Е.</i> Конструирование религиозной и этнической идентичности в дискурсе родноверов	156
<i>Теплякова Х. В.</i> Классовое распределение эмоциональной работы	158
<i>Шаравина Т. И.</i> Смыслы мобильных фотографий молодежи	162

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

<i>Петракевич Т. В.</i> О необходимости социальной работы в пенитенциарных учреждениях	168
Данные об авторах	172

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ¹

В. И. Вовченко

Научный руководитель: к.ф.н. Ю. С. Осаченко

Томский государственный университет.

*Для того, чтобы стать подлинной, внутренней,
вера в Бога должна подвергнуться абсолютному сомнению.*

Ж. Деррида

Когда люди трактуют слова Ницше о том, что «Бог умер», в качестве позитивного утверждения атеизма, то нередко они рискуют впасть в то, что Ж. Деррида называл «блаженством штампа». Как раз в качестве атеистического высказывания по типу «Бога не существует» данный тезис толковать нельзя – подобная интерпретация обнажает радикальное непонимание Ницше, связанное с жестом представления его философии в виде некоторой системы, ставящей все и всех на свое место, что превращает ницшеанскую оптику в заложника по сути атеистического дискурсивного порядка. Но если считать данный тезис претензией на некоторое законченное описание статичной структуры реальности, то мы сталкиваемся с очередным метафизическим модусом истолкования бытия, онто-теологическим истолкованием, но только вместо принципа «Бога» во главу угла ставился бы принцип его отсутствия, однако, как верно отмечал У. Куайн, «всякая конечная онтология онтологией не является». Скорее, стоит говорить о том, что ницшеанский концепт «смерти Бога», сосредотачивает наше внимание на следующем факте: «мы сами его убили», т. е. из европейской культуры ушла навсегда, по крайней мере в сфере практики, ориентация на метафизического «Бога философов», свершился радикальный отказ от этического идолопоклонничества. Запад, представленный как место бесконечно длящегося убийства Бога, в некотором смысле в полном соответствии с иронией разума возвращается к возможности вновь стать христианским, так как Иисус призывал не к новой религии, а к новой жизни, как писал Д. Бонхеффер. «Смерть Бога» влечет за собой смерть абсолютной истины, т. е. и всякого метафизического регистра мысли. Но встает вопрос о том, необходимым ли образом с теологическими воззрениями связан метафизический подход к существованию Бога («совершенное сущее» и *causa sui*) или возможна *иная речь* о Боге? Мы не верим в существование метафизических концептов *самих по себе*, без учета вписанности оных в контекст того или иного языкового каркаса, поэтому не считаем, что, пытаясь восстановить диалог с теологическими дискурсами и осознав момент внутренней оправданности самой метафизики, мы неизбежно рискуем впасть в онто-теологию.

Мой тезис состоит в том, что возможна неметафизическая тематизация религиозного опыта.

Сначала хотелось бы сказать несколько слов о постметафизике. Так или иначе это всегда отказ от тотальности. В работе «После христианства» итальянский философ Дж. Ваттимо пишет: «Событие – это то самое, что случается сегодня, с нами, прямо здесь. Таким образом, ослабление бытия, которое происходит, когда в прыжке обнажается его событийная суть, всегда оказывается смыслом и связующей исторической нитью той традиции, в которую мы совершаем прыжок, – смыслом, раскрывающимся как ослабление. Восхождение к памяти истории бытия – это такая философия истории, которая принимает в качестве основной посылки еще и идею ослабления: истощение сильных структур как в теоретической сфере (переход от метанарративной метафизики к локальной рациональности; от веры в объективную сущность сознания – к осознанию герменевтической природы всякой истины), так и в сфере индивидуального и социального бытия (переход от субъекта, ориентированного на очевидность самосознания, к психоаналитическому субъекту; от деспотического государства – к конституционному государству и т. д.)» [З. С 30.]. Просто проиллюстрируем это на примере, который любит приводить Ваттимо: воскресение Иисуса или его воплощение – обычно эти события связывали с победой Иисуса над смертью, торжеством христианства и Церкви и т.п. Но Ваттимо предлагает смотреть на «священную историю» не как на тоталитарный дискурс о победе Бога, а как на кенозис или постепенное ослабление тоталитарности. Мы полагаем, что все это можно увязать и с поиском Бога в истории. Вспомним Климента Александрийского и его педагогическую концепцию откровения, где Бог выступает как педагог, конечное Откровение (а это и есть история), которого неизвестно (откровение носит личностный характер – Х.У. фон Бальтазар). Это значит, любая тоталитарность, провозглашенная религией или любой идеологией, лишена оснований.

Следующий тезис состоит в том, что богословие как определенная языковая игра не обесценена, но необходимы радикальные перемены в том, как христиане говорят и думают о Боге, если богословие желает выступать не в качестве замкнутого артефакта, никак не влияющего на теории и жизнь людей. Возможно, теологии нужна некая «лингвистическая терапия», т. е. нужно научиться говорить о Боге мирским языком, ибо построение христианской идентичности идет во многом за счет актуализации религиозного опыта относительно современности, т. е. с усмотрением в тексте Священного «более-чем-фактической» (М. Борг) истины, позволяющей изменить наш горизонт, поставив под сомнение некоторые предрассудки посредством выведения их в неустановленное. В качестве одного из примеров такого подхода можно обозначить т.н. «секулярную теологию» (Х. Кокс), когда тексты Писания читаются вне супранатуралистического или натуралистического контекста и реинтерпретируются для понимания условий и вызовов секулярной эпохи.

Почему мы говорим о *теологии*, употребляя такие предикаты, как постметафизическая, секулярная? Действительно, в рамках радикальной теологии, о которой я преимущественно веду речь, есть направления, названия которых могут смутить людей далеких от академической философской и богословской среды, например, «теология смерти Бога» (Т. Альтицер). Однако при внешней парадок-

сальности таких формулировок в применении к теологии, в каждом из этих направлений присутствует именно теологический дискурс. Парадокс – это та риторическая фигура, которая препятствует герметизации горизонта вопрошания, сопротивляясь собственной тематизации. Теологическая концептуальная схема как таковая связана не только и не столько с вопросом о существовании Бога, сколько с определением отношения к Богу, т. е. предполагает серьезный концептуальный анализ соответствующего понятия, и с методами использования слова «Бог» в речи и в текстах, т. е. со способом центрирования текста. Именно поэтому Томас Альтицер и Дон Кьюпитт – теологи, а Сэм Харрис и Ричард Докинз нет, хотя их убеждения (атеистические) по вопросу о существовании Бога могут частично или полностью совпадать.

Почему теология христианская? Это один из самых часто задаваемых вопросов по отношению к либеральной или радикальной теологии. Если теологи данных направлений не верят в основные христианские догматы или понимают их иначе, чем большинство христиан, если их представления о Боге далеки от классического теизма, то почему их называют христианами? Когда такой вопрос звучит со стороны ортодоксальных христиан, то это объяснимо, так как любая религиозная ортодоксия построена по принципу исключения и формируется за счет особого представления о «священной истории», которая подтверждает право ортодоксии на доминирование над различными неортодоксальными формами самовыражения. Подобные ортодоксальные христианские представления о границах христианства, к сожалению, влияют и на мнения людей далеких от ортодоксии. Поэтому сразу хочется отметить, что в нашем случае под «христианством» понимаются конкретные формы самовыражения, ортодоксальные и не ортодоксальные, чье содержание связано с Иисусом (Христом), личность которого помещается в центр мировоззрения. Таким образом, достигается максимальный охват всех существующих христоцентричных теологических систем и одновременно сохраняется дистанция между христианской теологией (теологиями) и другими теологическими системами.

Безусловно, любой разговор о Боге ограничен текстом и нашим мышлением, в т.ч. и атеистический разговор. Ведь атеизм – это тоже всего лишь перспектива, которая всегда является отрицанием лишь конкретной теологической схемы. Иначе может сложиться впечатление, что, говоря о том, что Бога не существует, некоторые атеисты по крайней мере знают, о чем говорят. Но как показывает теологический нон-когнитивизм (А. Айер), сам этот подход, провозглашающий отрицание бытия некоего *Бога вообще, в своей претензии на последнее слово оказывается не менее метафизичным и не более осмысленным, чем классический теизм.*

¹Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ МК-1872.2013.6

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алисон Дж.* Жизнь в последние времена. Иной взгляд на эсхатологию. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. – 231 с.
2. *Бонхеффер Д.* Сопротивление и покорность. – М: Издательство «Прогресс». – 344 с.

3. *Ваттимо Дж.* После христианства. – М.: Три квадрата, 2007. – 172 с.
4. *Исаев С.А.* Теология смерти: Очерки протестантского модернизма. – М: Политиздат, 1991. – 236 с.
5. *Кокс Х.* Мирской град. – М: Издательство «Восточная ЛИТЕРАТУРА», 1995. – 263 с.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

А. С. Гвоздев

Научный руководитель: к.ф.н. Е.В. Агафонова
Томский Государственный Университет

Религиозная проблематика, несмотря на прогнозы многих мыслителей конца XIX века, не теряет своей актуальности и в наши дни. Трактовки, с которыми встретила философия в то время, можно охарактеризовать, вслед за Д. Капуто, как «модернистские» [4. С. 186]. К таковым, в частности, относятся подходы К. Маркса, психоанализ З. Фрейда, нигилистическая философия Ф. Ницше. К. Маркс и З. Фрейд отрицали религию, находя ее либо служанкой идеологии, либо массовым неврозом. Сейчас становится ясно, что весь атеизм, который опирается на аргументы подобные тем, что встречаются у К. Маркса и Фрейда, находят как нельзя ближе к религиозной вере. И атеизм позитивистского толка, и религиозная вера оказываются, таким образом, на одном полюсе мысли.

Но Ф. Ницше, как последний метафизик в истории западной мысли, стоит особняком. Его слова о «смерти Бога» не есть простой бунтарский атеистический лозунг. Конечно, эта мысль и прежде посещала умы философов, в свое время ее артикулировал молодой Г.В.Ф. Гегель, но яркую антиметафизическую суть эта сентенция обрела лишь в устах Ф. Ницше. Этим тезисом Ф. Ницше выражает радикальное подозрение к любому, претендующему на объективность, метафизическому принципу. Фундаментальное отличие критики Ф. Ницше в том, что он не опирается на «суд разума», в отличие от других критиков религиозного сознания того времени. Анализируя его критику, Дж. Ваттимо приходит к выводу об аналогичности слов Ф. Ницше и критики метафизической традиции М. Хайдеггером.

Конечно, Ф. Ницше говорит о смерти христианского Бога. Он критикует, в первую очередь, европейские религиозные представления, опирающиеся на иудео-христианскую традицию. Но стоит помнить, что влияние библейских религий на мировую историю огромно. Американский исследователь Г. Кокс писал, что секуляризация во многом спровоцирована самим фактом возникновения иудаизма и христианства. Описанное сотворение мира в Ветхом Завете Г. Кокс связывает с расколдовыванием мира природы. Человек впервые увязывает творение в некую логическую цепочку причины и следствия. Вот что пишет сам автор: «Рассказ о Сотворении мира в книге Бытия – это своего рода атеистическая пропаганда. Его цель – объяснить евреям, что магические представления о природе как о некой полубожественной силе на самом деле ни на чем не основаны. Ягве, Творец, чье бытие сосредоточено вне мира природы, тот, кто творит этот мир и дает названия его частям, позволяет человеку увидеть природу в ее обычном виде». [5. С. 38] Таким образом, становится ясно, что интенция к секуляризации имплицитно содержится в библейских религиях.

Следствия постметафизического поворота в философии XX в. явно проявились и в теологической мысли. Стало ясно, что человек эпохи позднего капитализма уже не может воспринимать религию как прежде. Знаковым событием в области секулярной теологии стала работа Т. Альтицер, которая вышла под эпатажным заглавием «Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма». В ней Т. Альтицер, опираясь на опыт кенотического богословия, философствование

Ницше, Гегеля и поэта-мистика Блейка, интерпретирует христианскую веру в ключе опыта постметафизической современности, в то время, «когда просто находиться в состоянии обычного человека – значит начать жизнь без Бога». Смерть Бога у Альтицер трактуется как историческое событие и высший акт кенозиса, «самоуничтожения Бога» [1. С. 83]. Таким образом, можно сказать, что история Христа происходит у нас на глазах. Подобная тенденция в теологии прослеживалась в то время и в работах П. Ван Бюрена, который утверждал о важности исторической фигуры Иисуса, а не метафизического Бога. Наряду с ним, У. Гамильтон отмечал, что современному мирянину Бог стал не нужен.

Дж. Ваттимо, итальянский мыслитель, известный по работе «После христианства», интерпретирует главную западную религию скорее не с теологических позиций, а с позиций пребывания философа в мире, бытие в котором он характеризует как «ослабленное». Христианское послание в современном мире может быть сведено до его квинтэссенции – любви к ближнему, *caritas*. Все остальное – имеет подчиненный характер. Истина отходит на второй план, и, таким образом, всякая объективистская трактовка сущего не вписывается в контекст современности. Происходит своеобразное разрушение метанарративов, осуществляемое на основании христианской проповеди. Но и она сама подвергается постметафизической перетрактовке, и всякая традиционная религия, как институт власти, становится носителем предрассудков естественной метафизики. В свою очередь, метафизика трактуется через ее связь с насилием, и евангельское послание, как об этом писал Р. Жирар, раскрывает его механизмы [8. С. 168]. Постсекулярное общество открывает возможность реального диалога и открытости, это то общество, в котором единственно ложной оказывается интерпретация, которая полагает себя единственно верной. «Ослабленное мышление», о котором пишет Дж. Ваттимо, является нигилизмом, который сам себя разоблачает и помогает избавиться от традиционных жестких метафизических оппозиций. Неустранимым оказывается понимание Бога как любви, *caritas*, подлинная сущность которой воплощается в любви к ближнему.

Изменения в характере религиозной веры подмечал еще в XIX в. датский философ Серен Кьеркегор: «Мы являемся теми, кого называют «христианской» нацией. Но никто из нас не отражает характер христианства Нового Завета. К такому отношусь и я. Я неустанно повторяю, что я не кто иной, как только поэт. Мы поддерживаем всего лишь видимость христианской нации благодаря силе нашего воображения. У меня нет ни малейших сомнений в том, что если бы любой человек в нашей стране был честен с Богом и с самим собой, тогда он искренне признался бы в следующем. “Если быть честным до конца, то я не могу назвать себя христианином с точки зрения Нового Завета. Если быть предельно искренним, тогда я должен признать, что моя жизнь не устремлена к идеалам христианства Нового Завета. Я не отвергаю себя, не отрекаюсь от этого мира и не умираю для него...”. У меня нет ни малейших сомнений в том, что мы смогли бы сказать десяти своим приятелям о несоответствии их жизни христианскому учению Нового Завета. Нам хватило бы храбрости сказать эту правду. Но окруженные 100 000 людей, мы смущаемся и умолкаем» [7]. Это было время, когда в Европе началось формирование полноценного светского общества. Уже тогда слова Ницше о смерти Бога были более чем актуальны. Несмотря на свои религиозные представления, люди живут так, словно Бога нет. Но в этом нет ничего

удивительного, ведь вся европейская светская гуманистическая традиция опирается на христианские ценности, ненавистные последнему немецкому метафизику. Здесь проявляется некий диссонанс в проблематике совмещения религиозной веры и светского характера культуры, а именно противопоставление оснований нравственных светских ценностей в качестве производных от религиозных и, по сути, атеистического мировосприятия людей в обществе. Мы можем увидеть здесь характерный современному обществу парадокс, любой человек, идентифицирующий себя как верующий, им быть не может в силу характера сложившейся общественной ситуации. Такое функциональное неверие характерно для современного западного мира. Но наивный атеистический нигилизм, как становится ясно, не выход из такого положения. Функциональное неверие выступает, если продолжать мысль Дж. Ваттимо, как реальное осуществление христианства, акт кенозиса. Выражаясь иными, более простыми словами, что если атеистический мир – есть замысел божий?

Субъект эпохи постмодерна, осознавая свою причастность к христианскому посланию, свою историческую ограниченность, уже не способен опровергать религию, как это было у З. Фрейда, Ч. Дарвина и К. Маркса. В конце концов, даже религиозные институты, которые по традиции становятся главными мишенями социальной критики, играют роль в формировании культурной опоры для определенного круга общества. Они, таким образом, выступают в роли некоторого «предания» в герменевтическом смысле этого слова, формирующим «горизонт предрассудков» современного человека. Как писал Д. Бонхеффер, церковь должна участвовать в решении мирских задач и показать, что значит «жить для других» [2. С. 180]. Но, как кажется, следует относиться с подозрением ко всяческим объективистским и законодательным притязаниям церкви как института, понимая культурную и историческую детерминированность ее позиции.

Как писал Дж. Ваттимо: «Секуляризованная культура – это не та культура, в которой религиозное содержание традиции было просто оставлено где-то в прошлом, но культура, в которой это содержание продолжает переживаться как следы, как невидимые и искаженные образцы, чье глубинное присутствие постоянно» [4. С. 49]. Таким образом, можно сказать, что в наши дни сформировался принципиально новый вариант религиозности, не основанный на прямом отношении к трансцендентному. Следовательно, религия и религиозная вера в современном обществе получает определенную свободу и автономию, так как ни наука, ни какой-либо другой традиционный критический инструмент не может претендовать на развенчание «религиозной иллюзии», так как сам статус критического дискурса оказывается «под скептическим подозрением».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтицер Т.* Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. – М.: Канон+, 2010. – 224 с.
2. *Бонхеффер Д.* Сопrotивление и покорность. – М.: Прогресс, 1994. – 344 с.
3. *Ваттимо Дж.* После христианства. После христианства. – М.: Три квадрата, 2007. – 160 с.
4. *Ваттимо Дж.* Прозрачное Общество. - М.: Логос, 2002. – 128 с.

5. *Капуто Дж.* Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. – 2011. – №3 (82). – С. 186–205.
6. *Кокс Г.* Мирской град. – М.: Восточная ЛИТЕРАТУРА, 1995. – 263 с.
7. *Кьеркегор С.* Нападки на «христианство» // Рональд Х. Нэш. Ницше, Кьеркегор и смерть Бога [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/359/Nash> (дата обращения: 04.06.2013)
8. *Жирав Р.* Козел отпущения. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.

**ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ**

Л. В. Скомский

Научный руководитель: д.ф.н. Г. И. Петрова
Институт развития образовательных систем РАО

В данной статье рассматривается проблема образовательного самоопределения как экзистенциального акта, являющегося необходимым условием для выстраивания индивидуальной образовательной стратегии человека. Актуальность исследуемой темы исходит из специфики современной постметафизической онтологии, в которой отсутствуют жестко зафиксированные и устойчивые идеалы образованности. Такое положение дел связано с уходом метафизических универсалий, а это в свою очередь приводит социальность в состояние динамичности. Множество путей и способов самореализации ставят перед человеком и множество вариантов самоопределения, таким образом, содержание индивидуальной стратегии образования определяется личным волевым, избирательным актом. Но всегда ли человек определяет себя сам, исходя из определенной естественной предрасположенности, или на образовательное самоопределение оказывают влияние внешние обстоятельства? Сегодня вопросы самоопределения и самореализации человека в образовании, безусловно, исследуются различными науками: психологией, педагогикой, социологией. Исследование проблемы с позиции философской антропологии и философии образования отличается тем, что образование, прежде всего, понимается в его бытийном (онтологическом) статусе. Следовательно, феномен образования представляет собой рефлексивный способ бытия человека (индивидуальное самосозидание), а уже затем социальную потребность, которая реализуется посредством воспитания, обучения и социализации.

Все чаще мы наблюдаем в образовании отказ человека развивать качества своей личности, а это в свою очередь порождает образовательную неопределенность субъекта. Формирование индивидуальной образовательной стратегии происходит, таким образом, под влиянием внешних обстоятельств, как то: престижность или финансовые перспективы получаемой профессии. Что касается жизни в целом, то здесь человек при пассивности личного самоопределения может соотносить себя с «внешней культурой», о чем мы подробно скажем далее. Между тем, когда человек отказывается от самостоятельного определения пути своего развития, не учитывая качества своей личности, возлагая тем самым ответственность выбора на другого, это неизбежно приводит к кризису образовательного самоопределения.

Эффективность используемых образовательных практик сегодня напрямую зависит от личности самого образующегося. Это связано с тем, что в постметафизической онтологии человек оказывается в ситуации постоянного выбора на пути самотрансформации. Метафизическая онтология задавала четко обозначенные идеальные образы и формы становления человека, следуя которым он достигал состояния «образованности» и «завершенности». Эти же метафизические пределы, образы или универсалии представляли собой ориентиры, соотнося себя с которыми, человек определял и образовывал себя. Универсалии заключа-

ли в себе определенный набор знаний, навыков и норм поведения, оставшихся актуальными для человека на протяжении всей жизни. В условиях постметафизики универсалии перестают быть фундаментальными ориентирами на пути становления человека. Напротив, акцент делается на личностное самоопределение, которое происходит на основе индивидуальных качеств человека. В обозначенном контексте как никогда актуальны слова Ж. Липовецки: «Идеал подчинения личности рациональным коллективным правилам рассыпался в прах; процесс персонализации обеспечил в широких масштабах фундаментальную ценность – ценность индивидуального развития, признаки субъективного своеобразия, неповторимости личности, независимо от новых форм контроля и гомогенизации, которые осуществляются одновременно» [3. С. 20–21].

В условиях постметафизики универсалии перестают играть былую роль властных «метафизических регуляторов» образования. Человек не должен больше тотально следовать надличностному метафизическому «архэ» при определении и реализации себя. Идеалы образованности сегодня оказались подвержены постоянным трансформациям, это проявляется как в профессиональной сфере, так и в культуре вообще. Таким образом, специфика современной онтологии образования заключается в возможности и принципиальной необходимости свободного выбора человеком индивидуальной стратегии становления. Это касается как реализации в профессиональной деятельности, так и реализации в целом в жизни. Самоопределение человека в образовании, понимаемое нами в качестве рефлексивного акта свободного выбора индивидуального пути развития, представляется важной проблемой исследования. Каким образом и под влиянием чего современный человек избирает ту или иную стратегию своего становления и каковы пути наиболее эффективного самоопределения? На данный вопрос мы попытаемся дать ответ, обращаясь к некоторым философским учениям.

Современные образовательные интенции, которые обозначили себя в условиях постметафизической онтологии, своей целью имеют формирование человека, способного к творческому самосозиданию. Новый образовательный идеал, который становится все более отчетливым в философской антропологии и философии образования, – это человек, способный к самотрансформации в процессе своего становления. *Непрерывно меняющееся общество требует непрерывного изменения от человека.* В одной из работ мы уже показали, что для того, чтобы успевать за изменениями общества, человек в процессе своего становления должен обладать образовательным знанием [4. С. 24]. Это особые антропологические навыки, представляющие собой навыки быстрого получения и использования нового знания в процессе образования. Нет необходимости заострять на этом внимание, так как цель данной работы – показать, каким образом и на основе чего происходит определение человеком индивидуальной стратегии самореализации.

Проблема заключается в том, что человек в условиях постметафизической социальности под действием внешних влияний (например, СМИ, мода, массовая культура) во многих случаях отказывается от развития своего индивидуального личностного потенциала и стремится к реализации себя в соответствии с указанными выше идеями. Навязчивая трансляция популяризирует какую-либо профессиональную область или область знания, и субъект, поддавшись такому

рекламированию, зачастую следует навязанным ему идеям в процессе своего образования. На первый взгляд, данное утверждение может показаться противоречащим тезису о необходимости постоянного изменения человека в процессе образования. В данном контексте следует иметь в виду, что индивидуальное самоконструирование человека и постоянство изменения себя не представляют собой «отказ от себя», а скорей созидание и совершенствование уже имеющегося содержания личности в соответствии с вызовом времени. Безусловно, человек должен успевать за социальными изменениями, но не бежать от самого себя, слепо следуя извне заданным идеям.

Если в древней Греции самопознание было уделом философов, которые многие годы проводили в медитациях о своем индивидуальном и общественном предназначении, то сегодня это должно стать повседневной практикой в образовании в том смысле, что человеку необходимо рефлексивно всматриваться в себя. Духовные упражнения античности таят в себе важный методологический потенциал для современной онтологии образования. В последнее время было опубликовано несколько исследований, посвященных этой проблеме. Например, П. Адо определяет эти духовные упражнения в качестве «волевой личностной практики, предназначенной для осуществления преобразования индивидуума, самотрансформации» [1. С. 140]. В данном контексте имеется в виду, что у каждого человека есть естественная предрасположенность к конкретной деятельности, в психологии и педагогике это называют личностной компетенцией. Эта индивидуальная предрасположенность личности должна быть, во-первых, рефлексивно распознана (через экзистенциальное обращение к себе), во-вторых, она должна совершенствоваться в образовании. Отказ от самого себя под действием внешних причин неизбежно приводит к кризису. Мимо данного тезиса не прошел М. Хайдеггер в своей экзистенциальной аналитике. Индивидуальную предрасположенность человека Хайдеггер называет «особым умением быть», что реализуется в собственных экзистентных возможностях [5. С. 193]. Подлинное самоопределение человека происходит на основе его индивидуальных экзистенциальных характеристик. Хайдеггер фиксирует: «Присутствие есть возможность освобожденности для самого своего умения быть» [5. С. 144]. Раскрытие своего внутреннего экзистенциального потенциала, или личностной предрасположенности, происходит посредством рефлексивного акта «понимания», в котором человек становится открытым для своего собственного способа бытия, это и представляет собой подлинный процесс образовательного самоопределения. Понимая себя и свою личность, человек должным образом сможет выстроить свою индивидуальную образовательную стратегию.

С другой стороны, мы наблюдаем сегодня, что при выборе и реализации индивидуальной стратегии развития вообще, а не только профессионального образования, человек перекладывает ответственность за свой выбор на «другого». Этим «другим» может выступать как конкретный субъект, так и социальный институт. Таким образом, во многих случаях происходит отказ от подлинности своего самоопределения, а это приводит в последующем и к кризису самореализации. Почему это происходит? Почему в условиях социальности, где принципиальную роль играет личность, неповторимость ее содержания, человек вдруг возлагает ответственность за образовательный выбор на внешних «медиаторов»

(например, на педагога или образовательный институт) и тем самым «бежит от самого себя»?

Ответ на поставленный вопрос может быть найден в специфике современной культуры, которая характеризуется мощным информационно-коммуникативным воздействием на человека. Навязчивая трансляция сиюминутных ценностей вводит субъекта в состояние неопределенности, в этом хаосе ему становится непонятно, чему соответствовать, какой ориентир выбрать при формировании образовательной стратегии. В этой информационной суете человек зачастую соотносит себя с «внешней культурой», забывая тем самым о «культуре личности» и таким образом снимая с себя ответственность за свой выбор. Если определение себя во внешней культуре действительно может быть произведено при содействии «медиатора», стороннего субъекта или института, который собственно вводит человека в эту культуру через усвоение объективных ценностей, то выстраивание индивидуальной образовательной стратегии, являющейся частью «культуры личности», непременно требует рефлексивных актов самоопределения.

Для подлинной самореализации личности образовательное самоопределение как индивидуальный рефлексивный акт самопознания должен быть первичным по отношению к определению себя во «внешней культуре». Уместен здесь тезис Джона Дьюи касающийся того, что образование – это «развитие, идущее изнутри». Множество психологических и педагогических концепций, подробно рассматривать которые вовсе не обязательно в рамках данного исследования, требуют от человека максимально развивать свой личностный потенциал в гармонии с «внешней культурой», но мы наблюдаем прямо противоположную ситуацию в образовании, где человек делает выбор, не исходя из своих личностных предрасположенностей, а следуя «массовому инстинкту» или «зову моды». Получается, человек не хозяин самого себя? Г. Зиммель в данном контексте допускает, что человек, стремясь к реализации в культуре, может лишиться в чем-то своей субъективности, это естественно для человека; но он не должен полностью лишиться своих внутренних экзистенциальных особенностей вживаясь в социальное пространство [2. С. 84]. Еще Сократ, призывая к «заботе о себе», указывал на душу, как «самое само», на личность человека, ее уникальность и неповторимость. Указание Сократа оказывается актуально и сегодня, даже особенно. Современному человеку необходимо уметь рефлексивно всматриваться в себя, совершенствовать свой личностный потенциал, а не отказываться от него под давлением «внешней культуры».

Что касается системы образования, то она должна не делать выбор за человека, а создавать условия для его эффективного самоопределения, причем максимально индивидуализированного. В противном случае это напоминало бы властное инженерное формирование человека под какой-то извне заданный образ, лишение человека права на самореализацию с учетом его личностных интенций, а это недопустимо, так как неизбежно приводит к кризису. Человеку должно быть, а не казаться. Не отказываться от себя, а развивать и совершенствовать, созидать и образовывать уже наличествующее содержание личности в гармонии с «внешней культурой», не поддаваясь ее властному влиянию.

Таким образом, вывод состоит в следующем: для эффективного образовательного самоопределения человеку следует обращать внимание, прежде всего,

на особенности своей личности в рефлексивном акте самопознания, распознавая в себе те навыки, которые подлежат совершенствованию в процессе образования. В постметафизической онтологии человек волен выбирать индивидуальный путь или стратегию своего развития, внешний «медиатор» должен не противостоять свободному выбору, а создавать условия для эффективного образовательного самоопределения личности. Идеал человека, способного к самообразованию, творческому самосозиданию необходимо предполагает способность образовательного самоопределения, умения всматриваться в себя и понимать себя. Для соответствия современной социальности человек должен преодолеть пассивность самосознания для полноценной реализации своей свободы на пути становления. В данной связи как никогда ценны слова ницшеанского Заратустры: «Трудно открыть человека, а себя самого всего труднее...».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адо П.* Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 288 с.
2. *Зиммель Г.* Избранные работы. – К.: Ника-Центр, 2006. – 440 с.
3. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – Спб.: Владимир Даль, 2001. – 331с.
4. *Скомский Л. В.* Влияние социальной нестабильности на феномен образования в современном обществе // Initia: Сб. статей участников XII региональной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», 23-24 апреля 2010г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 12. – С. 21–25.
5. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Академический проект, 2011. – 460 с.

«МУЖСКОЕ» И «ЖЕНСКОЕ» В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

М. А. Худышкина

Научный руководитель: к.ф.н. Е. Б. Хитрук
Томский государственный университет

В современной культуре происходит трансформация традиционного представления о роли мужчин и женщин в обществе. Можно наблюдать, как все большее количество женщин проникает в недоступные для них ранее сферы культуры: политика, экономика, сфера высшего образования. Больше того, женщины начинают завоевывать в этих сферах серьезные и влиятельные позиции. В то же время многие мужчины сознательно отказываются от классического идеала «брутальности», находя себя в таких традиционно женских занятиях, как сфера красоты и моды или домоводство и воспитание детей.

Указанные изменения в распределении ролей мужчины и женщины получают в современном обществе неоднозначную оценку, поскольку не согласуются с традиционными идеалами мужчины, как активного политического деятеля, добытчика в семье, воина, способного защитить свою семью и Родину, и женщины, как «хранительницы домашнего очага», в компетенцию которой входит работа о детях, хозяйстве, собственном внешнем виде.

Современный кризис в понимании мужского и женского начала для своего разрешения с необходимостью требует обращения к философской традиции для того, чтобы проследить истоки формирования классической модели концептуализации мужского и женского, а также выявить возможные основания для преодоления этой модели в современном философском дискурсе.

В связи с этим чрезвычайно актуальным в современной социокультурной ситуации является обращение к античной философии с целью прояснения истоков формирования классической репрезентации мужского и женского.

Таким образом, основная проблема данной работы может быть сформулирована следующим образом:

С одной стороны, в современной культуре трансформация традиционных ролей мужчины и женщины выявила неопределенность в понимании мужского и женского.

С другой стороны, мужское и женское являются категориями, а, следовательно, должны в философском дискурсе иметь совершенно определенное значение.

Цель – выявить определенное значение категорий мужское и женское в дискурсе античности и обозначить его философские основания.

1. Стоит начать рассмотрение вопроса с мифологической стороны. Греки относились к женщине презрительно, она «находилась» между женщиной и рабом.

Рассматривая, например, гомеровский эпос («Илиада» и «Одиссея»), видно, что власть – прерогатива мужская, а женским является образ женщины-матери, хранительница семейного очага. Показывая взаимоотношения Геры и Зевса, мы видим, что существует патриархальный тип семьи, как единственный правильный, общепринятый, традиционный для всех. Отношения строятся на эмоциональности, как характерной черте для женщины, ее послушании и чувственности. А «мужское», разумеется, главенствует, обладает рациональностью и необсуждаемой весомостью слова и действия, как в семье, так и на других поприщах

жизни. Гомер четко разделяет границы мужского и женского, давая характеристики и показывая превосходство мужского пола.

Можно говорить о том, что такие качества как мужественность, решительность, смелость как чисто «мужское» могут быть присущи и женщине. Гомер, утверждает определенные характеристики личности, половая принадлежность которых утверждена стереотипами того или иного общества независимо от пола.

Сюжеты космогонических мифов обусловлены онтологической неоднородностью. Дуализм является одной из основных онтологических позиций, которые присутствуют в мифологическом сознании. Из данного рода рассуждений, точнее, из дуалистического представления бытия, следует извлечь важный вывод о том, что, где есть дуализм, там есть и противостояние, в данном случае - противостояние мужского и женского начал.

2. Также, была рассмотрена философия Пифагора. В ней имеется учение о противоположностях, которое находится в прямой связи с теорией чисел. «С момента проявления Бог двойственен (материя и дух, мужское и женское начало). Противоположность между нечетными (высшими) и четными (низшими, порожденными из высших путем удвоения) числами проявляется в природе и в виде ряда других противоположностей» [2. С. 8].

Диада – разделение мира, возникновение его двойственности: мужского и женского начал, духовного и физического миров. Указывалось таблица противоположностей – десять пар онтологических принципов: предел-беспредельное, нечетное-четное, одно-многое, правое-левое, прямое-кривое, покой-движение, свет-тьма, добро-зло, мужское-женское, квадрат-параллелограмм. Здесь смысл заключается в том, что противоположности имеют не только возможность существования одной пары, например, квадрата и параллелограмма, когда их «отношения» строятся на исключении и отдельности друг от друга. Но в нашем случае имеет смысл показать, что женское как раз таки не только исключает мужское, но и невозможно без существования своей противоположности. Что приводит к выводу о разнице двойственного проявления.

Основная максима Пифагора, которой он учил своих учеников, заключается в том, чтобы принять дуализм как основной принцип мира, который правит всеми вещами. Понятия «мужского» и «женского» у пифагорейцев имели своеобразное место. Они учили о превосходстве мужского начала над женским, и, вместе с этим, женщины занимали в пифагорейском союзе высокое место и, по преданию, были даже главами союза.

3. Платон, в свою очередь, предоставляет функции государственного управления правителям-философам (мужчинам), которые имеют интеллектуальные предрасположенности и таланты, например, философия. Только они способны принимать справедливые решения. «Так как женское начало у Платона – всегда частное, основанное на доминировании эгоистических влечений, ни одна социальная функция, связанная с управлением общественными делами, не может быть, согласно Платону, присуща женщине. Низкая чувственность, воплощенная женским началом, является у Платона препятствием деятельности разума, признается несовершенной, угрозой разуму, которую нужно устранить» [1. С. 393].

В диалоге «Пир» Платон квалифицирует «высший» тип чувственности, как «духовный» или «небесный» мужской эрос, сферой проявления которого явля-

ется философия. Пошлый, женский-«низкий» род эроса, случайные эгоистические влечения и не подчиненность разуму. В этом же произведении Платон впервые формулирует идею существования не двух, а трех полов: мужского, женского, андрогинного. Андрогин объединял в себе оба пола.

Именно в «Пире» образ Диотимы показывает нам, что гендерные роли попадают под влияние сложившегося порядка в обществе: мужская сфера-образование, например. А вот актерские качества очень близки по характеристике женщине.

Платон, ко всему прочему, утверждал, что женщина сама не желает быть в центре внимания и, более того, будут оказывать сопротивление и недовольство. Подчеркнута подчиненная роль женщины в обществе. В основе философии Платона лежит противопоставление чувственно воспринимаемого и бестелесного миров. Он считал, что личность определяет характер человека. Она является единством мужского и женского. Женские качества намного уступали мужским. И личность с преобладанием мужского занимала «наивысшую ступень». В античности пол создавался обществом «искусственно». Это зависело от изменений в мировоззрениях. Тем не менее, приоритет мужского пола над женским сохранялся.

4. Согласно же Аристотелю, только свободные взрослые мужчины могут квалифицироваться как полноценные личности, потому что только они могут полноценно функционировать и рационально управлять семьей и государством. Отношения строятся на господстве и подчинении, будь то управление государством или распределение ролей в семье.

В онтологических рассуждениях он приводит в качестве аргумента в пользу мужского доминирования природное свойство женщин быть желанными и привлекательными для мужчин и поэтому жены охотно подчинялись мужьям.

Дуализмом проникнута вся аристотелевскую философия. Дуалистическую оппозицию между мужским и женским Аристотель рассматривает в качестве «фундамента» (начала) и использует противоположности как образец для отношений между формой и материей. Онтология как раз и тщательно рассматривала и рассматривает эту дуалистическую позицию.

В рассмотренных концепциях «мужское» и «женское» выступает как следствие онтологического дуализма.

Анализируя сочинения Пифагора, Платона и Аристотеля, можно сделать вывод:

В античной философии рассматриваемые понятия понимались так: мужское – рациональное, духовное, божественное, культурное. Женское – чувственное, телесное, греховное, природное, пассивное. Мужское – активная, детерминирующая форма, женское – пассивная, хаотичная материя. Материя, ассоциирующаяся с женским и природным, представляется у греков тем, что должно быть трансцендировано в поисках рационального знания. Рациональное «мужское» является основой власти, признаком высокого духовного и умственного развития и главенствующей силой.

«Половая дифференциация - это онтологический принцип: лучше, когда высший принцип отделен от низшего. Поэтому если это возможно и там, где это возможно, мужское отделено от женского» [3. С. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жеребкин С.* Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования в 3-х частях. – Харьков: ХЦГИ; М.: Алетейя, 2001. – Ч. 1. – 708 с.
2. *Лешкевич Т. Г.* Философия науки: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 428 с.
3. *Discovering Reality. Feminist Perspectives on Epistemology, Methaphysics, Methodology and Philosophy* / Eds. S. Harding and M. Hintikka. – Dordrecht, Boston, L., 1983. – P. 5.

ХИЛАРИ ПАТНЭМ И РИЧАРД РОРТИ: ПОНЯТИЕ ИСТИНЫ В ДИСКУССИИ РЕАЛИЗМ-АНТИРЕАЛИЗМ

Е. А. Шадрина

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Ладов

Томский государственный университет

Вопросы о том, что есть мир? Что мы можем знать о нем? Может ли наше знание быть истинным? И что есть истина? Относятся к вопросам о реальности. Споры о реальности сегодня не новы, однако они по-прежнему занимают центральное место в философии науки и эпистемологии. Полемика между реализмом и антиреализмом, в частности, представляется одним из центральных и актуальных вопросов в истории философии с довольно богатой историей.

Современная аналитическая философия не отличается строгим единством относительно вопроса реальности и возможностях ее познания. Скорее наоборот, невероятное количество теорий относительно вопросов истины и объективности знания, выросших из дискуссии реализма и его противника – антиреализма, является визитной карточкой аналитической философии, что лишний раз подчеркивает ее актуальность и неиссякаемый интерес исследователей к данному вопросу.

В данной статье мы сделаем попытку представить ключевые аспекты полемики между Ричардом Рорти и Хилари Патнэмом – современными американскими мыслителями, стоящими по разные стороны баррикады и внесшими большой вклад в разработку теорий реализма.

С возникновением идеи релятивизации познания встает серьезный вопрос, а есть ли смысл нам говорить об объективной реальности? Может нам следует отвергнуть идеал истинного знания о ней?

Ярым противником идеи релятивизации познания выступает Хилари Патнэм, чей философско-исследовательский путь нельзя назвать строгим и однозначным. В разные периоды своего творчества Патнэм придерживался различных позиций реализма. В данном случае нас более всего интересует период его приверженности теории «внутреннего реализма», выраженной в критике релятивизма и пересмотре понимания значения истины.

За разработку идеи «внутреннего реализма» (интернализма), как наиболее прагматического подхода к теории реализма, исследователи называют Патнэма вторым после Рорти мыслителем, внесшим весомый вклад в возрождение прагматизма.

Согласно теории «внутреннего реализма» «... вопрос о том, из каких объектов состоит мир, имеет смысл задавать только в рамках некоторой теории или описания» [4. С. 49].

Согласно данной теории, объекты, составляющие окружающую реальность, зависят от определенных описательных схем нашего разума. И в рамках этой схемы объекты и знаки, с помощью которых описываются объекты, являются для схемы внутренними, идеально соответствующими ей, следовательно, не возникает проблемы соответствия.

Патнэм выстраивает свою теорию так, чтобы она объединила в себе объективную и субъективную точки зрения на окружающую реальность, что, по мнению Рорти, является неубедительными и заведомо противоречивым, так как че-

ловеческое познание, по его мнению, может быть только внутренним. Патнэм идет дальше и вводит понятие истины как «рациональной приемлемости», в качестве главного критерия которой выступает непротиворечивость, согласованность с внешним миром и практическая полезность. Далее, чтобы провести различия между истиной и рациональной приемлемостью, Патнэм вводит понятие идеальных эпистемических условий.

Что это значит? «Мы называем утверждение истинным, если бы оно имело оправдание при этих условиях» [2. С. 63]. Патнэм выступает за идеальные условия принятия истины, отвергая произвольные эмпирические суждения, так как такое допущение помогает преодолеть релятивизм и сведение объективности к общезначимости. Говоря об отождествлении истины с идеализированным обоснованием, философ выступает против обоснования посредством наличных свидетельств, так как не существует правила, или универсального метода, которые бы говорили о том, какие условия лучше в обосновании произвольного эмпирического суждения. Следовательно, такая истина смутна, относительна и зависит от контекста настолько, насколько от него зависим мы. Данное положение Патнэм подкрепляет примером: «В моем кабинете сейчас стоит стул. Любой нормальный человек при достаточно хороших эпистемических условиях может верифицировать это предложение. Достаточно хорошие эпистемические условия могут состоять, например, в том, что этот человек обладает хорошим зрением, не находится под воздействием галлюциногенных средств, в кабинете сейчас светло и т. д. Однако, откуда я знаю, что эти условия лучше для такого рода заключения, нежели условия, предполагающие не очень хорошее зрение или взгляд на комнату через телескоп с большого расстояния, или условия, сопряженные с воздействием ЛСД?» [3. С. 209].

Факт введения эпистемических условий свидетельствует о том, что философ до последнего пытался противостоять релятивизму.

И здесь Рорти и Патнэм расходятся во взглядах. Традиционный субъект-объектный образ, пришедший на смену идеализму, Патнэм пытается заменить «и не впасть при этом в идеалистические парадоксы» [4. С. 15], но, по мнению Рорти, его попытки безуспешны.

Рорти выступает против разделения картины мира на субъект-объектную часть, где человек и мир стоят по разные стороны «убеждений» и «желаний», говоря о том, что в соответствии с такой картиной, «альтернатива взаимодействия обеих сторон будет сводиться лишь к выражению одной, либо к репрезентации другой» [4. С. 11].

Дополняя свой тезис о нежизнеспособности идеи истины Патнэма, Рорти заявляет, что мир не может быть сам по себе истинным или ложным, истинными или ложными могут быть его описания, данные человеком. Соответственно человеческое познание может быть только внутренним.

Значит, формулировка истины как «идеальной рациональной приемлемости», по мнению Рорти будет являться только и всего, что «приемлемой для нас», для нашего языкового сообщества и выступать, по мнению философа, не более, чем «пустым комплиментом...» [5. С. 13].

Подобные рассуждения приводят нас к пониманию того, что Рорти в принципе считает понятие «истина» бессодержательным и не заслуживающим того внимания и сил, которые тратят философы на его разработку.

В работе «Случайность, ирония и солидарность» Рорти делает заявление о том, что все, чем мы располагаем в своем познании, является содержанием разговора – разговора людей: «Мир не говорит. Говорим только мы. Мир может – раз мы уже запрограммировали себя языком – вынудить нас придерживаться мнений. Но он не может предложить язык, на котором нам говорить. Это могут сделать только другие люди» [5. С. 12]. Говоря о том, что истина является всего лишь внутренним свойством языка, предложений, которые создаются людьми, Рорти отрицает отношения между миром и его человеческими описаниями, сводя реальный мир и формирование человеческой самости как таковой только лишь к способности человека использовать язык.

По мнению Рорти, люди не нуждаются в познании объектов внешней реальности, а для полного освоения в мире им необходимо «лингвистическое взаимодействие с другими людьми» [1. С. 182], участвующими в одной языковой игре. Другими словами, для заявления о существовании внешнего мира релятивисту достаточно находиться в том культурном сообществе, где придерживаются такого же мнения, соглашаются с ним. И ничего, кроме лингвистического консенсуса, по мнению Рорти, более не требуется для обоснования реализма.

Патнэм не может согласиться с таким дерзким нигилистическим отношением к классической философской проблеме. Будучи убежденным, что вопрос обоснования реализма заслуживает большого внимания со стороны философов, Патнэм не оставляет усилий по пути разработки идеи истины и критики релятивизма и стремится доказать существование объективной истины, которое отрицает релятивизм. Патнэм говорит об объективной истине как о рациональной приемлемости, понимая, в конечном счете, под объективностью *общезначимость* с точки зрения представителей определенных культур: «учитывая, что рациональность в его понимании не является набором неизменных и вечных канонных или принципов, а исторически изменяется, то из этого можно заключить, что объективным, с его точки зрения, является то, что представляется таковым людям разных культур на основе принятых ими стандартов рациональности» [2. С. 62]. Такое понимание объективности, по мнению критиков, «не позволяет полностью преодолеть релятивизм, поскольку то, что считается общезначимым в одной культуре, может не быть общезначимым в другой культуре и т. д.» [2. С. 61]. Это заставляет Патнэма продолжить свои исследования по вопросу истины и защиты реализма, вновь и вновь пересматривая свои взгляды.

На сегодняшний день не представляется возможным свести многолетний спор относительно обоснования истины двух ярких представителей американской философской мысли к общему конструктивному знаменателю. Однако исследование данного противостояния потому и интересно, что и Патнэм и Рорти, несмотря на указание внутренних противоречий в теориях друг друга и бесконечные творческие поиски, до конца оставались преданными своим убеждениям и с большим энтузиазмом отстаивали их.

Аналитическая философия, как уже отмечалось, пронизана подобными противоречиями относительно понимания значения истины и возможности обоснования теории реализма в принципе, что показывают немалые усилия современных мыслителей, плодотворные идеи которых, безусловно, заслуживают внимания и обсуждения, потому как открывают перед нами наиболее полный горизонт исследований и подогревают научный интерес к данной проблематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джохадзе И.* Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология & философия науки. – 2011. – №4. – С. 175–190.
2. *Макеева Л. Б.* Философия Х. Патнэма. – М.: Прогресс, 1996. – 190 с.
3. *Патнем Х.* Введение к книге «Реализм и разум» // Современная философия науки. – М: Логос, 1996. – С.209-220.
4. *Патнэм Х.* Разум. Истина. История. – М.: Практика, 2002. – 296 с.
5. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.
6. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1997. – 293 с.
7. *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998. – 296 с.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ**СИНХРОНИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ**

М. Е. Долгий

Научные руководители: д.ф.-м.н. В.А. Тартаковский, д.ф.н. И. А. Черникова
*Томский государственный университет**Fructus temporum*

Что ждет современную науку в будущем? – вопрос, который интересует все научное сообщество и требует пересмотра критериев научности, а возможно и законов науки.

Современная наука связана с квантово-релятивистской картиной мира. Практически все ее характеристики отличаются от науки классической, и потому иначе ее называют неклассической наукой. В качестве совершенно нового состояния науки она обладает рядом особенностей.

Развитие биосферного класса наук вкупе с концепцией самоорганизации материи доказывает, что Жизнь и Разум во Вселенной возникли не случайно. Это на совершенно ином уровне возвращает нас к вопросам цели и смысла существования Вселенной, говорит о запланированном появлении разума, который полностью реализует все доступные ему возможности в будущем [1. С 98].

Соединение науки с производством, научно-техническая революция, начавшаяся с середины XIX столетия, казалось, предъявили несомненные доказательства ведущей роли науки в обществе [1. С 98].

Вместе со сменой картины мира должны были претерпеть изменения и основные методологические принципы научного познания. Классические методологические принципы научного познания перестали быть достаточными для современного научного познания, но все же остаются необходимыми условиями для существования знания. Обратимся к классификации С. В. Илларионова для определения основных из них: проверяемость (подтверждаемость), опровергаемость (фальсифицируемость), наблюдаемость, простота, инвариантность в научном познании и согласованность (системность) научного знания [3. С. 139].

И. В. Черникова, сравнивая принципы, лежащие в основании классической, неклассической и постнеклассической науки, выделяет соответственно: принцип Коперника в основании классической науки; принципы дополненности, неопределенности и суперпозиции в основании неклассической науки; антропный принцип в основании постнеклассической науки [6. С. 137–171]. Поскольку постнеклассическая наука проходит этап становления, требуется выявление и дальнейший анализ принципов лежащих в основании постнеклассической научности.

Следуя теории научно-исследовательских программ И. Лакатоса, [4. С. 323, 473] можно предположить, что как классическая механика применяется в совре-

менной физике для описания классических систем, так и упомянутые выше принципы научного познания могут быть полностью применены к знанию, полученному таким образом, без какой-либо ссылки на их неполноту.

Отказ от признания ведущей роли классической механики, а также ее замена на квантово-релятивистскую механику, привели в итоге к разрушению классической модели, в рамках которой мир представлялся механизмом. На смену этой концепции пришла модель мира, основанная на идее всеобщей связи, развития и изменчивости. Механистичность и метафизичность, свойственные классической науке, сменились новыми диалектическими установками:

- на смену классическому механическому детерминизму, который совершенно исключал элемент случайного из картины мира, пришел современный вероятностный детерминизм, предполагающий вариативность картины мира;

- прежде экспериментатору отводилась роль пассивного наблюдателя, на смену ей пришел новый деятельностный подход, признающий, что сам исследователь, приборы и условия оказывают несомненное влияние, как на прохождение эксперимента, так и на полученные в ходе него результаты;

- стремление отыскать конечную материальную первооснову мира сменилось убеждением в принципиальной невозможности осуществить это, сформировались представления о неисчерпаемости материи;

- понимание познания не как отражения или репрезентации, а как проективно-конструктивной деятельности, этот подход основывается на признании активности исследователя, который выступает не просто в качестве зеркала действительности, но и активно формирует ее образ;

- научное знание понимается не как абсолютно достоверное, но как относительно истинное, существующее в рамках множества теорий, содержащих элементы объективно-истинного знания. Подобный подход разрушает классический идеал точного и строгого (количественно неограниченно детализируемого) знания, обуславливая неточность и нестрогость современной науки [1. С 97].

Картина постоянно изменяющейся природы преломляется в новых исследовательских установках:

- отказ от изоляции предмета от окружающих воздействий, что было свойственно классической науке;

- признание зависимости свойств предмета от конкретной ситуации, в которой он находится;

- системно-целостная оценка функционирования предмета, в которой учитывается обусловленная как логикой внутреннего изменения, так и формами взаимодействия с другими предметами;

- динамизм – переход от исследования равновесных структурных организаций к анализу неравновесных, нестационарных структур, открытых систем с обратной связью;

- антиэлементаризм – отказ от стремления выделить элементарные составляющие сложных структур, системный анализ динамически действующих открытых неравновесных систем [1. С 96–98].

Чтобы проиллюстрировать важность определения четких критериев научности, соответствующих текущему положению дел, обратимся к историческому факту, положившему начало неполноте методологических критериев научности. В 20-е годы прошлого века К. Юнг заинтересовался проблемой странных и

необъяснимых смысловых совпадений, наличие которых не может быть объяснено существованием причинно-следственных связей, имеющих непосредственное отношение к первой из трех выделенных В. Л. Гинзбургом [2. С. 149] «великих» проблем физики - проблеме стрелы времени. Юнг назвал эти смысловые совпадения «синхронистическими» [8].

В то же время продолжалось становление квантово-волновой картины мира. Интересно, что одним из первых кто начал поиски логически последовательных основ квантовой механики был Чарльз Дарвин, который в одной из своих статей писал: «Я давно уже считал, что фундаментальные основы физики находятся в ужасном состоянии. ... Может случиться, что потребуются фундаментально изменить наши представления о времени и пространстве...» [10. С. 227–253].

Юнг был убежден в том, что наличие синхронистических совпадений может быть объяснено только тем, что материальное и психическое «соприкасаются» друг с другом на каком-то глубинном уровне. Более того: материальное и психическое представляют собою, по сути, два взаимодополнительных способа проявления некой единой природы. «Так как психе и материя содержатся в одном и том же мире, то даже и весьма вероятно, что психе и материя – это два различных аспекта одной и той же сущности», – писал Юнг в работе «О природе психе» [7].

Данные выводы были сделаны Юнгом на основе длительного общения с родоначальником квантовой механики Паули [5. С. 109–124], считавшим, что «общая проблема связи между психическим и физическим, внутренним и внешним, не может быть решена и с помощью возникшего в то время понятия «психофизического параллелизма» [5. С. 115]. Данный диспут разрешил Бор, введя понятие дополнительности непосредственно в физику, после чего стало очевидно, что вероятностный характер законов природы обусловлен не нашим незнанием подлинной природы вещей, а присущ природе «самой по себе». Это значит, что углубляясь в «суть» мироздания, мы достигаем того предела, за которым существенными становятся уже не только причинно-следственные связи, но и связи синхронистические, не обусловленные наличием какого-либо переносчика взаимодействия [9].

Таким образом, касаясь третьей из поднятых В. Л. Гинзбургом [2. С. 146] «великих» проблем физики, можно, основываясь на исследованиях Юнга и Паули, предположить, что не жизнь и сознание должны объясняться исходя из законов физики, но законы физики и законы сознания должны рассматриваться как взаимно-дополнительные.

При введении в науку теории Юнга рушится каркас самих основ последней, пространство и время становятся настолько условными, что могут утратить свой смысл. Начатый позитивистами путь науки к порядку приводит нас к высшей мере его представляющей – хаосу, постичь который классическая наука не может. А современная наука, перестав быть лабораторной, все ближе и ближе подступает к грани научности.

В заключение хочется подчеркнуть, что проблемы, затронутые в данной работе, требуют дальнейшего рассмотрения и изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грушевицкая Т. Г., Садохин А. П.* Концепции современного естествознания: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1998. – 383 с.
2. *Гейзенберг В.* Избранные философские работы. – СПб.: «Наука», 2006 . – 570 с.
3. *Илларионов С. В.* Теория познания и философия науки.– М.: РОССПЭН, 2007. – 535 с.
4. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
5. *Линдорф Д.* Юнг и Паули: встреча двух великих умов. – М.: Касталия, 2013. – 282 с.
6. *Черникова И. В.* Философия и история науки. – Томск: НТЛ, 2001. – 360 с.
7. *Юнг К. Г.* О природе психе [Электронный ресурс]. URL: <http://jungland.ru/node/1592> (дата обращения: 15.05.2013)
8. *Юнг К. Г.* Синхронистичность: некаузальный связующий принцип [Электронный ресурс]. URL: <http://jungland.ru/node/1812> (дата обращения: 15.05.2013)
9. *Darrigol O.* Cohérence et complétude de la mécanique quantique : l'exemple de 'Bohr-Rosenfeld' // Rev. Histoire Sci. – 1991. – Vol. 44 (2). – PP. 137–179.
10. *Darwin C. G.* The Electron as a Vector Wave // Proc. R. Soc. Lond. A. – 1927. – Vol. 116. – PP. 227–253.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: РОСКОШЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

О.В. Егоров

Научный руководитель: д.ф.-м.н. О.К. Войцеховская, д.ф.н. И.В. Черникова
Томский государственный университет

*Один опыт я ставлю выше, чем тысяча мнений,
рожденных только воображением
М.В. Ломоносов*

Зарождение в западной Европе научной деятельности в форме наиболее близкой к современной связывают с появлением на рубеже XVI-XVII веков экспериментального метода как эффективного способа проверки достоверности научных гипотез, выдвигаемых учеными. Необходимость соотнесения результатов умственного труда, выраженных в форме теоретических конструкций, с данными практик является следствием изменения роли научного познания в культуре европейской цивилизации [1. С. 45].

Естественное развитие атрибутов человека, таких как речь, память, способность к наблюдению и анализу, привели к появлению, а впоследствии и усложнению социальных институтов им возводимых. Много лет прошло с тех пор, как он сумел, преодолев свой страх, научиться управлять огнем, который помимо удовлетворения его биологических потребностей, стал также и важным шагом на его пути к независимости от природы. Аналогичная ситуация произошла и в Новое время: существование человека внутри общества не прошло бесследно, а наделило его новыми качествами, поддержание и развитие которых требовало от него личных действий. Возможность получения реального результата от мыслительной деятельности, совершенствовавшейся на протяжении многих веков, сыграла решающую роль в ее культивации в культуре человека.

Нацеленность на извлечение из мыслительной деятельности материальной пользы оставила свой отпечаток и на характере научного знания, потребовав от последнего экспериментальной проверки. На *первом этапе* развития экспериментальной физики объектами исследования человека становятся явления, возникающие при взаимодействии двух и более макроскопических элементов неживой природы, интерпретация и предсказание которых стали возможными после развития методик построения математических моделей. Например, известное соотношение, следующее из второго закона Ньютона, устанавливающее зависимость ускорения тела от его массы и действующей на него силы, является одним из фундаментальных уравнений физики и применяется при расчете движения как звезд, так и динамики шайбы хоккеиста или боевого снаряда. Важная особенность, изучаемых на этом этапе явлений, заключена в возможности их интуитивного восприятия, или *гроканья* (от англ. *to grok* – исчерпывающе и интуитивно понимать что-либо) [6. С. 9]. Можно грокать трехмерное пространство, траекторию испущенной стрелы или той же шайбы, координацию движений в балетном танце и при этом не знать законов физики.

Выработав алгоритм общения с объектами макроскопических размеров, успех от использования которого привел к научно-технической революции, со-

знание ученного стало в XX веке в тупик после обращения к явлениям области физики элементарных частиц, которые непосредственно неподвластны восприятию органами чувств. Отсутствие детальной информации об изучаемых объектах потребовало применения вероятностного метода для их описания. Это означало разрыв с лапласовским детерминизмом и привнесение в теорию идеализаций качественно новой природы, таких как принцип неопределенности Гейзенберга или спин у электрона. Они образованы не за счет отвлечения от реальных свойств наблюдаемых объектов, как например идеализация материальной точки, а являются теоретическим конструктом разума. Могла ли эволюция привести нас к интуитивному пониманию таких миров, столь радикально отличающихся от нашего?

Сознание ученого адаптировалось к восприятию малопонятных явлений, конструированию такого рода абстракций и последующему синтезу теорий. Можно считать, что с этого момента роль математики в физике заметно возрастает, так как она является неисчерпаемым источником логически замкнутых описательных схем, элементам которых могут быть сопоставлены реальные явления. На смену трехмерному Евклидову пространству приходит четырехмерное пространство Г. Минковского, представленное в общей теории относительности А. Эйнштейна. Руководствуясь принципом соответствия, В. Гейзенберг совместно с Э. Шредингером нашли математический аппарат для зарождавшейся квантовой механики – матричное исчисление, отражающее возможность принятия квантовыми системами различных состояний. Согласно методу суммирования амплитуд П. Дирака, вероятность квантовых событий определяется не абсолютной величиной, а ее квадратом, что вряд ли является следствием подсчета числа выпадений орла или решки при бросании монеты. Странность квантового мира очень ярко отражается в известных афоризмах А. Эйнштейна, который скептически относился к такой физике, которая никогда не говорит о том, что может произойти, а лишь дает вероятности возможных исходов: «Бог не играет в кости» (из письма Максу Борну от 12 декабря 1926 г.), «Господь изощрен, но не злонамерен» (замечание, сделанное во время визита Эйнштейна в Принстонский университет в апреле 1921 г.). Много лет спустя Ричард Фейнман, внесший большой вклад в создание квантовой теории гравитации, заявит: «Я смело могу сказать, что квантовой механики *никто* не понимает», «Чем больше вы наблюдаете странное поведение Природы, тем сложнее построить модель, объясняющую даже простейшие явления. И теоретическая физика от этого *отказалась*» [8. С. 117]. Последнее высказывание свидетельствует о математической перегруженности современной теоретической физики, понимание которой возможно лишь только после «дозы математического анализа и погружения на несколько месяцев в хороший учебник по квантовой механике» [6. С. 113].

Несмотря на заманчивую логичность и красоту языка физики – математики, *экспериментальные наблюдения играют важную роль при конструировании истинных (описывающих элементы реальности) теорий.* Последнее утверждение вряд ли могло бы вызвать сомнение у физиков, живших до середины XX века, когда эксперимент и теория шли в ногу. Но современный этап развития физики уникален наличием в ней множества замкнутых теорий, претендующих на статус истинных, экспериментальная проверка которых невозможна в силу ограниченных физиологических способностей человека и/или требует колоссальных

материальных вложений. Проверка же теорий с помощью компьютерного моделирования, не может служить объективным критерием верификации, так как взятая за основу модель не позволяет изучать явления, лежащие за ее рамками. В этой ситуации эксперимент остается единственным непредвзятым методом, позволяющим примерить разногласия и произвести редукцию теорий к реальным явлениям.

Стандартная модель физики элементарных частиц: история, принципы, проблемы.

Современное состояние квантовой теории поля и ее приложений к физике элементарных частиц характеризуется назревшим в ней кризисом. С. Вайнберг отмечает: «Утверждать существование чего-то, что еще никогда не наблюдалось – дело рискованное, но иногда приносящее успех» [2. С. 154]. Причем, данный кризис совпал с ее успехом, в июле 2012 года была открыта частица, близкая по свойствам к бозону Хиггса, существование которого постулируется в рамках Стандартной модели (СМ) [5. С. 1-2].

Стандартная модель является современной теорией строения и взаимодействия элементарных частиц, которая многократно подвергалась экспериментальной проверке. Эта модель основывается на очень *небольшом* количестве постулатов и позволяет *теоретически предсказывать* свойства тысяч различных процессов в мире элементарных частиц. Квантовая теория поля, пришедшая на смену квантовой механике, при скоростях, близких к скорости света, служит рабочим инструментом стандартной модели. Поэтому ключевые объекты в ней не частицы, как в классической механике, и не «частицы-волны», как в квантовой механике, а *квантовые поля*: электронное, мюонное, электромагнитное, кварковое и т. д. – по одному для каждого сорта «сущностей микромира». Стандартная модель не может считаться окончательной теорией по ряду причин, одна из которых связана с ее описательным характером, который не позволяет давать ответы на многие вопросы, относящиеся к свойствам наблюдаемых закономерностей. Тем не менее фундамент СМ составляют экспериментальные наблюдения как те, что проводятся сегодня в БАКе, так и те, благодаря которым миру стали известны основные представители элементарных частиц.

Формирование теоретического фундамента СМ началось во второй половине XX века, когда независимо друг от друга М. Гелл-Манн и Д. Цвейг предположили в 1964 г, что составляющие атомного ядра – протоны и нейтроны (адроны) не являются элементарными. Модели адронов из трех кварков с дробным спином соответствовала практически каждая экспериментально наблюдаемая частица пока в 1974 году одновременно две группы физиков под руководством Бартона Рихтера и Сэмюэля Тинга соответственно не объявили об открытии им нового с-кварка, названного «charm-quark» или очарованный кварк. Данное открытие еще раз подтвердило кварковую модель строения адронов, объяснив на этот раз состав ряда мезонов и барионов. Открытие в 1977 г. семейства γ -мезонов позволило обнаружить пятый b-кварк – «красивый кварк» («beauty-quark»). Появление последнего кварка нарушило симметрию в семействе кварков, так как при условии наличия у трех кварков заряда $-1/3$, а у двух других $+2/3$ необходим еще один кварк с зарядом $+2/3$ для ее сохранения. Последний кварк – t-кварк – был открыт в 1995 г. в столкновении пучков протонов и антипротонов в Теватрон Фермилаб США [9].

Открытие составляющих класса фундаментальных частиц СМ, не участвующих в сильных взаимодействиях, – лептонов, имеет более раннюю историю, так как слабые взаимодействия проявляются при значительно меньших энергиях, в отличие от сильных. Так, еще в 1989 г. Дж. Томсоном был обнаружен электрон, а в 1936 г. К.Д. Андерсоном в камере Вильсона была зарегистрирована его античастица – позитрон. Заметим, что предположение о существовании позитрона было получено в результате «скрещивания» Дираком квантовой механики и специальной теории относительности и, поэтому, как и в случае с кварками, являлось результатом *внутреннего* развития теоретической физики [4. С. 88]. Для того чтобы восстановить баланс энергий в процессе бета распада в 1931 г. В. Паули выдвинул гипотезу о существовании электронного нейтрино, уносящего часть энергии. Неуловимое нейтрино было найдено лишь два десятилетия спустя Ф. Райнесом и К. Коэном в 1956 г.

В 1937 г. группой ученых в составе С. Недермейера, К. Андерсона, Д. Стрита и Э. Стивенсона был открыт мюон в космических лучах, прошедших через камеру Вильсона. Следуя *аналогии*, мюон как и электрон должен иметь свое нейтрино-мюонное нейтрино, и действительно в 1962 г. в опытах М. Шварца и Дж. Стейнберга при анализе распада π -мезона была зарегистрирована данная частица. В 1995 г. Мартину Перлу была присуждена Нобелевская премия по физике за открытие третьего поколения лептонов – τ (тау)-лептонов, а его партнер – τ -нейтрино – был обнаружен в 2000 г. на нейтринном детекторе [10].

В СМ все фундаментальные фермионы (адроны и лептоны) способны испускать или поглощать в одном акте только один из *переносчиков* взаимодействия. Поэтому в зависимости от того, что испускает или поглощает фундаментальный фермион, говорят о сильном, слабом и электромагнитном взаимодействиях. Таким образом, испускание глюонов свидетельствует о сильном взаимодействии, фотонов – электромагнитном, а калибровочных бозонов – слабом. Предположение о существовании фотонов в физике появилось задолго до возникновения СМ, благодаря блестящему объяснению фотоэффекта А. Эйнштейном в 1920 г., который предположил, что свет по аналогии с излучением абсолютного черного тела состоит из *квантов*. Образование глюонов неоднократно наблюдалось, например, на детекторе TASSO в 1980 г. при аннигиляции электрона и позитрона, при которой конечное адронное состояние – три струи, одна из которых глюонная. Калибровочные бозоны $W^\pm$ и Z – переносчики слабого взаимодействия – были *предсказаны* теоретически в 1967 г. С. Вайнбергом, А Саламом и Ш. Глэшоу задолго до их экспериментального обнаружения в 1983 г. Карло Рубия и Симоном ван дер Меер с коллаборацией CERN UA-1.

В отличие от фотона, отвечающего за электромагнитные взаимодействия, переносчики слабых взаимодействий – $W^\pm$ и Z -бозоны обладают массами. С другой стороны согласно представлениям СМ, слабые взаимодействия – взаимодействия электронов, нейтрино, кварков и других частиц с $W^\pm$ и Z бозонами, которые устроены так, как если бы эти фермионы не обладали массой. В реальности эти частицы имеют массу, следовательно, должно что-то нарушать симметрию СМ: на формальном уровне уравнения (гамильтониан, лагранжиан) *симметричны*, но состояния частиц *несимметричны*. В физике это явление называется спонтанным нарушением симметрии в том смысле, что частица сама, без внешнего воздействия, выбирает несимметричное состояние, поскольку оно является

энергетически наиболее выгодным [5. С. 4–5]. Нарушение симметрии в СМ предполагает, что в вакууме имеется какое-то поле, обеспечивающее это нарушение, причем по своим свойствам это поле должно быть скалярным, т. е. однородным по всем направлениям.

Впервые механизм генерации масс частиц $W^\pm$ и Z за счет спонтанного нарушения симметрии был предложен в 1964 г. Франсуа Энглером и Робертом Браутом. В свою очередь, благодаря Питеру Хиггсу была получена более удачная, нашедшая одобрение у физиков, трактовка данного механизма, который сегодня так и называется «хиггсовский механизм». Первые экспериментальные результаты, подтверждающие «хиггсовский механизм», относятся к недавнему открытию (2012 г.) в ЦЕРНе частицы, близкой по своим свойствам к бозону Хиггса.

Таким образом, еще раз оглядываясь на историю открытия элементарных частиц, можно увидеть, что теоретики шаг за шагом строили здание внутренне непротиворечивой теории, позволяющей производить расчеты и получать осмысленные результаты, постоянно проверяя теоретические предположения экспериментом.

К сожалению, в стандартной модели, как и в любой другой теории, существуют свои недостатки. При этом недостатки СМ носят фундаментальный характер: они возникают, если рассматривать СМ как теорию, объясняющую устройство нашего мира. В этом ключе *основная* проблема связана с описанием гравитационных сил, отстоящих на 17 порядков от энергетического масштаба СМ [7. С. 1–2]. Именно поэтому существование гравитонов пока еще невозможно экспериментально проверить. Большие перспективы возлагаются на хорошо себя зарекомендовавшую при описании сильных взаимодействий теорию *струн*, которая постулирует существование частиц со спином в два раза большим, чем у фотона, и интенсивностью взаимодействия порядка планковской энергии. Но предсказываемые таким образом гравитоны все равно требуют экспериментальной проверки. Скепсис в отношении теории струн связан с ее известной проблемой: после того как в 1984 г. Джон Шварц и Майкл Грин обосновали математическую непротиворечивость теории струн, возникло множество теорий струн, которые так же состоятельны, как и первоначальная. Все они полностью совместимы с квантовой механикой и на сегодняшний день нет критерия, позволяющего сделать выбор в пользу одной из них. Несмотря на то, что усердная работа теоретиков в направлении развития теории струн привела к получению многих вдохновляющих результатов, таких как равенство констант взаимодействия при больших энергиях, определяемых через натяжение струны, «тем не менее, до сих пор не удается получить детальные количественные предсказания, позволяющие осуществить решающую проверку теории струн» [2. С. 169–179].

В отношении фундаментальной науки, для которой главная цель – стремление к истине, проведение экспериментальной проверки выдвигаемых ею гипотез является необходимым условием ее развития, так как ожидаемые при этом результаты, как правило, выходят за рамки существующих математических конструкций и поэтому не могут быть в полной мере предсказаны с помощью моделирования. «...Цель физики на ее самом фундаментальном уровне заключается не только в том, чтобы описать мир, но и объяснить, почему он таков, каков он есть» [2. С. 171].

В то же время дороговизна современных экспериментальных установок, а также возросшие сложности проведения экспериментов, ставших «стерильными», сокращает на порядки их количество и, как следствие, тормозит верификацию постоянно растущего теоретического материала. Сама по себе теория не в состоянии произвести революцию в науке по той причине, что она привязана к определенному набору аксиом, справедливость которых принимается бездоказательно. Сложившаяся ситуация не является тупиковой, так как искусственно создаваемая человеком среда обитания диктуется его сущностью, и поэтому высокая стоимость современных экспериментов – это лишь вопрос времени. С другой стороны развитие человека подчиняется общему закону эволюции живого мира, вследствие чего от тех условий, которыми он себя окружает, он вправе ожидать совершенствования своих мыслительных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы.* – М.: КРАСАНД, 2011. – 288 с.
2. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. – Т. 1. – Л.: Наука, 1983. – 420 с.
4. *Окунь Л.Б.* Физика элементарных частиц. – М.: Наука, 1988. – 272 с.
5. *Рубаков В. А.* К открытию на Большом адронном коллайдере новой частицы со свойствами бозона Хиггса // УФН. – 2012. – Т. 182. – № 10. – С. 1018–1025.
6. *Сасскинд Л.* Битва при черной дыре. Мое сражение со Стивеном Хокингом за мир, безопасный для квантовой механики. – СПб.: Питер, 2013 – 448 с.
7. *Троицкий С. В.* Нерешенные проблемы физики элементарных частиц //УФН. – 2012. – Т. 182. – №1. – С. 77–103.
8. *Фейнман Р.* Характер физических законов. – М.: Наука, 1987. – 164 с.
9. *Abe F. et al. CDF Collaboration.* Observation of Top Quark Production in pp Collisions with the Collider Detector at Fermilab // Phys. Rev. Lett. – 1995. – Vol. 74. – PP. 2626–2631.
10. *Physicists Find First Direct Evidence for Tau Neutrino at Fermilab* [Электронный ресурс]. URL: http://www.fnal.gov/pub/presspass/press_releases/donut.html (дата обращения 15.05.2013).

**МИНЕРАЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕЙ И ПРИКЛАДНОЙ МИНЕРАЛОГИИ**

К. С. Зенина

Научный руководитель: к.г. -м.н. С. И. Коноваленко, к.ф.н. Д. Л. Ситникова
Томский государственный университет

Важнейшей формой подготовки ученых и развития науки были и остаются сегодня научные школы (школы в науке). Исторически научные школы возникли еще в античной Греции из обычной школы как форма передачи идей и знаний от поколения к поколению через учеников – как стихийно, так и целенаправленно (школы Пифагора, Гиппократ, Платона, Аристотеля и т. д.) [5. С. 23].

Под понятием «научная школа» понимается сложившаяся форма совместной научной деятельности коллектива исследователей разного возраста и квалификации, объединяемых общим направлением работ и руководимых признанным лидером, обладающим не только научным, но и личным авторитетом. Важнейшее значение для формирования научной школы имеет научная идея, выдвинутая лидером и получающая реализацию и дальнейшее развитие в соответствующих исследовательских программах [2. С. 320].

Минералогическая школа Томского государственного университета за довольно небольшой исторический отрезок времени стала одним из ведущих научных центров России по исследованию минералов в их естественной геологической среде, процессов и эволюции минералообразования.

Официальное становление минералогической школы ТГУ относится к созданию научно-исследовательской лаборатории экспериментальной и прикладной минералогии по инициативе профессора И. К. Баженова и его учеников в 1970 году.

Конечно, минералогические исследования в Томском государственном университете проводились и ранее. Кафедра минералогии и геохимии Томского университета была открыта и начала функционировать с 1888 года одновременно с другими учреждениями главного корпуса университета. Руководил кафедрой профессор А. М. Зайцев, которым в этом же году был открыт и минералогический кабинет. Учебная деятельность профессора А. М. Зайцева выражалась в практическом и теоретическом преподавании кристаллографии, минералогии и геологии медикам. Именно в это время закладывались основы научной минералогической школы университета. Профессор А. М. Зайцев на протяжении шестнадцати лет, начиная с 1889 года, каждое лето проводил экскурсии (так тогда назывались научные экспедиции), изучая геологическое строение окрестностей Томска, гор Алтая, бассейнов Томи и Оби, золоторудные месторождения Мариинского округа, подземные воды. Он написал первые учебные пособия по геологии, минералогии и петрографии для студентов медицинского факультета. В экспедициях с Зайцевым принимали участие хранители минералогического кабинета и музея А. Н. Державин и П. П. Пилипенко. Всего за этот период геологами университета было опубликовано 69 научных работ, в том числе 47 профессором А. М. Зайцевым [3. С. 95].

П. П. Пилипенко заведовал кафедрой минералогии и геологии в 1908–1918 гг. Его монография «Минералогия Западного Алтая» (1915 г., 763 с.) явилась ито-

гом многолетних и целенаправленных глубоких исследований пегматитовых и полиметаллических месторождений Алтая, в ряде случаев предвосхитивших выводы таких известных в геологической науке исследователей, как академики С. С. Смирнов и А. Е. Ферсман. Так, им впервые было доказано образование самородных меди и серебра в зоне окисления сульфидных месторождений. Академик В.И. Вернадский назвал его «одним из выдающихся ... университетских преподавателей минералогии в России» [4. С. 355].

Учеными-геологами Томского университета велась огромная организационная и научно-производственная работа. Все эти начинания были возможны благодаря научным стремлениям профессора И. К. Баженова, заведовавшего кафедрой в 1931-1949 и 1954-1973 гг. В частности, И. К. Баженов первым в Сибири начал использовать рассеянные элементы-примеси для корреляции магматических комплексов и минералого-геохимического картирования месторождений. Совместно с профессором-химиком Томского университета А. П. Бунтиным Иван Кузьмич разработал схему комплексной переработки нефелиновых пород с получением глинозема и цемента [1. С. 10].

И. К. Баженов много времени уделял развитию кафедры. Им были организованы кафедральные информационные сообщения; отчеты преподавателей о проводимых ими научных исследованиях; отчеты о полевых работах; проводились открытые лекции с привлечением преподавателей других кафедр, обсуждение и оценка результатов.

И.К. Баженов – создатель и основоположник минералого-геохимического направления сибирской школы геологов [1. С.9]. Его имя носит минералогический музей ТГУ. По его инициативе была создана лаборатория экспериментальной и прикладной минералогии.

Аналитическая лаборатория занималась определением вещественного состава минералов, которая включала химический, рентгеновский, спектральный методы анализа, а позже направление по синтезу монокристаллов и моделированию природных процессов. Достижением лаборатории является выращивание кристаллов сфалерита гидротермальным способом и из раствора в расплаве, а также возможность использования отходов обогащения низкосортных нефелиновых руд и пород как петругического сырья (пять авторских свидетельств). В рамках лаборатории осуществлялась разработка методов люминесцентного анализа минерального сырья и исследование термо- и рентгенолюминесцентных свойств отдельных минералов (В. К.Чистяков, И. И. Матросов, Н. Н. Борозновская). Результаты, полученные при выполнении темы по совершенствованию технологии производства электротехнического периклаза (М. А. Самохвалов, А. Д. Строителев), внедрены на Северо-Ангарском периклазовом заводе. В результате минералого-геохимической оценки руд Туганского комплексного месторождения разработаны составы и способы получения конденсаторных стеклокристаллических материалов на основе рутил-лейкоксового концентрата. На основе компонентов руд Туганского месторождения разработаны составы покрытий сварочных электродов и создан электрод, обеспечивающий более высокое качество наплавленного металла по сравнению с известными типами электродов (М. А. Самохвалов) [6].

В настоящее время к основным направлениям исследований минералогической школы относятся:

1. Рудно-металлогеническое направление, которое было заложено и развивалось трудами профессоров И. К. Баженова и Б. М. Тюлюпо. Данное научное направление является очень широким, оно включает практически все аспекты образования, состава, строения и закономерностей размещения рудных месторождений.

2. Минералогическое направление объединяет классическую минералогию, геммологию, технологическую и техническую минералогию, а также физику минералов, физические методы исследования минерального вещества и деятельность Минералогического музея.

Минералогическая школа ТГУ сотрудничает с другими минералогическими школами России и ряда зарубежных стран. Многие идеи и направления исследований объединяют представителей нашей школы с представителями минералогических школ Сыктывкара, Москвы, Германии и др. Осуществляются совместные экспедиции, разработка общих проектов и просто обмен опытом.

Достижения минералогической школы Томского государственного университета являются результатом целеустремленного труда выдающихся, талантливых и трудолюбивых исследователей: проф. И. К. Баженова, М. А. Самохвалова, А. Д. Строителя, проф. Б. М. Тюлюпо, проф. А. И. Летувнинкаса, доц. В. Г. Родыгина, доц. Ю. В. Индукаева, доц. Г. Б. Князева, доц. С. И. Коноваленко – большинство из которых начали свою научную биографию с аспирантуры. Весьма плодотворно и созидательно работают сотрудники кафедры минералогии и геохимии и лаборатории прикладной и экспериментальной минералогии О. В. Бухарова, Л. А. Зырянова, А. А. Баева, Т. С. Небера, Е. Д. Агапова, Н. Н. Борозновская, С. Д. Гармаева, Е. М. Асочакова и др., активно участвуя в формировании общей научной политики.

Важную роль в популяризации и распространении минералогических знаний и результатов исследований играет Минералогический музей имени И. К. Баженова (зав. музеем В. Л. Свешникова), в котором на настоящий момент собрана большая коллекция минералов и руд различных месторождений мира. На материалах этих коллекций сотрудниками кафедры минералогии и геохимии выполнены исследования, имеющие большое практическое и научное значение.

В настоящий момент научная школа минералогии ТГУ в своем развитии переживает расцвет, в связи с активным внедрением идей, выдвигаемых данной школой, в формирование прикладной и исследовательской минералогии России. Многие разработки и исследовательские работы нашей школы получают хорошие отзывы и заслуженные награды на российских и международных конкурсах.

Минералогами университета получены весьма значительные результаты по различным направлениям исследований в области общей, прикладной и экспериментальной минералогии. Основным направлением было и остается изучение минералогии разнообразных геологических объектов. В результате работ минералогической школы обнаружены новые месторождения и проявления полезных ископаемых, открыты новые минералы, разрабатываются и внедряются новые направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мананков А. В. Развитие идей И. К. Баженова в минералогии и геохимии // Минералогия, геохимия и полезные ископаемые Азии. – Томск: Томский ЦНТИ (филиал ФГБУ «РЭФ» Минэнерго России), 2012. – №2. – 200 с.
2. Малая Советская Энциклопедия: В 9 т. – М.: 1932.– Т. 9. – С. 320–321.
3. Профессора Томского университета. Библиографический словарь. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. –Т. 1.– 288 с.
5. Профессора Томского университета. Библиографический словарь. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. –Т. 2.– 288 с.
6. Школы в науке: Учебник / Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Креба, Г. Штейнера. – М.: Наука, 1977.– 523 с.
7. Научно-исследовательская лаборатория экспериментальной и прикладной минералогии [Электронный ресурс]. URL: <http://ggf.tsu.ru/content/faculty/structure/chair/mineralogy/structure/laboratory/> (дата обращения: 11.04.13)

ИСКУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КОМПЬЮТЕР, МОЗГ И НЕЙРОННЫЕ СЕТИ

А. М. Кагенов, И. В. Черникова, А. А. Глазунов

Научный руководитель: д.ф.-м. н. А. А. Глазунов, д.ф.н. И. В. Черникова
Томский государственный университет

Со времен создания электронно-вычислительных машин (ЭВМ), человек стал задумываться: может ли машина мыслить? возможно ли создать искусственный интеллект? То, что когда-то казалось фантастикой, медленно перетекает в реальность. Зачастую на сложных этапах производства технические устройства заменяют человека, превосходя его в точности, быстродействии, устойчивости. Современный человек не мыслит своего дня без компьютера, телефона, ноутбука, планшета и других полезных гаджетов. Сложные технические устройства выполняют функции, называемые «искусственный интеллект» (ИИ).

На сегодняшний день нет четких определений ИИ, что в свою очередь затрудняет ответ на вопрос – возможен ли ИИ? Прочитанное в преамбуле определение искусственного интеллекта, «ИИ – наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. ИИ связан со сходной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта» [13]. Согласно определению Джона Маккарти, которое было выдвинуто в 1956 году на конференции в Дартмутском университете, напрямую никак не связано с пониманием человеческого интеллекта. ИИ-исследователи вправе использовать подходы и методы, которые не наблюдаются у людей, если этого требует решение конкретной задачи.

Поясняя свое определение, Джон Маккарти указывает: «Проблема состоит в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Поэтому под интеллектом в пределах этой науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать целей в мире» [13]. В то же время, существует и точка зрения, согласно которой понятие «интеллект» следует соотносить с понятием «мышление» и рассматривать только как биологический феномен.

Как указывает председатель Петербургского отделения Российской ассоциации искусственного интеллекта Т. А. Гаврилова, в английском языке словосочетание *artificial intelligence* не имеет той слегка фантастической антропоморфной окраски, которую оно приобрело в довольно неудачном русском переводе [3. С. 10]. Слово *intelligence* означает «умение рассуждать разумно», а вовсе не «интеллект», для которого есть английский аналог *intellect*. Участники Российской ассоциации искусственного интеллекта дают следующие определения искусственного интеллекта:

- научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными [1. С. 247].

- свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека [1. С. 247]. При этом интеллектуальная система – это техническая или программная система, способная

решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы. Структура интеллектуальной системы включает три основных блока – базу знаний, решатель и интеллектуальный интерфейс.

- наука под названием «Искусственный интеллект» входит в комплекс компьютерных наук. Задачей этой науки является воссоздание с помощью вычислительных систем и иных искусственных устройств разумных рассуждений и действий [8].

- одно из частных определений интеллекта, общее для человека и «машины», можно сформулировать следующим образом: «Интеллект – способность системы создавать в ходе самообучения программы (в первую очередь эвристические) для решения задач определенного класса сложности и решать эти задачи» [5. С. 46].

Нередко искусственным интеллектом называют и простейшую электронику, чтобы обозначить наличие датчиков (сенсоров) и автоматический выбор режима работы. Слово «искусственный» в этом случае означает, что не стоит ждать от системы умения найти новый режим работы в не предусмотренной разработчиками ситуации.

Искусственный интеллект возник во второй половине XX века на стыке физиологии и математики [2]. Тогда появилась такая популярная наука – кибернетика. Ее целью было извлечь те принципы организации сложных систем или принципы управления, которые бы были применены для описания как живых систем, так и для построения искусственных адаптивных систем. Появление компьютера дало мощный толчок к развитию кибернетики и к построению различных моделей. ЭВМ стали платформой, которая привела к тому, что мы сейчас знаем как искусственный интеллект и искусственные нейронные сети. С самого зарождения искусственного интеллекта появились два основных его пути развития, и лишь в последнее время стали развиваться гибридные системы.

В первом случае исходная идея заключалась в том, что человеческий интеллект основан на манипуляции с символами, и, поскольку компьютер тоже манипулирует с символами, можно смоделировать то, как человек рассуждает, делает логические выводы, то, как он мыслит. Это направление исследований получило название «искусственный интеллект».

Во втором случае исходным было предположение о том, что нейроны передают электрический сигнал. Значит, мозг можно смоделировать в виде электронной сети или программы, которая моделирует такую электрическую сеть. Это направление получило название «искусственная нейронная сеть».

На сегодняшний день, мы способны лишь смоделировать отдельные части естественного интеллекта (ЕИ), которые повсеместно используются в качестве искусственного интеллекта, и они значительно упрощают жизнь и работу человека. Одним из таких примеров является суперкомпьютер с ИИ «Watson», созданный компанией IBM [12]. За два года обучения «Watson» изучил 605 тыс. медицинских документов, в общей сложности 2 миллиона страниц текста. Перед началом врачебной практики ИИ проанализировал 25 тысяч и проработал 14,7 тысяч историй болезни для тонкой настройки алгоритмов. С целью пополнения базы знаний компания IBM заключила соглашение с одним из ведущих центров изучения рака Memorial Sloan Kettering, где собран огромный архив медицин-

ской информации. «Watson» способен не только ставить диагнозы, но и определять наиболее оптимальный курс лечения. Во многих случаях показывает точность диагностики лучше, чем врачи-люди.

С помощью нейросимулятора Nengo нейробиологи из Университета Ватерлоо на суперкомпьютере эмулировали работу 2,5 миллионов нейронов, разделенных по функциональности, в соответствии с реальными отделами человеческого мозга [14]. В отличие от IBM «Watson» и прочих систем, виртуальная модель под названием SPAUN (Semantic Pointer Architecture Unified Network) создавалась не для решения практических задач, а для максимально реалистичного моделирования работы человеческого мозга. Интересно то, что информация обрабатывается компьютером примерно так же, как это делает человеческий мозг, насколько известно нейробиологам на сегодняшний день. В системе есть префронтальная область, подкорковые ядра, базальные ганглии, таламус и т. д. Нейробиологи постарались запрограммировать обработку информации как можно ближе к природной.

Так же ИИ широко используются в электронных переводчиках речи [11]. Автоматический, почти синхронный голосовой перевод с английского на путунхуа с задержкой в несколько секунд, в котором сам вариант на путунхуа звучал в вокальной манере оригинала, продемонстрировала Microsoft Research. Директор Microsoft по разработкам Рик Рашид провел презентацию технологии в Тяньзине 25 октября 2012г. Microsoft применила новую систему машинного обучения на основе искусственных нейронных сетей, которая сокращает непонимание до каждого седьмого–восьмого слова. Но самое большое достижение – это генерация речи с сохранением модуляции голоса говорящего. Собеседникам будет легче друг друга понять, и тем самым общение станет эффективнее. Рик Рашид долго обучал «машину», прежде чем она усвоила все нюансы его разговорной манеры.

Это часть того, что мы можем на сегодняшний день смоделировать. Д. И. Дубровский в своей работе: «Искусственный интеллект» затрагивает субъективную реальность (СР), которая является специфическим и неотъемлемым качеством сознания [4. С. 204]. Это то, что я чувствую, мыслю, вижу. «Я», который отдает себе отчет о конкретных явлениях СР и способен управлять некоторыми из них. Качество СР, как утверждает Д.И. Дубровский, выступает в различных формах (ощущение, образ, эмоция, мысль, чувство уверенности, волевое усилие и т.п.), оно способно выражать самое разнообразное содержание. Головному мозгу человека присущи развитые функции вероятного прогнозирования, весьма оригинальные, эффективные способы сжатия информации, проектирования, фантазирования творческих решений, самоположения и волеизъявления. Все эти функции, обозначаемые как естественный интеллект (ЕИ) заведомо отсутствуют у компьютера. На сегодняшний день, нет еще такого способа моделирования или обучения, которые бы позволили перенести все функции и качества ЕИ.

Люди, изучающие ИИ и ЕИ, не пришли к единому мнению о возможности создания искусственного интеллекта. Профессор А. Болонкин рассуждает следующим образом: «Мощность и память даже персональных компьютеров растет в геометрической прогрессии – каждые два года удваивается. Так что по нашим расчетам примерно к 2030 году будет создан суперкомпьютер, мощность которого превзойдет мощность мозгов всего человечества» [6]. Следовательно, такой

компьютер не может не обладать качеством, присущим отдельному человеческому мозгу. Однако, существует и другое мнение, один из выдающихся математиков Роджер Пенроуз, возглавляющий кафедру математики Оксфордского университета, уверен, что искусственный интеллект создать невозможно. Он убедительно показывает, что даже собственно «математическое понимание» не может быть сведено к вычислительным операциям. Понимание «является весьма общей чертой, присущей всем человеческим существам, и эта способность принципиально не является вычислительной по своей природе, вне всякой зависимости от математики» [9. С. 71].

В любом случае, дальнейшее развитие ИИ требует более глубокого изучения ЕИ. А. П. Огурцов в работе «Достижение и трудности моделирования интеллектуальных актов», показывает, что «перспективы компьютерного моделирования и нейрокомпьютеринга – это перспективы философии и психологии сознания. Именно ими будет создан новый язык сознания, в том числе интеллекта, который найдет свою амплификацию в компьютерных моделях» [7. С. 5].

Начальник лаборатории «Нейроинтеллекта и нейроморфных систем» М. С. Бурцев и аспирант лаборатории К. В. Лахман утверждают, что будущее за самообучающимися системами. «Основная проблема, на которую сейчас закрывают глаза большинство специалистов в области искусственного интеллекта – это проблема обучения. Адаптивность – это свойство приспосабливаться к среде, это одно из главных качеств интеллекта, и качеств вообще мышления и сознания. Именно оно позволяет выживать, и именно оно позволяет развиваться организму. Алгоритмов обучения нейросетей и экспертных систем достаточно много. Загвоздка в том, что очень мало алгоритмов самообучения. Перспектива создания искусственного интеллекта – в самообучении, но в этом заключается и некоторая опасность. Потому что, если мы создадим систему, которая сможет самообучаться без нашего какого-либо участия, то это означает, что она сама сможет самостоятельно создавать все более совершенные системы искусственного интеллекта. И мы приблизимся к так называемой точке сингулярности, когда мы уже не будем управлять этим искусственным интеллектом» [10].

Создаются сложные программы и большие нейронные сети, которые облегчают жизнь человеку. Моделируется работа мозга, что дает большую основу для исследований в области нейробиологии. Бурно развиваются искусственные нейронные сети, которые позволяют на сложных этапах заменить человека. За последние 50 лет не пришли к единой трактовке определения искусственного интеллекта. Не сошлись во мнении о возможности создания полноценного искусственного интеллекта, который бы обладал всеми способностями естественного интеллекта. Существует множество аспектов несовершенности предлагаемых моделей. Вычислительных ресурсов, какими бы они не казались мощными, не достаточно для полноценного моделирования работы человеческого мозга. И какой бы не была многопараметрическая модель сложной нейронной сети, невозможно на сегодняшний день наделить «машину» всеми свойствами присущие ЕИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. – М.: Радио и связь, 1992. – 256 с.*

2. *Бурцев М. С.* Эволюция искусственного интеллекта // ПОЛИТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/04/30/iskint> (дата обращения 01.04.2013).
3. *Гаврилова Т. А., Хорошевский В. Ф.* Базы знаний интеллектуальных систем. Учебник. – СПб, Изд-во «Питер», 2000. – 384 с.
4. *Дубровский Д. И.* Искусственный интеллект // Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. – М.: ИД Стратегия-Центр, 2007. – С. 204–264.
5. *Ильясов Ф. Н.* Разум искусственный и естественный // Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук. – 1986. – № 6. – С. 46–54.
6. *Кругляк Б.* Бессмертие человека это побочный продукт моих исследований // Сайт А. Болонкина [Электронный ресурс]. URL: <http://bolonkin.narod.ru/p4.htm> (дата обращения: 1.04.2013).
7. *Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы.* Под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского – М.: ИИнтелЛ, 2005. – 280 с.
8. *Осипов Г. С.* Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее [Электронный ресурс] / Новости искусственного интеллекта №1, 2001. URL: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (дата обращения: 1.04.2013).
9. *Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С.* Большое, малое и человеческий разум. – М.: Мир, 2004. – 191 с.
10. *Сидельников А.* К искусственному интеллекту приведут алгоритмы самообучения // Infox.ru [Электронный ресурс] / Новости в мире Hi-tech. URL: <http://www.infox.ru/hi-tech/tech/2010/10/20/intelligence.phtml> (дата обращения: 1.04.2013).
11. *Целиков Д.* Переводчик Microsoft говорит вашим голосом // Компьюлента [Электронный ресурс] / ПО и безопасность. URL: <http://compulenta.computerra.ru/tehnika/security/10002065> (дата обращения: 1.04.2013).
12. *IBM Watson* // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibm.com/innovation/us/watson> (дата обращения 1.04.2013).
13. *John McCarthy's home page* // Официальный сайт [Электронный ресурс] / What is artificial intelligence? URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai.html> (дата обращения: 1.04.2013).
14. *Nengo* // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nengo.ca> (дата обращения 1.04.2013).

ДИМЕНЗИОНАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ В КОНЦЕПЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА ВИКТОРА ФРАНКЛА

М. Б. Ревушкина

Научный руководитель: д.ф.н. М. П. Завьялова

Томский государственный университет

В настоящее время является общепризнанной проблема утраты человеком как предметом науки и философии определенности и ясности. Она нашла свое отражение во многих исследованиях. Общепризнанными такими особенностями современного научного знания, как все возрастающая дифференциация научного изучения человека, углубленная специализация отдельных дисциплин и их дробление на ряд все более частных учений. Современная наука разделилась на специализации, в большинстве случаев ученый является специалистом в одной области. Знание о человеке также разложено на отдельные изучаемые области, даже тело человека разделено по специализациям его органов и функций. «Мы живем сегодня в век специалистов, и то, что они нам сообщают, – это лишь отдельные аспекты действительности под определенными углами зрения. За деревьями результатов исследований ученый уже не видит лес действительности», – пишет об этой особенности современной науки Франкл [5. С.45]. Такая узкая специализация позволяет ученому глубоко изучить свою область. Но если узкий специалист берется, исходя только из своего видения одной части целого, объяснить все целое, основываясь на тех законах, которые выявлены для отдельной части, он заблуждается. В концепции Виктора Франкла раскрывается причина сложившейся ситуации. Он показывает, что ученые познающие мир со стороны своей узкой специализации не имеют оснований для претензий на открытие всеобщей истины, на универсальность той модели мира и образа человека, которые они предлагают, поскольку в рамках одной специализации целое охватить нельзя.

По мнению Франкла проблема заключается не в различии наук, а в претензии отдельной науки на всеохватность: «На самом деле опасностью является попытка эксперта, скажем, в биологии понять и объяснить феномен человека исключительно в терминах биологии. Это также касается и психологии и социологии. Как только заходит речь о тотальности, биология превращается в биологизм, психология – в психологизм, а социология – в социологизм. Другими словами, наука превращается в идеологию» [5. С.46]. По мнению Франкла, любое абсолютизирование отдельной науки происходит только исходя из личных убеждений ученого-специалиста, с его точки зрения объективно выглядело бы такое утверждение: «если бы биолог, вместо того, чтобы пропагандировать собственные верования или неверия под видом науки, утверждал просто, что в плоскости биологии не просматривается ничего такого, как высший, или предельный смысл или цель» [3. С. 237]. Франкл считает, что кроме знания ученым нужна также и мудрость, проявлением которой он считает осознание границ отдельной науки.

В концепции димензиональной онтологии, которая является откликом на сложившуюся в науке и философии ситуацию, охарактеризованную выше, предложен наглядный способ объяснения ограниченности отдельных наук. Но кроме ограниченности наук и их претензий на тотальность, вторая особенность совре-

менной науки, приводящей к проблеме отсутствия целостного образа мира и человека в науке и философии, – это различные и даже противоречивые данные, полученные в разных областях. Он пишет: «Мы живем сегодня в век специалистов, и то, что они нам сообщают, – это лишь отдельные аспекты действительности под определенными углами зрения», поэтому «исследовательские результаты, не только разрозненны, но и несопоставимы, и очень трудно синтезировать их в едином образе мира и человека» [5. С. 45]. В то же время Франкл признает, что в нынешнее время невозможно обойтись без специалистов. В другом месте он уточняет: «Образы, с помощью которых отдельные науки описывают действительность, настолько несопоставимы, настолько отличаются друг от друга, что становится все сложнее и сложнее составить единый образ из различных картин. Между тем расхождение между образами не должно наносить ущерба, а, наоборот, приносить пользу познанию» [5. С. 49]. Проблемой он считает создание метода, при помощи которого «из разрозненных данных, фактов и открытий, сделанные различными науками о человеке, получить, восстановить и сохранить единую картину мира и человека» [5. С. 51].

Среди авторов, которые также решали проблему создания целостного взгляда на данные, полученные разными науками, и на сохранение человеческого (целостности человека) в работах Франкла, присутствуют обращения к концепциям Николая Гартмана и Макса Шелера. Они проблему сохранения целостного образа мира и человека решали через наделение каждой науки областями ограниченной ответственности. Соглашаясь с тем онтологическим различием, которое сделали в своих исследованиях Н. Гартман и М. Шелер, между телом, душой и духом, представляя их в качественных, а не просто количественных различиях, Франкл считает, что в их системах не учтено «единство человека» вопреки многообразию. «Отличительным признаком человеческого бытия является сосуществование в нем антропологического единства и онтологических различий, единого человеческого способа бытия и различных форм бытия, в которых он проявляется» [5. С.48]. Свое решение проблем, которые порождает современное состояние наук, т.е. претензий отдельных наук на тотальность и объединение в целостном мировоззрении различных данных, полученных специализированными науками Франкл предлагает в рамках димензиональной онтологии (от лат. *dimensio* – измерение). Введенная Франклом категория димензиональной онтологии должна учесть и онтологическое различие и антропологическое единство. В рамках этой концепции человек понимается как целостность существующая в трех измерениях: телесном, психическом и нозетическом (духовном). Особенно Франкл подчеркивает, что в его «онтологии не может быть ни параллелизма, ни монизма: антропологическое единство и целостность человека сохраняются» [5].

Соотношение между измерениями мыслитель объясняет, используя геометрические аналогии: духовное он называет вертикалью, которая пронизывает плоскости биологического и психологического. Любые детерминации возможны только в плоскости психофизического. Вертикаль духовного, собственно человеческого – это измерение свободы, человек открывает его благодаря трансценденции и самодистанцированию. Франкл описывает ноологическое или духовное измерение как измерение смыслов и ценностей. В это новое измерение, в сферу ноологического человек вступает, преодолевая психофизическое. В. Франкл проводит принципиальное различие между динамическими силами

психического и духовного измерений. Он строит очень наглядную «дизензиональную онтологию», в которой есть три измерения существования человека: биологическое, психологическое и ноэтическое. В рамках этой онтологии ноэтическое измерение нельзя свести к биологическому и психологическому измерениям существования человека. Именно поэтому смысловую реальность невозможно объяснить через те механизмы, которые действуют на психологическом и тем более на биологическом уровне, и тем более изучить методами, разработанными для этих, низших в системе Франкла по отношению к духовному, измерений. «Духовный подъем над психофизической ограниченностью может быть также назван экзистенциальным актом. Посредством этого акта человек открывает ноологическое измерение бытия и вступает в него; более того, он создает это измерение как свое собственное. Для человека нет никакого унижения в том, что у людей и животных общее биологическое и психологическое измерения» [3. С.287]. В дизензиональной онтологии предполагается использование идеи многомерности, геометрическое понятие измерения выступает как аналогия качественных различий, которые не разрушают единство всей структуры.

Франкл формулирует два закона дизензиональной онтологии. Первый: «Один и тот же предмет, спроецированный из своего измерения в низшие по отношению к нему измерения, отражается таким образом, что различные проекции могут противоречить друг другу» [5. С. 49]. В качестве примера он приводит стакан, геометрическая форма которого цилиндр. Проецирование стакана из трехмерного пространства на двухмерные плоскости (вертикальную и горизонтальную) даст круг и прямоугольник. То есть проекции цилиндра будут совершенно разными. Самому автору дизензиональной онтологии главным представляется даже не то, что получаются две разные фигуры, а то что ни одна из проекций: ни круг, ни прямоугольник – не передают того факта, что стакан – это открытый сосуд. Отсюда он выводит второй закон дизензиональной онтологии: «Различные предметы, спроецированные из их измерения в низшее по отношению к ним, отражаются так, что проекции оказываются не противоречивыми, но многозначными» [5. С. 50]. В качестве примера он называет три фигуры: шар, конус и цилиндр. На горизонтальной плоскости тени этих фигур будут выглядеть одинаково: во всех случаях мы увидим круг. И эта тень не дает нам никаких оснований, по которым мы смогли бы определить, какая фигура ее отбрасывает.

Затем Франкл описывает применение законов дизензиональной онтологии к человеку. Понимание человека с использованием геометрических аналогий он описывает следующим образом. Проецирование человека на плоскость биологического и плоскость психологического так же как и в случае с цилиндром даст противоречивые результаты: в одной плоскости мы получим биологический организм, в другой – психологический механизм. Такой результат получается потому, что не учитывается чисто человеческое измерение – духовное. Поэтому могут оказаться противоречащими друг другу данные разных наук. Но в рамках дизензиональной онтологии противоречия, возникающие между телесными и психологическими аспектами человеческого существования, не подвергают сомнению единство человека и становятся объяснимы. По аналогии с кругом и прямоугольником, которые являясь разными фигурами в плоскости, тем не менее, могут являться проекциями цилиндра. Франкл не претендует на то, что его дизензиональная онтология может решить психофизическую проблему, но он

считает, что с этих позиций можно объяснить, почему психофизическая проблема не может быть разрешена.

Кроме психофизической проблемы существует со времен стоиков проблема соотношения между детерминизмом и свободой воли. В теории Франкла – эта проблема также решается с использованием димензиональной онтологии. Так же как и с открытостью сосуда, которая исчезает в горизонтальной и в вертикальной проекциях, обстоит дело и со свободой человека. Когда человек проецируется на уровень, который ниже его собственного человеческого, то он отражается как закрытая система физиологических рефлексов на биологическом уровне или как закрытая система стимулированных психологических реакций на психологическом уровне. В этой проекции также содержится противоречие. И все мотивационные теории, которые основываются на принципе гомеостаза, представляют человека как закрытую систему, не учитывая его открытость миру. В этом своем утверждении Франкл ссылается на М. Шелера, А. Гелена, Х. Плеснера и А. Портмана. «Быть человеком – значит выходить за пределы самого себя. Я бы сказал, что сущность человеческого существования заключается в самотрансценденции. Быть человеком означает быть всегда направленным на что-то внешнее или на кого-то другого» [5. С. 51]. Он считает, что единство человека возможно сохранить только на ноологическом (духовном) уровне, и ни на биологическом, ни на психологическом уровнях, найти единство человека нельзя.

Таким образом, в рамках димензиональной онтологии Франкла та закрытость человека, которая очевидна и на уровне биологии и на уровне психологии может быть объяснена и совмещена с открытостью, которая существует на более высоких уровнях. Поэтому и биологическая и психологическая закрытость не противоречат сущности человека. Он пишет, что «данные, полученные в плоскости низших измерений, сохраняют свою значимость в пределах этой плоскости» [5. С. 51]. Используя димензиональную онтологию, ее автор объясняет, «почему неоспоримые данные, полученные в результате исследований на низших уровнях, могут пренебрегать сущностью человека» [5. С. 51]. К тем подходам, которые совершают ошибку, считая человека закрытой системой, он относит бихевиоризм Уотсона, рефлексологию Павлова, психоанализ Фрейда и индивидуальную психологию Адлера. Франкл считает, что попытка описания человека как «не более чем» – это редуccionизмом. По мнению Франкла, редуccionизм не просто редуцирует (упрощает, урезает) у человека целое измерение; в результате редуцирования человек лишается специфического человеческого измерения. В связи с этим утверждением можно привести замечание Франкла о психоанализе Фрейда: «Фрейд был достаточно гениален, чтобы осознавать привязанность своей теории к определенному измерению. Он писал Людвигу Бинсвангеру: “Я остановился лишь на первом этаже и подвале всего здания”. Событию редуccionизма в форме психологизма, даже, я бы сказал, патологизма Фрейд поддался лишь в тот момент, когда он рискнул на следующее добавление: «Я уже нашел в моем невысоком домике место, куда поселить религию, с той поры, когда я наткнулся на категорию "невроза человечности". Даже гений не может устоять против – духа своей эпохи», – делает вывод Франкл [5. С. 51].

В свете димензиональной онтологии данные полученные на разных уровнях не отменяются, а объединяются. Франкл, исходя из своей концепции, рассмат-

ривает упомянутые выше подходы в свете высшего уровня (ноологического). Он считает, что через новую интерпретацию и оценку результатов этих подходов, делает их более человеческими. Также он уточняет, что высший уровень в противоположность низшему, не носит никакого оценочного оттенка. «“Высший” означает лишь то, что этот уровень более содержательный и более объемный, который включает в себя низший. «Низшее измерение оказывается “снято” в высшем в том многозначном смысле, который придавал этому слову Гегель. В этом смысле и человек став человеком остается в чем-то животным и растением» [5. С.176]. Для пояснения Франкл проводит аналогию между человеком и самолетом. Человек, являясь человеком, не перестает оставаться животным, также как и самолет, несмотря на то, что у него есть крылья, не теряет способность перемещаться по земле. Но доказать, что он самолет – может только поднявшись в воздух. А человек доказать, что он человек, может, поднявшись с уровня животного. Кроме того, увидеть, может ли самолет взлететь, конструктор может еще на земле по его устройству. Так и человек, по мнению Франкла, на своей плоти несет отпечаток духа. Как уже упоминалось, Франкла интересовал человек по его выражению «во всей его человечности», и его размеренная онтология призвана в первую очередь согласовать противоречащие образы человека сложившиеся в разных науках. В концепции размеренной онтологии причиной различия данных, полученных в отдельных науках, является то, что они исследуют разные уровни бытия. Кроме этого, Франкл демонстрирует возможность применения размеренной онтологии в отдельной науке. Он описывает, как в своей врачебной практике он применяет второй закон размеренной онтологии о неоднозначности проекции из высшего уровня на низший. Для этого он неврозы представляет как проекции, по аналогии с тремя неоднозначными кругами (проекция шара, цилиндра, конуса), потому что неврозы также неоднозначны. Он пишет: «Невроз может быть психогенным, т.е. невроз в общепринятом смысле. Кроме того, собственные исследования научили меня, что существуют также и соматогенные неврозы, например, агарофобия, вызванная гипертиреозом. И, наконец, последние, но не менее важные, ноогенные неврозы, как я их обозначил, которые возникают из-за духовных проблем, моральных конфликтов или из-за конфликта между искренней совестью и Сверх-Я» [5. С.53]. Таким образом, применительно к своей врачебной практике, благодаря размеренной онтологии он объясняет, что многоуровневые не только причины или этиология неврозов, но и их проявление. Т.е. симптомы он рассматривает как неоднозначные. Используя аналогию с тенью (кругом), по которой нельзя определить, какая фигура ее отбрасывает, он поясняет, что по симптомам невроза нельзя определить что именно (гипертиреоз, боязнь кастрации или экзистенциальный вакуум) стоит за неврозом. Он считает, что только выход из ограниченности психологического измерения позволит найти причину невроза. «Патология многозначна, смысл, необязательно пребывает на том же уровне, что и симптоматология, а может скрываться на другом. Многоуровневая этиология неврозов нуждается в том, что я обозначил как размеренный диагноз. ... То, что справедливо для диагноза, верно и для терапии. Терапия тоже должна ориентироваться на многоуровненность. Для каждого уровня своя терапия» [5. С.53].

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что путем выхода из ситуации разрозненности и противоречивости наук и способом предотвратить риск исчезновения человека и человечности за техниками и технологиями, в которых снимается вопрос о смысле жизни, Франкл видит раскрытие глубинных основ человеческого существования. Верным мировоззрением Франкл считает то, которое сохраняет человечность в человеке, «единство вопреки многообразию», и именно димензиональная онтология позволяет рассматривать человека во всей его сложности и учитывая данные всех наук, предлагая при этом способ понимания очевидных противоречий. Экзистенциальный анализ Франкла получил распространение в англоязычных странах и является действующей и развивающейся теорией. В нем решается проблема создания целостного образа человека, который выглядит по-разному с точки зрения разных наук. Димензиональная онтология, объясняя существующее различие наук, дает возможность объединять данные разных наук, учитывая их различие, что позволяет с ними работать. В настоящее время область применения димензиональной онтологии вышла за рамки психологии и философии и используется и в других областях. В качестве способа понимания очевидных противоречий этот метод используется в правоведеии и при выборе средств технической защиты информации [1, 2], что позволяет сделать вывод об актуальности и эвристичности концепции димензиональной онтологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нагорный С. И. Донцов В. В.* Применение метода димензиональной онтологии при выборе средств технической защиты информации от несанкционированного доступа // *Специальная техника* – 2008. – №1. – С. 40–49.
2. *Суслов В. А.* Герменевтика права // *Правоведение*. – 2001. – № 5. – С. 4–12.
3. *Франкл В.* Воля к смыслу. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 368 с.
4. *Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия – СПб: Речь, 2000. – 286 с.
5. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: «Прогресс», 1990. – 368с.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОНАУКИ

Р. А. Шеренков

Научный руководитель: д.ф.н. В. В. Чешев

Томский государственный университет

К XXI в. наука приобретает определенно новый внешний и внутренний облик: произошел ряд существенных изменений не только в области технологического прогресса, но также в сфере методологического анализа ее отдельных составляющих с одной стороны и научной картины мира с другой. Внедрение термина технонаука видится вполне адекватным отображением тех изменений, которые может запечатлеть философия и методология науки сегодня. Данное понятие начинает фигурировать на Западе в конце 70-х годов прошлого века в статьях таких исследователей, как Бруно Латур, Питер Галисон, Хельга Новотны, Жильбер Оттуа.

Первоначальное явление термина знаменовало собой переход научного типа деятельности от классического созерцательно-производственного характера к новому подходу, заключающемуся в «переплетении исследовательской деятельности с практикой создания и использования современных инновационных технологий» [1. С. 202]. Яркий пример тому – нанотехнологии, когда фундаментальные исследования и прикладная деятельность, подстегиваемые друг другом, представляют собой единый процесс, осуществляемый одними и теми же средствами. Но, обратившись к истории науки, можно привести не один пример, когда процесс разработки новых технологий одновременно с конечным продуктом давал прирост новых знаний для наук фундаментальных. К историческим примерам относится изобретение телескопа Галилеем, без технологии которого дальнейшее развитие астрономии было бы невозможным; изобретение технологии паровых машин также предшествовало развитию термодинамики. Конкретный пример показывает, что локальные проявления технонауки уже имели место в истории развития науки. В таком случае, что же принципиально нового несет с собой появление этого термина?

Следует отметить, что положение дел в науке в разные времена непосредственно зависело от того, в какой степени проявляют себя те или иные культурные сферы жизнедеятельности человека. И исключать какой-то фактор из процесса исторического анализа научной деятельности ученые попросту не могут. Равным образом дело обстоит и с рассмотрением понятия технонауки. Конечно, процессы, схожие с современными, могли иметь место в развитии науки в предшествующие эпохи. Но хотелось бы обратить внимание на то, что случаи эти имели характер скорее частный и в большинстве своем неосознанный их изобретателями. Сегодняшние исследователи предлагают разграничить науку когнитивную (с присущими ей теоретическими и абстрактными схемами) и технологии как процесс применения полученного наукой знания. Однако «в век глобализации разграничить как прежде науку и технологию уже не удастся...» [3]. И причиной тому как раз являются те самые социокультурные, экономические, политические факторы, которые сегодня приобрели характер глобальный, то есть затрагивают уже не отдельно взятого ученого с предложенной им концепцией, а все человечество в целом. Таким образом, обращаясь к современным

исследователям, можно выделить несколько основных аспектов, в которых современная наука меняет свой облик.

Экономико-политическая ситуация сегодня такова, что основное внимание конкретизируется на всевозрастающей коммерциализации науки. Ж. Ф. Лиотар по этому поводу пишет: «Знание производится... для того, чтобы быть проданным..., оно потребляется... чтобы обрести стоимость в новом продукте... Оно перестает быть самоцелью и теряет свою потребительскую стоимость» [2. С. 18]. Обозначенный процесс коммерциализации науки не случаен. Сегодняшний глобальный характер экономики охватывает все страны, участвующие в научно-техническом прогрессе, и отказываться от этих отношений с финансовой точки зрения не может позволить себе ни одно государство, рискуя быть выброшенным за борт всеобщего «корабля глобализации». Термин технонаука в данном случае призван, чтобы подчеркнуть обесценивание главной составляющей в науке – ее объективной цели – и придание ей принципа полезности в угоду платящей стороны.

С позиций социальной составляющей современная наука также переживает ряд существенных (если не принципиальных) изменений, касающихся как общества в его потребительском контексте, так и науки как социального института, и как отдельно взятого ученого. Вкратце ситуацию здесь можно описать так: общество потребления выступает в качестве главного заказчика на технологии, производимые в стенах лабораторий, являясь одновременно основным потребителем производимой продукции. И так по кругу: снова и снова. Сегодня мы недовольны тем, что купили вчера, а завтра сегодняшние новации сменяются уже модернизированными и усовершенствованными их аналогами, которые в свою очередь будут незамедлительно заменены на более новые, попадающие под наши требования. Роль ученого в этом производственном круговороте существенно изменяется относительно классического периода накопления знаний. Ему приходится покинуть тесные лаборатории и учебные заведения, чтобы выйти на связь с общественностью, жаждущей обладать последними новинками технологического прогресса, желающей самолично участвовать в научных работах, быть составляющей технологических новаций.

Отметим, что и здесь технонаука проявляет свою актуальность в глобальном масштабе, заменяя традиционную бэконовскую «линейную» модель взаимодействия науки и технологий: [чистая наука – прикладная наука – рост благосостояния общества] на новую технонаучную: [технологии – материальная база – потребности общества].

Не менее интересные метаморфозы, как мы можем заметить, происходят и на философском поле технонауки. Этическая сторона вопроса достаточно подробно разработана в современной философии как в России, так и за рубежом, черпая свои истоки из раздела философии, посвященного вопросам философии науки и техники. Здесь можно отметить таких философов, как Х. Йонас, Д. Дэннет, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, Н. С. Юлина, Б. Г. Юдин. Таким образом, данная тематика выходит за рамки интересов, затронутых в настоящем исследовании.

Подробнее хотелось бы рассмотреть гносеологическую проблематику, лежащую в основе концепции технонаучной модели развития современной науки. Для этого, как представляется, необходимо провести сравнительный анализ схем научного познания в классической науке и в современной технонауке.

Если рассматривать картину мира как научную метафору, обозначим познаваемую реальность в традиционной науке Ньютона и Галилея, как один большой слаженный механизм, работающий по универсальным фундаментальным законам. «Объективная картина мира вырабатывалась шаг за шагом через познание законов природы, не зависящих от особенностей времени и пространства, безразличных к месту действия и предыстории. Согласно представлениям модерна технологии являются производными этих законов» [3]. В данном случае реальный мир будет выступать в роли объективной реальности или действительности, а по большому счету – природы. В противоположной стороне от объективной действительности будет располагаться познающий субъект. Последний, в свою очередь, выступает непременно как сторонний *наблюдатель*, который следит за объективным миром со стороны и вмешиваться в природу не может. Знания, т. е. те самые теоретические конструкты или модели объективной природы, на которых будет строиться развитие технологий, субъект получает посредством универсального метода познания, и они обретают статус трансцендентных материальному миру. И собственно техносфера, как вторая природа, предстающая в виде практических образов, создаваемых человеком для удовлетворения собственных нужд и потребностей, выступает как итог прикладной деятельности. Причем важно отметить, что фундаментальные исследования нацелены на получение истины как следствия моделирования объективного материального мира самого по себе.

Существенно то, что в классический период накопления знаний место фундаментальных наук и прикладных логически разделяется на две стадии: сначала знание получаем, а затем его применяем. Научный метод предполагает отделение стадии получения знаний от их применения, «...из этого предполагалось, что предметный мир мог быть воспроизводим в его объективных качествах, а не из потребностей субъекта» [1. С. 204].

В технонаучной картине мира онтологический статус субъекта и объекта кардинально меняется, вслед за ним изменяется и метод познавательной деятельности. Субъект больше не сторонний наблюдатель, а непосредственный участник познавательно-производственного процесса. «В контексте глобализации, усиления взаимодействия и изменений, которые она с собой несет, несомненным субъектом технонауки становится человечество в целом. Субъект классической науки в этом смысле становится идеальным, вневременным, нематериальным и трансцендентальным. Если же говорить о субъекте технонауки, то он по своей природе является эмпирическим и историческим, служит ареной столкновения множества мировоззрений. Его воля, управляемая желаниями, неоднородна, зачастую противоречива и иррациональна...» [5. С. 14]. Поскольку реальный мир больше не представляется ученому в качестве неизменной реальности, а одни конструкты можно заменять другими (например, генетика и геновая инженерия, нанотехнологии), и «...объективная реальность заменяется материально-технической базой, созданной внутри «второй природы» [4]. «Наука и технонаука демонстрируют различные подходы к познанию, ибо наука рассматривается в теоретическом контексте универсализма, а технонаука в практическом контексте глобализации» [5. С. 14].

Таким образом, процессу теоретико-познавательной деятельности в современной науке зачастую невозможно выделить обособленного места. Что совер-

шенно не означает, что теоретические базовые исследования исчезли вовсе и им не нужно уделять должного внимания. Как видно из схемы, в современной науке этот процесс сливается с процессом прикладной деятельности, нацеленной на получение прибыли. Е. А. Мамчур в одной из статей, посвященных анализу технoнауки, обращает внимание на явную незавершенность исследований в области гносеологической проблематики в сфере современной науки. Из чего следует, что роль фундаментальных исследований в получении прибыли на основе инновационных технологий сегодня размыта и не каждому представляется оправданной. Из-за чего финансирование фундаментальной науки, по крайней мере в России, в значительной степени уступает финансированию прикладных разработок. И поскольку вопрос о взаимоотношениях человека и техники так или иначе выдвигает на первый план познающего субъекта, т. е. самого человека, то вполне адекватным представляется его решение через антропологические исследования общественно-исторической природы человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев А. Л.* Технонаука // Философия науки. – 2001. – №16. – С. 202–204.
2. *Луотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна. – СПб., 1998. – 18 с.
3. *Оттуя Ж.* Технонаука – угроза культурному разнообразию [Электронный ресурс]. URL: http://logosbook.ru/educational_book/jo.html (дата обращения: 03.04.2013)
4. *Столярова О. Е.* Технонаука [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/faq/7722> (дата обращения: 25.03.2013)
5. *Hottois G.* Philosophies des sciences, philosophies des techniques. – Collige de France, 2004. – 14 с.

ИНТЕРНЕТ КАК МЕТАФОРА «ГЛОБАЛЬНОГО МОЗГА»

И. А. Щукина

Научный руководитель: к.ф.н. Д. Л. Ситникова

Томский государственный университет

Ближе к концу XX века в рамках кибернетики складывается информационная картина мира, рассматривающая окружающий мир под новым углом зрения. Информационный взгляд на вещи становится полноправным элементом современной картины мира. На сегодняшний день самая распространенная сфера производства, хранения и распределения информации во все сферы человеческой жизни – это Интернет. Всемирная сеть или просто Сеть, как одно из распространенных наименований Интернета, очень точно определяет его природу и основные характеристики. Именно как сеть, обладающая множеством ключевых «узлов», возможностью к постоянному расширению, но главное – гибкостью и адаптируемостью, Интернет подтверждает приписываемый ему эволюционный характер.

Наша задача состоит в том, чтобы проследить условия формирования Интернета, его влияние на жизнь общества в различных сферах деятельности и утвердить положение о том, что Интернет является в полной мере саморазвивающейся системой.

Стоит начать рассмотрение с исторического контекста, в котором и зародилась сама Сеть, а именно – с процесса глобализации. Именно процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации послужил отправной точкой в развитии Интернета. Когда появилась необходимость более быстрого осуществления коммуникации и передачи информации, тогда зародилось понятие Сети, правда в несколько ином понимании, так как изначально это рассматривалось как правительственная система передачи информации на случай военных действий. Только позже компьютерная сеть стала восприниматься в современном смысле как глобальный источник хранения, создания и распределения информации.

Процесс глобализации в сфере экономики проявляется в резком увеличении масштабов и темпов перемещения капиталов и, следовательно, потребностью в новом средстве и способе осуществления экономической деятельности. В политической сфере процесс глобализации характеризуется в основном как процесс централизации власти и формирования надгосударственных и наднациональных объединений. В культурном и социальном смысле глобализация чаще всего воспринимается как процесс стирания государственных и национальных границ, смешение «деловой» и потребительской культуры.

Однако все эти процессы предстают в новом свете с появлением и активным внедрением в жизнь человека Интернета.

Интернет стал шагом развития, он преобразил все стороны жизни человека. С появлением Интернета современное общество стало именоваться информационным в силу того, что информация обретает новый статус, а информационные ресурсы стали играть не менее важную роль, чем ресурсы нефте- и атомной энергетики. В таком обществе увеличивается доля интеллектуального труда и, следовательно, существенно меняется любая сфера деятельности. «Интернет

превратился в движущую силу перехода к обществу нового типа – сетевому обществу, а через него – и к новой экономике» [7. С. 15].

Интернет стал свободным пространством творчества, обеспечив базу для самовыражения и, как не странно, оплотом либерализации, так как обеспечивал полную, если не абсолютную свободу волеизлагания.

Глобальная сеть стала если не новым виртуальным миром, то точно новым, неведомым ранее пространством для взаимодействия и межличностного общения, культурного обмена, образования. Происходит тотальное стирание пространственных, временных, социальных, языковых и иных барьеров и формируется единое информационное пространство.

Интернет на данном этапе развития уже становится предметом изучения специалистов из различных областей знания - от программистов, занимающихся изучением структуры элементов Сети, до социологов, психологов, математиков, лингвистов, филологов, и, наконец, философов, исследования которых посвящены тому изменению окружающей и общественной среды, которое произвело повсеместное внедрение Интернета [1].

Таким образом, Всемирная сеть становится одним из наиболее существенных элементов ноосферы с одной стороны, а с другой – является ее своеобразным отражением, так как весь тот максимум знаний и информации, накопленной человеком, в той или иной степени представлен на просторах Интернета.

Но возникает закономерный вопрос, как стало возможным развитие Сети и ее повсеместное распространение? Почему с течением времени ее актуальность не уменьшается и возможна ли какая-то замена Сети?

Как ни странно, ответом на все эти вопросы будет являться Пользователь. Именно пользователь заложил изначально: 1) принцип передачи сигналов, который и стал основой для будущего формирования на нем устройств удаленной коммуникации в общем и Интернета в частности; 2) возможность передачи иного рода информации посредством перекодирования ее в доступный технике язык; 3) так называемую открытость архитектуры, то есть возможность для постоянного развития, заложив тем самым понимание Сети как в первую очередь целостной системы, открытой для эволюционирования и развития. Таким образом, Интернет является информационной структурой с заложенными в основу принципами открытости и самоорганизации. Уникальной особенностью Интернета является именно отсутствие какой-либо видимой организации, несмотря на огромное количество компьютеров, входящих в эту сеть. Самоорганизация становится ключевым процессом развития сложной системы, рождаемая самой системой в результате потери устойчивости некоего состояния, своего рода переход к новой форме существования. Для Интернета подобным переходом явился процесс превращения локальной замкнутой системы передачи сигналов в динамичную, то есть зависящую от времени, систему открытую внешнему влиянию. Со временем эта система усложнялась и усложняется до сих пор, возможно, для кого-то она может предстать непредсказуемым или хаотичным явлением, однако эта ложная видимость создается в силу нелокальных ее качеств: сложностью, нелинейностью и открытостью, а не бесструктурностью или случайностью, как кажется на первый взгляд [1].

Такие характеристики Сети, как сложность и нелинейность, явно проявляют себя в ситуации сбоя работы узла передачи данных. При выходе из строя какой-

либо части Сети, передаваемые пакеты данных автоматически выберут путь, избегающий пораженного участка, без участия пользователя в качестве маршрутизатора или руководителя процесса. Интернет существует как самоорганизующаяся, самозалечивающаяся и саморазвивающаяся структура, обеспечивающая свои действия только двумя элементами: протоколами обмена данных, посредством которых наличие и использование Интернета в принципе возможно, и Пользователем, как основой и источником развития Сети.

Учитывая, что важным аспектом самоорганизации является то, что части ведут себя таким образом, что они действуют согласованно, можно представить себе Всемирную сеть как некий «глобальный мозг», обрабатывающий и генерирующий огромное количество информации одновременно. При этом постоянно и независимо от задач этого «мозга» множество нейронов получают раздражение посредством того или иного раздражителя и, реагируя, передают информацию далее по синапсам. Не существует конкретного центра, который бы мог регулировать выполнение тех или иных задач, сам «мозг» является бесконечной совокупностью отдельно реагирующих клеток, однако эти клетки осуществляют непосредственное взаимодействие друг с другом – они являются элементами одного множества. Однако важно помнить, что для пользователя, как и для нейронной клетки, нет возможности воспринять весь процесс жизнедеятельности мозга или Интернета, рассматриваемого в контексте данной метафоры в целом, так как он является незаменимым элементом системы, непосредственно в нее включенным. Таким образом, пользователь способен открыть лишь какие-то грани сложного объекта, обладающего неограниченным спектром потенциальных возможностей, открытых для внешнего исследователя, не включенного в процесс существования Сети. Однако, как говорилось ранее, пользователь такого рода исследователем быть не может.

В заключение можно повторить, что появление Интернета как массового явления осуществляет переход к информационному типу общества, закладывая основы новых экономических, политических отношений и новых форм межличностной коммуникации. Однако, даже при таком тотальном воздействии на все сферы жизнедеятельности людей, Интернет важно рассматривать как:

- в первую очередь совокупность открытой структуры и пользователей, как источников ее развития;
- децентрализованную и, главное, самоорганизующуюся систему, подчиняющуюся всем основным законам синергетики.

«Как и любой эволюционный процесс, так и развитие Интернета связано с чередой смен состояний системы – условных состояний порядка и хаоса, которые соединены фазами перехода к хаосу (и, как следствие, гибели системы) и выхода из хаоса (самоорганизации)» [3]. Первоначальный гомеостаз структуры связан с ее замкнутостью на начальных этапах развития. Происходит медленное развитие свойств системы. Этот процесс более или менее предсказуем. Однако всякая замкнутая система с большим числом элементов неизбежно приходит в состояние неустойчивости. Здесь вступает в силу применение второго закона термодинамики, гласящее о том, что в подобных системах энтропия (мера хаоса) со временем возрастает. Таким образом, замкнутые системы, неспособные на приращение меры порядка, неизбежно приходят к состоянию нестабильности. Состояния максимальной неустойчивости системы принято называть точками

бифуркации. Наиболее простое их описание сводится к образу двузубой вилки, один зубец которой является регрессивным путем развития системы, другой – становлением качественно новой системы. Однако важно заметить, что такое «классическое распустье» почти всегда не ограничивается только двумя вариантами развития событий. Именно в точках бифуркации система наиболее восприимчива ко всяческим воздействиям, которые, даже если они будут самыми незначительными, способны повлиять на ее развитие. Именно бифуркационный механизм является «источником роста и разнообразия различных форм и структур системы, а следовательно, и непрерывно возрастающей сложности ее организации» [8].

Открытость архитектуры Интернета и ее внешне неконтролируемое развитие являются характерными чертами состояния, постепенно приближающегося к очередной точке бифуркации. Первым переходным моментом можно отметить становление Сети, как открытой системы. На данный момент эволюционное развитие Интернета – характерный переход системы к качественно новому ее состоянию. Этот переход достаточно проследить для ясности на процессе возникновения и развития так называемой «сетевой гигиены». Или иными словами – системы противовирусной защиты. Изначально подобные механизмы отсутствовали, однако, исходя из концепции того, что Интернет является в первую очередь структурой, включающей в себя Пользователей, как неотъемлемый элемент, по мере возникновения вирусов в Сети начали появляться первые пользовательские фильтры информации, антивирусные программы, которые позднее встроились в структуру Интернета.

С развитием Сети, переходом ее на новый организационный уровень появилась новая сфера распространения и использования Интернета – посредством мобильных устройств (телефонов, планшетов и проч.). Новая область воздействия со временем породит новые, характерные только для нее методы считывания информации и коммуникации с внешним миром (одним из примеров подобной коммуникации уже имеется – QR-коды, которые одновременно взаимодействуют и со смартфоном, основываясь на особенности передачи информации, и с сетью Интернет). А так же новые деструктивные элементы (вирусы) и методы борьбы с ними.

Переход к сетевой гигиене, по сути, так же является переломным моментом развития Сети, в результате которого возникли новые, радикально отличные от прежних методы коммуникации с Интернетом.

В заключение можно лишь заметить, что на данный момент сложно представить себе систему глобального взаимодействия таких же масштабов, сложности и востребованности, которая могла бы стать альтернативой Интернету.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов В. И., Данилов Ю. А., Тарасенко В. В. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/ArshDanTar.htm> (дата обращения: 19.05.13).
2. Бакалова К. А. Проблема Интернет – аддикции в современном обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://rae.ru/forum2012/236/540> (дата обращения 19.05.13)

3. Буданов В. Г. Синергетика: история, принципы, современность [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm> (дата обращения 19.05.13).
4. Буряк В. В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст. – Симферополь: «ДИАЙПИ», 2011 – 462 с
5. Демир О. Интернет как новая социально-экологическая среда: трансформация процессов коммуникации, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://publicist.narod.ru/index/0-5> (дата обращения 19.05.13).
6. Джура С. Г. Internet как технический прообраз ноосферы [Электронный ресурс]: электрон. журн. 2000. №24. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/internet-kak-tekhnicheskii-proobraz-noosfery> (дата обращения 19.05.13).
7. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004 – 329 с.
8. Общие положения «Концепция самоорганизации. Синергетика» [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Syn.htm#Si48> (дата обращения 19.05.13).
9. Пронила Л. А. Современная информационная среда как новая форма бытия человека [Электронный ресурс]. электрон. науч. издание: 2005. Выпуск 2 (4). URL: <http://anaculturolog.ru/archive/item/177-the-modern-information-environment-as-a-new-form-of-human-being.html> (дата обращения 19.05.13).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛОГИЦИЗМА В XX ВЕКЕ

П. И. Григоренко

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Суровцев

Томский государственный университет

Фундаментальные проблемы философии математики в том виде, в каком они представлены в современности, имеют точкой отсчета работы в этой области немецкого математика, логика и философа Готлоба Фреге. Поставленная в этих трудах проблематика до сих пор является актуальной. Именно его труды стали отправной точкой того, что «XX век был уникальным временем, когда проблема обоснования математики считалась одной из самых приоритетных, и лучшие математические умы потратили немало времени на поиски ее адекватного решения. В результате были получены фундаментальные результаты, имеющие выдающееся философское значение» [2. С. 4]. Именно поэтому концепция Г. Фреге традиционно считается предвестником новой эпохи философии математики.

Вместе с тем в ряде литературных источников отмечается такая тенденция, что имя Фреге, инициировавшего проблематику философии математики в том виде, в каком она функционирует в современности, было несправедливо отодвинуто на второй план. Так, большое количество авторов называет основателем логицизма Рассела, а Фреге отводится либо роль сторонника, либо его имя не упоминается вовсе. Между тем, «в настоящее время наблюдается определенное возрождение его идей, которые еще недавно казались принадлежащими лишь истории» [4. С. 13]. Фреге являет собой фигуру, незаслуженное забвение которой является весьма показательной ошибкой.

Фреге, немецкий математик, логик и философ, как уже было сказано, является сторонником логицистского обоснования математики. В самом общем виде суть этой программы состояла в том, чтобы свести понятия математики к понятиям логики и представить принципы математики в качестве общезначимых логических истин. Задумка Фреге оформилась в ряд работ: «Шрифт понятий» (1879), «Основоположения арифметики» (1884), два тома «Основных законов арифметики» (1893, 1902), а также некоторое количество статей. Работы Фреге, в настоящее время ставшие классикой философии математики, при жизни ученого не были по достоинству оценены. Известная история о получении Фреге письма Рассела перед самым выходом второй части «Основных законов арифметики», в котором молодой английский философ сообщает о формальном противоречии, обнаруженном им во фрегевском обосновании арифметики, с одной стороны, стала очередной научной трагедией Фреге, с другой – открытием работ Фреге научному сообществу. Как писал сам Рассел, «хотя эта книга очень неве-

лика, не трудна и имеет величайшее значение, она осталась почти незамеченной, а данная в ней дефиниция числа – практически неизвестной» [3].

Путь Фреге в философии математики – типичный пример исследователя, прокладывающего новый курс в науке, несоответствующий господствующим в ней установкам. С развитием философии математики по пути логицизма историческое значение вклада Фреге становилось все более очевидным. В 1925 г. в докладе на Математическом съезде Давид Гильберт сказал о Фреге, своем бывшем оппоненте, что последний сделал очень много для обоснования математики. В аннотации к сборнику избранных работ Фреге по вопросам логики и философии математики, изданном в 1952 г. в Оксфорде, говорится, что никто, начиная с Аристотеля, не сделал для развития формальной логики столько, сколько сделал Фреге. Однако сейчас имя и вклад Фреге далеко не всегда пользуются такой высокой оценкой. Так, в отечественной литературе Фреге упоминается лишь как введение к теории Рассела: «нам нет здесь необходимости подробно входить в детали изложения, поскольку система Фреге оказалась внутренне противоречивой» [1. С. 222].

В настоящее время логицизм Фреге сформировался в новое течение, получившее название неологицизм. «Реабилитация классического логицизма Г. Фреге в работах К. Райта и Б. Хейла, а также других философов, показывает, что аргументы, использованные для вынесения приговора логицизму как устаревшему направлению в философии математики, оказываются ныне для многих неубедительными» [4. С. 5–6]. История философии учит нас, что многие теории, казавшиеся изжившими себя и неспособными дать какой-либо результат, оказываются вполне дееспособными и незаслуженно помещенными в анналы истории. Так случилось и с философией математики Г. Фреге.

Как уже было сказано, логицизм Фреге стал отправной точкой в философии математики. Кроме сторонников Фреге, пытавшихся построить свою программу из тех же исходных принципов и предполагаемых результатов, которых можно, в конечном счете, отнести к логицистам, сформировались и другие направления философии математики, принципиально иначе отвечающие на фундаментальные вопросы, поставленные в «Основоположениях арифметики» и в «Основных законах арифметики». Так в современной философии математики сформировались грандиозные философские программы – логицизм, интуиционизм и формализм. Однако «со временем росло разочарование в выполнимости этих программ, и к 1960-м годам в настроениях математиков и логиков стала превалировать усталость» [5. С. 16], что отразилось в литературе этого времени – например, в статье Х. Патнэма с симптоматичным названием «Почему ничего из этого не работает». В 1950-60-х годах философия математики снова оказалась в глубоком кризисе, когда стало очевидно, что главные ее направления так и неспособны дать адекватное решение основных проблем в рамках дисциплины. Именно поэтому в последние годы наблюдается небывалый всплеск интереса к философии математики в англоязычной литературе. Вместе с тем, «нельзя отрицать, что активность этих школ принесла огромное число новых важных открытий, которые углубили наше познание математики и ее отношение к логике. Как часто случается, побочные продукты оказались более важными, чем исходные цели основателей школ» [цит. по 5. С. 17]. Несмотря на некоторый скепсис, который наблюдается по отношению к самой философии математики, современные ис-

следователи не теряют надежды все-таки ответить на традиционные вопросы этой дисциплины, причем новые направления в большей или меньшей степени отсылают нас к одной из традиционных школ.

Одним из таких направлений, появление которого можно датировать 1983 годом, является неологицизм, представленный работами К.Райта, Б.Хейла, Г.Ходеса, Н.Теннанта и другими. Неологицизм делает попытку реабилитации классического логицизма, что представляет большой интерес. Так как проект логицизма был давно отбракован, как первая и неудачная попытка определить основания математики, то обращение к нему кажется недопустимым. В связи с этим формулируется проблема: возможно ли построение программы философии математики, исходя из главных тезисов логицизма, и, если возможно, то как? Другими словами, классический отрицательный ответ на этот вопрос уже не является однозначным. Поскольку появляется попытка воскресить логицизм, постольку необходим и тщательный анализ этой попытки и вообще ее уместности.

Если логицизм в действительности представляет собой проект, реабилитация которого необходима, то соответственно, возникает вопрос, как это возможно. Очевидно, что неологицизм не только может, но и должен, по крайней мере, в каких-то аспектах более или менее значительно отличаться от самого логицизма – иначе результат этого проекта будет также печален и несостоятелен. С другой стороны, если неологицизм является преемником логицизма, то в основном положении они должны совпадать. Судя по всему, тем общим, что позволяет генетически связать два проекта, является именно главный тезис логицизма о том, что математика сводима к логике (в логицистском проекте также добавляется, что математика сводима к *одной только* логике).

Определяя основу неологицизма, Б. Лински и Э. Зальта полагают, что такая основа будет результатом модификации главного тезиса, и выделяют следующие возможные пути такой модификации (которые могут быть взяты отдельно друг от друга или в любой комбинации):

1. Расширить понятие логики;
2. Допустить дополнительные ресурсы, кроме самой логики;
3. Переосмыслить понятие сводимости [8. С. 60].

Короче говоря, «первый вопрос таков: сводима ли арифметика к логике? Но этот вопрос поднимает еще два, один о его содержании: что подразумевается под арифметикой, сводимостью и логикой? И следующий: каково философское значение сводимости или несводимости арифметики?» [9. С. 859].

В зависимости от выбора одного из этих путей и переосмысления соответствующих понятий и отличаются друг от друга проекты неологицизма.

В действительности, направление, получившее название «неологицизм», весьма неоднородно. Представленный работами Нила Теннанта, Криспина Райта и Роберта Хейла, Г. Ходеса и других, неологицизм нельзя свести к одному общезначимому тезису (разве что только положению о том, что работы Фреге представляют определенный интерес для современной философии математики – положение это, безусловно, необходимо, но не достаточно). Так, неологицизм включает в себя несколько относительно независимых доктрин. Принято отделять нео-фрегеанство от неологицизма как направления, суть которого состоит в формировании общей концепции соотношения языка и реальности, хотя такое отделение признается не всеми (сами неологицисты не всегда отделяют эти два

понятия: так, Райт и Хейл пишут: «нео-фрегеанство <...> чаще обозначаемое как неологизм, а иногда – лучше но более громоздко – нео-фрегеанский логицизм» [7. С. 43].). Но и «оставшийся» неологизм также представлен весьма широко, и говорить о тезисах и утверждениях представителей этого направления можно только с указанием автора той или иной концепции. В действительности, разные представители неологизма отличаются не только тем, какие тезисы Фреге они пытаются реабилитировать, и не только преследуемой целью, но принципиально отличаются полученными ими результатами и их философским значением. В связи с этим круг вопросов, охватываемых неологистами, достаточно широк, и опять-таки неоднобразен. Среди них можно выделить: вопрос о введении в математический дискурс новых абстрактных объектов, проблема определения «плохих» и «хороших» принципов абстракции, обоснование законности использования логики второго порядка, замена или модификация O3V, переосмысление понятия аналитичности, доказательство выведения экзистенциальных утверждений из логики и даже ответ на вопрос о том, является ли Юлий Цезарь числом, и так далее. Поэтому любое исследование неологизма предполагает анализ нескольких программ неологизма для более адекватного изложения проблемы, либо уточнения, к какому проекту неологизма исследование обращается.

Если делать какую-то более или менее общую сводку по неологизму, то можно сказать, что сам он внутренне неоднороден, вместе с тем каждая из программ наследует один или несколько ключевых принципов философии математики Фреге, что позволяет назвать неологизм преемником логицизма Фреге. Программы неологизма строятся или как попытка привести контраргументы критики против самого Фреге, или как попытка переосмыслить ключевые понятия, положения и законы, или как попытка найти и обосновать полноценную альтернативу Аксиомы Фреге. Насколько эти попытки успешны, зависит от очень многих факторов (в каждой теории от разных). Вместе с тем в случае удачи, логицизм Фреге имеет право на существование, пусть и несколько модифицированное. Более того, неологизм уже предоставил все основания полагать, что проект Фреге, если и не будет одной из основных успешных программ обоснования математики, то будет источником не только интересных, но и действующих выводов.

Кроме того, учитывая то, что даже до сегодняшнего дня нет полного перевода Grundgesetze на английский язык, что вызывает огромное сожаление, отдельный реверанс представителям неологизма можно и нужно сделать за то, что они поднимают интерес к работам Фреге в англоязычном мире. «Следует иметь в виду, что не так много в англо-американском философском сообществе тех, кто способен читать по-немецки, а также способен читать паукообразные схемы, приведенные в разделе Aufbau...» [6. С. 234].

Столь стремительное возрождение идей Фреге и попытка извлечь из них что-то новое делает тем более непонятным тот факт, что неологизм в отечественной литературе практически не представлен и не изучен, хотя первая работа по неологизму датирована 1983 (!) годом. В связи с этим основная работа по изучению неологизма еще только предстоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рузавин Г. И.* Философские проблемы оснований математики. – М.: Наука, 1983. – 306 с.
2. *Светлов В. А.* Философия математики: Основные программы обоснования математики XX столетия. – М.: КомКнига, 2010. – 208 с.
3. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика [Электронный ресурс] // sbiblio.com: Библиотека учебной и научной литературы. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/frege_log/00.aspx (дата обращения: 17.05.2013)
4. *Целищев В. В.* Онтология математики: объекты и структуры. – Новосибирск: Нонпарель, 2003. – 240 с.
5. *Целищев В. В.* Философия математики. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 2002. – 212 с.
6. *Hale B., Wright C.* The Reason's Proper Study: Essays towards a Neo-Fregean Philosophy of Mathematics. Critical studies. - Oxford: Clarendon Press, 2001. – PP. 226–241.
7. *The Oxford Handbook of Philosophy of Mathematics and Logic.* – Oxford University Press, 2005. – 834 p.
8. *Linsky B., Zalta E.* What is Neologicism? // The Bulletin of Symbolic Logic. – 2006. - № 12/1. – PP. 60–99.
9. *Oliver A.* Logic, Mathematics and Philosophy // The British Journal for the Philosophy of Science. – 2000. – № 51. – PP. 857–873.

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В. БЕНЬЯМИНА

В. О. Пивоваров

Научный руководитель: к.ф.н. О. Г. Мазаева

Томский государственный университет

Вальтер Беньямин (15 июля 1892, Берлин – 27 сентября 1940, Порт-Боу, Испания) известен не только как классик эстетики и литературной критики, но также и как создатель особого образа интеллектуала, который позднее «не копировал только ленивый» [21]. Его оригинальная манера мысли оказала огромное влияние на континентальную философскую традицию. В рамках гуманитарных наук Беньямин был универсальным мыслителем – спектр охватываемых им тем чрезвычайно велик. От эстетического анализа поистине маргинальных элементов культуры до классических философских исследований – в том числе, и далеко не в последнюю очередь, по проблеме языка.

«Тема единичности явлений, тема языка и тема истории – это и есть три темы, наиболее важные для Беньямина» [16]. И все они взаимосвязаны между собой, что демонстрирует немецкий мыслитель на страницах своих программных сочинений. Проблема языка была чрезвычайно важна для него, что подчеркивается ее вхождением в философский арсенал на всех этапах творчества.

Мысль Беньямина о языке формировалась в оппозиции к распространенному и укоренившемуся представлению о его конвенциональной природе, которое он также называет «буржуазным», его критика направлена, в первую очередь, на «Курс Общей Лингвистики» Ф. де Соссюра. Согласно взгляду последнего, назначение языка исключительно утилитарно и состоит в организации повседневной речи. Человек якобы именуется вещи для удобства в общении с другими людьми. Беньямина же совершенно не интересовал коммуникативный аспект языка. Он искал «источка не языковой деятельности, но языкового – до языковой деятельности, вообще языков» [9. С. 43].

Свою знаменитую работу «О языке вообще и языке человека» Беньямин начинает с весьма широкого определения языка. Он говорит, что «всякое сообщение духовных содержаний есть язык» [6. С.7], а также констатирует, – язык распространяется абсолютно на все. Здесь перед нами предстает не традиционное расширенное понимание языка (как языка музыки, живописи, кино и т. д.), хотя оно и входит в выше обозначенную формулу. Язык трактуется им гораздо всеохватнее – как присутствующий в сущности всего. Здесь Беньямин вводит важное различие (оно, однако, является первоначальным, вводным аспектом аргументации, который будет пересмотрен в дальнейшем) между духовной и языковой сущностью. Первая сообщает себя в языке, но не есть он сам, вторая же является в духовной сущности тем, о чем можно сообщить. Сообщая себя в языке, но не посредством его, духовная сущность снаружи отличается от языковой. Одна из ошибок предшествующих взглядов на язык заключалась в том, что последний мыслился выражением духовных сущностей, которые могли быть выражены лишь *посредством* его. Сам же он есть «непосредственное выражение того, что в нем сообщает себя» [6. С.8]. И сам он сообщает лишь самого себя. Язык некоей вещи сообщает не саму вещь, но вещь в сообщении (поскольку духовная сущность этой вещи не есть сама вещь), следовательно, любой язык сообщает себя в себе самом. Он есть медиум сообщения, непосредственность

которого составляет проблему, названную Беньямином магией языка. В этих предварительных замечаниях Беньямин противопоставляет многовековой и влиятельной философской традиции, согласно которой язык есть вместилище мысли, некий пустой сосуд. В конфронтации к этой позиции он представляет язык материалом мысли, ее содержанием, непосредственным составляющим.

Применяя описанные выше положения по отношению к человеку, Беньямин приходит к выводу, согласно которому тот сообщает свою духовную сущность в акте именованя: «Нам неизвестен никакой иной *именующий* язык кроме человеческого» [6. С.10]. Имя обозначается подлинным гласом языка, который в нем тождественен в высказывании себя и сказании обо всем остальном. Здесь начинает выступать на поверхность то самое богословское измерение, что выработало неповторимый стиль философа. Именуя вещи, человек участвует в процессе, с помощью которого Господь создал мир. Поименовав их, он завершает его. Выражающая себя в имени духовная сущность есть язык вообще, и в тоже время язык есть духовная сущность человека. Чистый язык говорит устами человека, когда тот именует. Вся природа, таким образом, сообщает себя в человеке, которого можно назвать господином природы, поскольку он может именовать вещи. Принимая во внимание все эти аспекты, Беньямин вновь возвращается к исходной дифференциации между языковой и духовной сущностью, переосмысляя ее в контексте «чистого языка» человека. Он приходит к выводу, что у языка нет содержания – «в качестве сообщения язык сообщает духовную сущность, то есть сообщаемость как таковую» [6. С.13]. Все разнообразие языков составляет упорядоченные по плотности медиумы, которые больше похожи на обломки одного, некогда большого языка. Эта его идея является ключевой для понимания смысла перевода, о чем речь будет идти ниже. Другим немаловажным следствием отождествления языковой и духовной сущности было понятие откровения. Божественная духовная сущность, высказываемая в языке, не может, согласно Беньямину, иметь в себе нечто несказанное, так как она сказывается от имени, то высказывается как откровение, – считал Беньямин, добавляя при этом, что высшая духовная сущность опирается исключительно на обитающий в человеке язык. Любое искусство основано на вещном духе языка, который несовершенен. Границей же между конечным и бесконечным языком служит имя собственное, – человек является единственным из всех существ, самостоятельно дающим имя себе подобным, а также не поименованных Богом. «Имя собственное – это общность человека и творческого слова Бога» [6. С.18]. Беньямин находит подтверждение своей интуиции в архаическом воззрении, согласно которому имя судьбоносно для человека.

Следующим важным шагом для понимания концепции языка В. Беньямина является его эссе о «Задачах переводчика», написанное в 1923-ем году как предисловие к немецкому изданию «Парижских картин» Бодлера. Рассмотрим данную работу.

Беньямин начинает свою работу пространным вступлением о том, что произведение искусства не предназначено никакому получателю. Также и перевод не предназначен читателю – он есть форма, выражающая переводимость как таковую. Она, будучи существенным свойством текста, тем не менее не означает сущности самого перевода, а только указывает на глубинный смысл оригинала, выражающийся в ней. Сам же перевод ничего не значит для оригинала,

что, однако, делает их связь еще прочнее: «Сродни тому, как проявления жизни неразрывно связаны с живущим, ничего при этом для него не знача, точно так же и перевод выходит из оригинала» [6. С.256].

Тех, кто пытается передать смысл оригинала, Беньямин называет плохими переводчиками. Содержание и язык в оригинале образуют неразделимое единство, которое невозможно восстановить в переводе. В отличие от традиционных взглядов, у Беньямина перевод и оригинал вырастают друг в друге, их творческий потенциал складывается. Подобного рода взаимодействие достигается с помощью концепта чистого языка. Если в привычном воззрении оригинал является автономным текстом, языковое содержание которого также полностью самодостаточно и нуждается в адекватном выражении, то здесь целью оригинала и перевода является высвобождение этого наивысшего языка. Согласно мысли Беньямина, два языка (а затем и более) «складываются», все больше приближаясь к идеальному, чистому языку. Они вовсе не чужды друг другу, но, напротив, «они априори, вне зависимости от исторического контекста родственны в том, что они хотят выразить» [6. С.258]. В этом месте Беньямин делает отступление, предполагая, что констатация такого положения дел может иметь сходство с традиционными воззрениями. Ведь, казалось бы, как еще родство языков может продемонстрировать себя, «если не наиболее точной передачей формы и смысла оригинала?» [6. С.258]. В действительности же, этот поверхностный взгляд не способен увидеть более глубокие отношения между языками. Он упускает противоположную формулу – в продолжение своей жизни оригинал преобразуется и изменяется, в чем перевод ему всячески потворствует. В историческом движении любой текст постоянно «дозревает», даже наиболее уникальные и индивидуальные черты авторского письма претерпевают изменения. Вводя текст в историческое измерение культуры, Беньямин, с одной стороны релятивирует его, но с другой – наделяет возможностью постоянного развития, в котором непосредственно участвует перевод. Родству языков при этом вовсе не обязательно должно соответствовать некое сходство, как в традиционных теориях перевода. Да и само «родство» не является историческим – оно укоренено в чистом языке. Если отдельные элементы разных языков и являются взаимоисключающими, то их внутренние интенции дополняют друг друга. Первые относятся к способу производства значения, вторые – к означаемому. И в этом втором смысле слова из разных языков идентичны друг другу. Нахождение и «пробуждение» интенций, направленных на язык перевода, которые проявляют через него эхо оригинала – в этом и состоит, по Беньямину, задача переводчика. Он настаивает при этом на радикальном различии между литературным текстом и переводом. Первый наивен, изначален и нагляден, второй произведен, окончателен и умозрительен. «Ибо работа переводчика исполнена великим мотивом интеграции множества языков в единый, истинный» [6. С.263].

В контексте подобной концепции перевода стоит упомянуть общепарадигматическую для философии того времени идею об отсутствии «правильного перевода». Как писал У. Куайн, «не существует реальности, относительно которой тот или иной перевод можно признать верным» [12]. Теория перевода оказывается очищенной от трактовок, предполагающих эквивалентность перевода и оригинала. И во многом такой поворот в философии языка обусловлен этой знаменитой работой немецкого мыслителя. Беньямин говорит о связи текстов в

терминах «жизненности» и «природности», которые, будучи применены к произведениям искусства, тем не менее, не являются метафорами – категория жизни для Беньямина вовсе не сводится к органической телесности. Жизнь оригинала всегда по-новому высвобождается в переводе. Таким образом, превалирует взгляд на деятельность переводчика как на бесконечный процесс означивания, который принципиально безопорен и не имеет отношения к каким-либо первичным сущностям, «оригинальному источнику». Язык здесь имеет дело с самим языком. Переводчик, следуя В. Беньямину, не должен концентрировать внимание на смысле текста, как об этом писал Х-Г. Гадамер, ему надлежит воспроизводить его «форму». Перевод должен быть в некотором роде «пережитым», чтобы помочь тексту осуществить в нем свой рост.

Подводя итог вышеизложенному анализу, мы можем с уверенностью сказать, что языковая концепция Беньямина, как и прочие его идеи, относящиеся к данной теме, настолько оригинальна и глубока, что до сих пор вызывает искреннее интеллектуальное уважение.

В целом, философию языка Беньямина можно охарактеризовать как настойчивую и уверенную борьбу с закосневшими воззрениями, которая сопровождается постоянными переворачиваниями устоявшихся оппозиций, а также смелыми и, подчас вычурными для своего времени, которое он, безусловно, обогнал, идеями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.* Неоплатонизм перед лицом платоновой критики мифопоэтического мышления [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/neopl_per.php (дата обращения 02.05.2013)
2. *Аверинцев С.* Собрание сочинений. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
3. *Басин Е. Я.* Искусство и коммуникация. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/edu/ref/basin/glava53.html> (дата обращения 05.05.2013)
4. *Беньямин В.* Озарения. – М.: Мартис, 2000. – 377 с.
5. *Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы. – М.: «Аграф», 2002. – 288 с.
6. *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М.: РГГУ, 2012. – 290 с.
7. *Бюлер К.* Теория языка. – М.: Прогресс, 2001. – 504 с.
8. *Гройс Б.* Аллегорический человек [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=8986> (дата обращения 05.05.2013)
9. *Деррида Ж.* Вокруг вавилонских башен. – СПб.: Академический проект, 2002. – 430 с.
10. *Долгопольский С.* Язык и аллегория у Беньямина и де Мана [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108989438&archive=0214&start_from=&ucat=1& (дата обращения 12.05.2013)
11. *Инголфссон С.* Послесловие. К образу Беньямина [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.rinet.ru/old/4-93/posleslovie.htm> (дата обращения 01.06.2013)

12. *Куайн У.* Вещи и их место в теориях [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine1.html> (дата обращения 01.06.2013)
13. *Липовецкий М.* Аллегория письма: «Случаи» Д. И. Хармса [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/63/lipov.html> (дата обращения 08.06.2013)
14. *Ман П. де.* Вместо заключения: о «Задаче переводчика» Вальтера Беньямина // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 2000. – №5 – С.157
15. *Словарь философских терминов.* [Электронный ресурс] // И.К. Игнатьева. URL: <http://www.philosophi-terms.ru/word/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 10.06.2013)
16. *Соболев Д.* Евреи и Европа [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/kulturologija/evrei_i_evropa/p7.php (дата обращения 10.06.2013)
17. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
18. *Философия:* Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
19. *Флинн Б.* Беньямин и Мерло-Понти: язык/утрата/восстановление [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jkhora.narod.ru/2009-01-03.pdf> (дата обращения 06.05.2013)
20. *Флэтли Дж.* Фактор букв [Электронный ресурс]. URL: http://kogni.narod.ru/durant.htm#_ftn2 (дата обращения 07.06.2013)
21. *Цветков А.* Сплошной Беньямин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openspace.ru/article/792> (дата обращения 05.05.2013)
22. *Шестаков В.* Очерки по истории эстетики [Электронный ресурс]. URL: http://textfighter.org/teology/Philos/schest/eto_vydvijenie_allegorii_v_kachestve_tsen_tralnoi_kategorii_estetiki_obuyasnya_etsya_osobym_ponimaniem.php (дата обращения 12.06.2013)

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО КРУГА ОТ ФРИДРИХА АСТА ДО ВИЛЬГЕЛЬМА ДИЛЬТЕЯ

Р. М. Хамитов

Научный руководитель: к.ф.н. О. Г. Мазаева

Томский государственный университет

Проблематику герменевтического круга первым эксплицировал Фридрих Аст (1778-1841), это было во времена романтизма. Он требовал объяснять смысл целого из смысла единичного и наоборот. У Ф. Аста толкователь должен выявить этот глубинный, духовный смысл. «Интерпретация является актом прозрения, видения духовного богатства, передаваемого художником» [1].

Фридрих Шлейермахер (1768-1834) внес большой вклад в рассмотрение и решение проблемы понимания и герменевтического круга. Задачу герменевтики он видел в создании определенных правил толкования текста, которые помогут избежать ошибок и устранить барьеры в понимании. Х.-Г. Гадамер, характеризуя проблематизацию процесса понимания Ф. Шлейермахером в его исходном пункте универсальной герменевтики, писал: «Усилие понимания имеет место повсюду, где не происходит непосредственного понимания либо где приходится принимать в расчет возможность недоразумения» [3. С. 226]. Шлейермахер не приемлет расплывчатость ключевых терминов или полагание герменевтики вторичным приемом познания. Текст, как считал он, имеет объективную и субъективную стороны, первая истолковывается грамматически, вторая – психологически. Понимание гарантируется диалектическим взаимопроникновением этих двух моментов, ни один из них не имеет над другим иерархического преимущества. Современный исследователь находится в более выгодной позиции, чем автор старого текста, так как последний не может распознать влияния эпохи на свое произведение, собственных предрассудков, бессознательных аспектов психологии и т. д. Герменевт, по мнению Шлейермахера, может (и должен) понять автора лучше, чем тот понимал себя сам.

Несмотря на то, что проблема взаимообусловленности части и целого осознавалась еще в античности, только в XIX веке она стала методологическим принципом философской дисциплины герменевтики. Поэтому важнейшую роль здесь играет Фридрих Шлейермахер. Он первым в истории философии превратил, в общем-то, парадоксальную формулу герменевтического круга в ключевой принцип истолкования текста. Теоретические разработки Дильтея, как и всех последующих философов, были в некотором смысле развитием идеи Шлейермахера о диалектике части и целого и ее роли в понимании культурных произведений. Сравнительно-грамматическая составляющая процесса понимания не охватывает последнего целиком – Шлейермахер большое внимание уделяет интуиции. Его диалогический метод при этом предполагает общность языка говорящего и слушающего, что вносит элемент герменевтического круга в саму коммуникацию. То, что должно быть понято, также должно быть уже известным как на уровне языка, так и предмета. Именно это Ф. Шлейермахер называет минимальным предзнанием или предпониманием, благодаря которому и осуществляется «прыжок» в герменевтический круг и тем самым разрешается противоречие. Здесь видна более конкретная и содержательная характеристика процесса понимания, по сравнению с Астом. В

рассмотрение вводится, помимо интерпретации текстов, также диалог живых людей. Интерпретацию он рассматривает именно как диалог – в этом еще одна оригинальность герменевтики Ф. Шлейермахера. Исследованию его герменевтики большое внимание уделил В. Дильтей [4]. В работах В. Дильтея нашли развитие многие идеи герменевтической традиции, в том числе и идея герменевтического круга.

Герменевтический круг в учении Вильгельма Дильтея играл большую роль в его разделении наук, чем в учении Генриха Риккерта. Сопоставление их позиций по этому вопросу позволяет заметить следующее. Если для Г. Риккерта различие между «науками о культуре» и «науками о природе» исключительно формально и методологически значимо (первые пользуются индивидуализирующим, вторые – генерализирующим методом), то у В. Дильтея дифференциация двух типов познания – онтологична. Науки о духе представляют собой другую действительность, нежели мир природных объектов естественных наук. В неокантианстве, в частности у Г. Риккерта, науки о культуре, собственно, редуцировались к истории. Представитель философии жизни В. Дильтей расширил спектр гуманитарных наук, эксплицирует уникальность каждой из них и, соответственно, требует для них индивидуального подхода и метода. И если место наук о духе в построениях неокантианцев Баденской школы определено рамками «философии ценностей», которая рассматривала культуру в статике аксиологического универсума, то В. Дильтей (с его склонностью в данном вопросе к идеям Г.-В. Ф. Гегеля) схватывает ее в динамике и изменчивости.

Исходным пунктом философии В. Дильтея является понятие «жизни», которую он рассматривал с помощью герменевтического круга. «Жизнь» нельзя эксплицировать посредством категорий естественных наук, ее целостность не поддается «калькуляционному мышлению». Понять «жизнь» можно лишь в опыте всеобщности и в то же время только через схватывание всех ее частных частей. Динамика жизни имеет сложную природу, причем ее составные части – воля, разум, чувства и т. д. – вполне равнозначимы. Поэтому она сопротивляется дроблению и схематизации точных наук. Понять «жизнь» можно лишь из опыта ее тотальности, универсальности, неразрывной связанности целого и частей. Под «схему» герменевтического круга Дильтей подводит различные содержания. Так, например, соотношение прошлого и настоящего представляет собой такой круг, в котором понимание осуществляется на уровне самой «жизни». Если же перейти к более узкой теме и обратить внимание на толкование текстов, то значение, являющееся результатом диалектики части и целого в круге, может рассматриваться лишь в конкретной исторической ситуации. При этом осмысленность текста, его значение, исторично, и выявляется из контекста с учетом интерпретации толкователя. Обращение к проблеме понимания делает философскую программу В. Дильтея герменевтической. «Дильтей был одним из первых, кто осознал, что герменевтика – нечто большее, чем искусство толкования текстов» [2. С. 129].

Рассматривая проблематику понимания, он считал, что не только речевой акт, но и все, что имеет смысл, может быть рассмотрено в рамках герменевтики. В осмыслении принципа герменевтического круга в учении В. Дильтея, отметим следующее. Во-первых, он дал расширенное представление о понимании и дей-

ствии этого принципа по сравнению с экспликациями его предшественников, во-вторых, этот принцип был соотнесен со всем кругом «наук о духе». По его учению, полное понимание, имеющее место внутри герменевтического круга, наступает и благодаря действию интуиции, и благодаря опирающемуся на сравнительный метод субъективному анализу, в котором важную роль играет понятие «предпонимание». Все эти элементы сформировали наиболее целостный образ герменевтического круга, каким мы можем его найти в философской герменевтике XIX и даже в начале XX века. Нельзя не отметить громадное влияние идей В. Дильтея на последующие учения о толковании. О круге понимания впоследствии напишут М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер. Все они будут развивать новые модификации этого принципа, пытаясь с его помощью постичь процесс понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Важнейшие* эпизоды истории герменевтики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukraine-online.org/germenevtika-kak-instrument-ponimaniya/57-vazhnejshie-yezizody-istorii-germenevtiki.html> (дата обращения 14.03.13).
2. Вильгельм Дильтей и современная философия. Материалы научной конференции РГГУ. – М.: Три квадрата, 2002. – 208 с.
3. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. – Т. 4: Герменевтика и теория литературы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 531с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

«ПРИНЦИП ЮМА» И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Д. С. Хомченко

Научный руководитель: к.ф.н. О. Г. Мазаева

Томский государственный университет

Данная статья будет посвящена «Гильотине Юма». Принципу, который до сих пор не оставляет равнодушными философов, теоретиков этики, теоретиков экономики и права. В общих чертах «гильотина» утверждает, что невозможно с помощью одной логики перейти от утверждений со связкой «есть» к утверждениям со связкой «должен». Принцип назван именем Д. Юма, указавшего, что этика постоянно совершает грубую ошибку, полагая, что из описания того, что имеет место, можно вывести какие-то утверждения о моральном добре и долге. Принцип, поднимает проблему «Сущего» и «Должного», которая восходит еще к древней Элладе, становится столь популярным в связи с неформальностью и неоднозначностью трактовки. Имеющий характер указания, а не характер закона, тезис привлекает внимание исследователей различных областей, по-разному интерпретирующих его содержание. Сопоставление интерпретаций с первоначальной версией принципа Юма, на мой взгляд, выявляет расхождения в его понимании.

Первая задача – формулировка собственного взгляда на выбранную проблему. Для ее решения я обратился к третьей книге «Трактата о человеческой природе» Д. Юма, посвященной морали. Вторая задача – собрать информацию о ключевых идеях, выросших из противоречивых трактовок принципа. Третья задача – сопоставить исходный тезис с его интерпретациями, что позволит сделать вывод о правильности понимания Юмовского принципа. Вклад в рассмотрение проблемы внесли И.Т. Касавин, Л.В. Максимов, А.А. Гусейнов. В.О. Лобовиков, мое исследование обладает определенной степенью новизны.

Анализ «Трактата о человеческой природе», привел меня к выводу, что Д. Юм, стараясь обосновать возможность нравственного суждения о добре и зле, затронул проблему перехода от сущего к должному, от реального хода вещей к их оценке. Это решение новаторское, ибо предшественники Юма, осуществляя такой переход, не объясняли его. Основываясь на позиции о деятельности разума и его прикладной функции, Юм выявил, что в вопросе о вынесении моральных суждений роль разума состоит в возбуждении тех или иных аффектов, которые до этого были познаны в опыте. Следовательно, из фактического знания не следует оценочное и это следование разумом непостижимо. Юм ограничил разум, чтобы оставить место для эмпирической веры как продукта привычки [6. С. 212]. Если я взял займы у друга денежные средства, это не значит, что я их верну. Возвратить их меня заставит лишь чувство долга, которое уже до этого было познано в опыте, и возбужденное разумом в какой-то момент. Невозможность перехода от фактического к должному, на мой взгляд, основной мотив, прослеживающийся в размышлениях Д. Юма.

Ценностное отношение человека к действительности стало предметом познавательной деятельности в работах Д. Юма и И. Канта. Оба они размышляют о разграничении категорий сущего и должного [2]. Кантовский переход от сущего к должному закрепил то, что формально-логической связи между этими двумя типами значений нет, что Юм в своих размышлениях отмечал ранее и в менее

развитой форме. Кант предположил возможность определения нравственного закона из разума субъекта, который собственной самодеятельностью обосновывал бы этот закон, это, если проводить параллели, не вписывается в концепцию Юма [4].

Неубедительность кантовской аргументации лишь стимулировала последующие дебаты.

Представителями аналитической школы был передоложен следующий подход. Готлоб Фреге в духе Кантовского радикализма говорит о радикальном различии сущего и должного. Его целью было доказать автономию логики от психологии, позднее это привело к критике натурализма в философии [4]. «Принцип Юма», в понимании Г. Фреге, если проводить аналогии, заключается в жесткой линии разграничения между логикой и психологией. Позиция Л. Витгенштейна может быть охарактеризована тезисом о необходимости отказаться от обсуждения проблем этики, в том числе от обсуждения статуса этики, ее языка. Л. Витгенштейн солидарен с утверждением Д. Юма о непостижимости разумом этических ценностей и невозможности высказывать этические суждения. Примечательно, что у Л. Витгенштейна познание этического связано с опытом и переживанием. Если привести пример, то личность, которая верит в Бога, не сможет доказать неверующему человеку его существование. Смысл ценности постигается переживанием удивлением [3. С.55–58].

А. Айер обсуждал вопрос о возможности вывода оценочного из эмпирических фактов. «Если “красть деньги неправильно”, то я выскажу предложение, не имеющее фактуального значения. Я выражаю просто какие-то моральные чувствования. И человек, который явно со мною не согласен, выражает просто свои моральные чувствования. Нет смысла выяснять, кто из нас прав. Ибо ни один из нас не утверждает подлинного суждения. Не может быть такой вещи как этическая наука, если под ней понимать разработку “истинной” системы морали. Все, что можно законно исследовать в этом контексте, это: каковы моральные привычки данной личности или группы людей» [1. С. 54], – считает Айер.

А. Макинтайер писал, что Д. Юм высказал тезис о том, что моральные ценности проистекают из страстей, то есть непосредственно из эмпирического опыта. Макинтайер видит этику как науку, обосновывающую переход от одного состояния к другому. В его понимании принцип Юма не в невозможности вывести ценности из сущего, а в не объяснении этого предшественниками Юма [5. С. 81].

Несмотря на разные взгляды, само обращение к размышлениям Юма свидетельствует о высокой значимости его трудов и огромном его влиянии на философов, живших позже.

Основной момент, который бы отметил я, это замечание Дэвида Юма о незаметном переходе от рассуждений о сущем к рассуждениям о должном у его предшественников. Эта мысль не была главной в его трактате, это лишь замечание, сказанное вскользь, которое Юм так и не развил. Но именно неразвитость этой идеи и послужила основанием, как считаю я, для совершенно разных интерпретаций. Выбранные мной философские обращения к «Юмовскому принципу» не являются единственными, но самые известные. Кантовское воплощение идей Юма, пусть и радикальное, синтезированное аналитической школой с Юмовскими представлениями, дало интересный результат.

Обычное истолкование, принятое большинством теоретиков морали, состоит в том, что Юм признает логически незаконным переход от суждений сущего к суждениям должного и, соответственно, считает все прежние этические учения ошибочными, поскольку они совершают такой переход. Эта идея Юма получила в аналитической философии XX века название «гильотина Юма». В то же время, есть мнение, что Юм не сомневался в возможности выведения должного из сущего, а лишь упрекнул моральных философов в том, что они, совершая такой вывод, не указывают оснований для подобной дедукции. Таковы главные интерпретации «Принципа Юма» на мой взгляд.

Если поставить вопрос, какая же версия наиболее близко подошла к оригиналу? То, на мой взгляд, интерпретация о том, что переход от сущего к должному логически не законен, является ближе к размышлениям Юма. Это подтверждается ссылкой на заключительную часть его трактата. Он рекомендует читателям сделать то, чего не делают авторы этических учений, то есть надо попытаться объяснить, каким образом должное может быть дедуцировано из сущего. Он выражает уверенность, что «этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы» [6, С. 114]. Читатели же сами убедятся в невозможности такой дедукции и, значит, в ошибочности этических систем, которые выводят должное из сущего.

И все-таки И. Кант, представители аналитической школы, этические философы интерпретировали его исходное изречение по иному, исходя не из неправильного понимания Юма, а из открытости вопроса в котором он поставил многозначие...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айер А. Д.* Язык, истина, логика // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 50–66
2. *Васильев В. В.* Пробуждение от догматического сна [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000521/index.shtml> (дата обращения: 05.03.2013).
3. *Дворецкая Е. В.* Проблема этического субъекта в работах Витгенштейна // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.55–58.
4. *Касавин И. Т.* Дэвид Юм. Парадоксы познания [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=287&Itemid=52 (дата обращения: 05.03.2013).
5. *Макитайер А.* «После добродетели» Исследования теории морали. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – С. 81.
6. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. – М.: Наука, 1995. – С.212.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

ПРОБЛЕМА ЭВТАНАЗИИ

Л. В. Ким

Научный руководитель: А. С. Гапонов

Сибирский Государственный Медицинский Университет

Эта древнейшая, тысячелетия назад поставленная проблема сегодня наполнилась новым содержанием, приобрела три новых аспекта: социально-политический, биолого-медицинский и морально-юридический. Из абстрактной, теоретической, этико-философской проблемы эвтаназия превратилась в конкретно-медицинскую, практически-юридическую проблему, из индивидуальной – стала массовой.

Первым термин «эвтаназия» ввел знаменитый английский философ Фрэнсис Бэкон (от греч. *euthanasia*, *eu* – хорошо, *thanatos* – смерть), что означало «хорошую, спокойную и легкую смерть, без мучений и страданий» [1. С.268]. Если перевести термин «эвтаназия» дословно, то он означает «благоумирание», однако «эвтаназия» стала означать не только «благоую» смерть, сколько ее причинение. Нужно сказать, что эвтаназия рассматривается не только в медицине, но и в философии, в праве. Существует несколько вариантов обозначения эвтаназии:

«эвтаназия – безболезненный, щадящий и избавляющий от страданий необратимый исход в небытие» [6. С.168].

«эвтаназия – умерщвление неизлечимо больных людей по их просьбе с целью прекращения страданий» [7. С.18].

«эвтаназия – сознательное действие, приводящее к смерти безнадежно больного человека относительно быстрым и безболезненным путем с целью прекращения страданий» [10. С.164].

Ни одна из приведенных трактовок данного термина не может полностью охватить его значение, так как не включает в себя все возможные варианты и способы эвтаназии. В первом определении невозможно отграничить эвтаназию от самоубийства, совершаемого без участия другого лица. Во втором не охвачены случаи, когда больной не в состоянии высказать свою просьбу (комагиозное состояние); в третьем определении указывается на действие, приводящее к смертельному исходу, но не рассматриваются случаи сознательного бездействия врача, чтобы не препятствовать естественному ходу событий и наступлению смерти пациента. Ни одно определение не говорит о субъекте, осуществляющим эвтаназию.

Исходя из вышеупомянутых определений эвтаназии, можно синтезировать следующее:

Эвтаназия – сознательное действие или бездействие врача, являющееся следствием желания полностью информированного пациента (законного представителя), направленное на устранение психических и физических страданий пациента, находящегося в состоянии неминуемой гибели, в результате которого наступает смерть.

Эвтаназию принято разделять на несколько видов: пассивную и активную, добровольную и недобровольную.

Пассивная эвтаназия (метод отложенного шприца) включает в себя остановку всех лечебных, направленных на поддержку жизни мероприятий, что приводит, в свою очередь, к наступлению естественной смерти. Пассивная эвтаназия часто встречается в России.

В большинстве случаях упоминания эвтаназии, говорят об активной ее форме.

Активная эвтаназия (метод наполненного шприца) предусматривает введение умирающему пациенту тех или иных лекарственных препаратов, следствием которого является наступление быстрой и безболезненной смерти.

Активную эвтаназию, в свою очередь, делят на следующие формы:

- врач непосредственно сам осуществляет эвтаназию (напр. вводит сверхдозу обезболивающего препарата), чтобы «помочь» пациенту;

- пациент сам осуществляет эвтаназию (специальный аппарат).

«Доктор Филипп Нитшке, врач из Австралии, сконструировал подключаемое к компьютеру устройство, которое может использоваться для введения смертельных доз лекарственных препаратов. Доктор устанавливает пациенту внутривенный катетер и подключает его к устройству, которое затем автоматически вводит три препарата в строгой последовательности. Сначала вводятся фенobarбитал и тиопентал, что вызывает потерю сознания, а через несколько секунд начинается подача атракуриума (миорелаксант), который парализует дыхательные мышцы, что приводит к быстрой смерти в результате гипоксии. Как только пациент подключается к аппарату, ему необходимо ответить на три простых вопроса, выводимых на экран компьютера. Последний вопрос алгоритма гласит: «Через пятнадцать секунд вы получите смертельную инъекцию и умрете. Продолжить?» И два варианта ответа: «да» или «нет». [19. С.362]

Запрет на активную эвтаназию содержится в «Основах законодательства об охране здоровья граждан РФ»:

а) задачи медицинской профессии – благополучие пациентов и поддержка здоровья – могут быть существенно подорваны в глазах общественности, пациентов и даже в глазах самих просящих о смерти пациентов в случае соучастия врачей в смерти тяжело больного человека;

б) просьба о быстрой смерти часто звучит в условиях сильного стресса, который может быть снижен благодаря умению справляться с сильной болью либо какими-то положительными вмешательствами, применяющимися в больницах для безнадежных больных;

в) если изначально участие врачей в суициде пациентов ограничивалось добровольностью принятия решения пациентами, впоследствии нетрудно представить себе ситуацию, которая будет не чем иным, как изощренным способом принуждения к суициду [11].

Вернемся к классификации эвтаназии. Эвтаназия подразделяется на добровольную, то есть убийство по просьбе самого пациента, и недобровольную, когда об эвтаназии просят за пациента в силу определенных обстоятельств его родственники или законный представитель.

В каких случаях врач может прибегнуть к недобровольной эвтаназии? В первом случае речь может идти о новорожденном с пороками развития и тяжелой травмой головного мозга, чья жизнь либо считается недостойной продолжения, либо становится настолько невыносимой для пациента, что смерть представляется лучшей альтернативой. Представим себе другую ситуацию. Ребенок с терминальной стадией заболевания изъявляет желание умереть, но по закону, из-за возрастных ограничений, не имеет права требовать эвтаназии. В третьем случае речь может идти о больном, находящемся в коме с диагнозом «хроническое вегетативное состояние». Четвертый вариант: больной с диагнозом «старческое слабоумие», в состоянии полной дезориентации, ранее выражавший желание умереть, но в настоящее время не способный адекватно оценивать реальность. И, наконец, пятый вариант. Представим себе человека, страдающего серьезным психическим заболеванием и считающего свою жизнь потерявшей всякий смысл, согласие которого на эвтаназию, впрочем, в силу специфики заболевания, не имеет юридической силы. Во всех этих случаях защитники эвтаназии не только выступают за прерывание жизни, но и прерывают ее на практике, утверждая, что проявляют тем самым истинное сострадание к больному.

Аргументы за эвтаназию:

1. Свобода воли.

Каждый человек в праве сам определять свое будущее. Необходимо соблюдать принцип автономии пациента, который заключается в том, что выбор, делаемый пациентом, как бы он ни расходился с позицией врача, должен определять дальнейшие действия последнего.

«Представитель министерства здравоохранения Швеции Андерс Принтц в 2010 году заявил, что это всегда личное дело пациента – решать совместно с врачом, каким образом будет проводиться лечение. Поскольку Минздрав не принимает решения по каждому отдельному случаю, мы можем создать общую правовую основу, и сейчас мы это сделали. Законодательство в области медицинского обслуживания подчеркивает свое уважение к пациентам, их стремление к самостоятельности. Теперь, если пациент не желает, чтобы были начаты или продолжались меры по поддержанию жизни, врач обязан уважать его желание» [15].

2. Достоинство.

Здесь сторонники эвтаназии говорят о праве на сохранение человеческого достоинства. Это право не только достойно жить, но и достойно умереть. В наши дни медицина достигла таких высот, что с помощью специальной аппаратуры возможно поддержание жизнедеятельности любого органа, с сохранностью всех функций (кроме мозга) в течение многих лет. Здесь возникают сложные этические вопросы: хотел бы человек для себя такого состояния? Есть ли еще душа в теле, где умер мозг?

В 2002 году, после фактического разрешения на эвтаназию британской подданной Дианы Претти, папа римский Иоанн Павел II заявил, что использование медицинского оборудования для поддержания жизни в некоторых случаях

может быть «бесполезным и неуважительным по отношению к пациенту». Он призвал врачей к «здоровому реализму, который не позволит рождать у пациентов иллюзию всемогущества медицины» [4]. «Свою позицию в отношении пациентов, находящихся в вегетативном состоянии, высказал и замглавы отдела внешних церковных связей Московского патриархата РПЦ протоиерей Всеволод Чаплин:

«Конечно, бывают случаи, когда неясно, присутствует ли еще душа в теле, когда много лет тело не подает признаков осмысленной жизни, хотя некоторые его функции могут и действовать. В таких случаях, может быть, и не нужно годами искусственно поддерживать деятельность тела при помощи сложной аппаратуры» [3].

3. Легализация.

Некоторые сторонники эвтаназии считают, что «эта процедура де-факто широко применяется на практике, даже не будучи легализованной» [12]. Поэтому «речь может идти лишь о законодательном упорядочивании сложившегося положения дел. Так, в 2001 году министр здравоохранения Франции Бернар Кушнер отмечал, что двое из десяти человек умирают в результате пассивной эвтаназии, но об этом не говорят в открытую» [22].

По словам неназванного бывшего руководителя НИИ скорой помощи имени Склифосовского, сказанными в интервью газете «Коммерсантъ», в России также практикуется незаконная эвтаназия [2]. Эту точку зрения подтверждает и председатель комитета по социальной политике, сенатор Валентина Петренко [17].

4. Деньги.

Сторонники эвтаназии считают, что экономически нецелесообразно поддерживать жизнь безнадежно больного пациента, так как это требует колоссальных затрат на многолетнюю эксплуатацию оборудования, что в результате ни к чему не приведет.

Аргументы против эвтаназии.

1. Врачебный долг.

Эвтаназия отходит от традиционных принципов медицинской этики, совершенно противореча Клятве Гиппократова.

Такую точку зрения на врачебную этику поддерживает, например, Геннадий Онищенко:

«На огромных просторах России не в самых богатых, а порой в более чем скромных храмах здоровья врачи каждый день совершают чудо спасения человека. Чудо, которое редко кем оценивается. А теперь вот еще делаются попытки «расширить» его профессиональные обязанности, предоставив право на убийство. Ничего более кощунственного придумать просто невозможно. Врач – не палач! Убежден: у нас нет права даже на дискуссию об эвтаназии. Она оскорбляет врача» [8].

2. Гуманизм.

Речь идет о том, что об эвтаназии гораздо реже просят в тех медицинских учреждениях, где пациент не забыт, где он окружен заботой и где ему оказывают адекватную медицинскую помощь.

«По словам президента Российской академии медицинских наук (РАМН) Михаила Давыдова, низкое качество медицинской помощи в России приводит к

страданиям пациентов, что обосновывает желание тяжелобольных людей добровольно уйти из жизни» [2].

Это мнение разделяет и глава Общества доказательной медицины Кирилл Данишевский: «Многие из них (пациентов с неизлечимыми заболеваниями) терпят невыносимую боль, потому что врачи не дают им достаточную дозу обезболивающих, а еще неадекватно оказывают психологическую поддержку. Желание человека уйти из жизни оправданно» [2].

«Тяжелобольные люди не должны чувствовать себя заброшенными, тогда и желающих прибегнуть к эвтаназии не будет» [18], – по мнению главного врача Первого московского хосписа Веры Миллионщиковой.

3. Излечимость

Врачи не застрахованы от ошибок. Касаясь вопроса эвтаназии, так же существует риск, что был поставлен неправильный диагноз, что может привести к необратимым последствиям – убийство пациента, которого можно было вылечить.

Здесь же противники эвтаназии говорят о постоянном прогрессе и совершенствовании методов лечения, что приведет к выздоровлению тяжелобольного.

На это опираются и некоторые религиозные деятели. Например, «патриарх Московский и всея Руси Алексий II, комментируя свое отношение к эвтаназии, подчеркивал, что независимо от состояния больного нужно всегда надеяться на милосердие Божие и чудо, которое в любой момент может изменить состояние страждущего человека» [14].

4. Воля Божья

Монотеистические религии не признают эвтаназию, ставя ее в ранг убийства. Жизнь дана человеку свыше, и никто не вправе распоряжаться ей. В таком случае врач, совершивший эвтаназию, становится убийцей.

«В декабре 2004 году на Епархиальном собрании духовенства Москвы патриарх Московский и всея Руси Алексий II резко осудил эвтаназию, назвав ее одним из видов сознательного самоубийства и крайней степенью отпадения от Бога» [13].

5. Злоупотребления

Наиболее важный аспект противников эвтаназии. «Так, в 2005 году участники Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) высказали обеспокоенность тем, что в лечебных учреждениях ряда стран практикуется эвтаназия без соблюдения правил или в обход официального запрета на ее применение, порой в очень крупных масштабах» [16].

«Бывший министр здравоохранения России Юрий Шевченко в 2001 году, накануне принятия закона об эвтаназии в Нидерландах, открыто заявлял, что в российской действительности с принятием такого закона многие пожилые одинокие люди могут стать жертвами злоумышленников» [9].

Проблема эвтаназии до сих пор остается нерешенной. Вплоть до сегодняшнего дня к эвтаназии относятся по-разному; общественное мнение расколото и придерживается взаимно противоположных точек зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Соч. В 2 т. – Т. 1. – М., 1971. – С.268
2. Героева А., Коробов П. Законотворчество не на жизнь, а на смерть. [Электронный ресурс] // «Коммерсантъ». – № 64. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/759418> (дата обращения: 05.03.2013).
3. Горбачева А. «Легкая смерть» России не грозит [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2009-02-12/3_kartblansh.html (дата обращения: 03.03.2013).
4. Горбачева А. Право на смерть [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/health/2002-04-11/8_death.html (дата обращения: 06.03.2013).
5. Гусейнов А. А., Апресян Р.Г. Этика. – М., 1999. – С. 425–433
6. Ковалев М. И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. – 1992. – № 7. – С.168.
7. Коробеев А. И. Простое убийство и сложности его квалификации // Уголовное право. – 2001. – №2. – С.18
8. Краснопольская И., Юрьева И. Смерть по собственному желанию: Нужен ли России закон об эвтаназии? [Электронный ресурс] // «Российская газета». № 4366. URL: <http://www.rg.ru/2007/05/18/evtanaziya.html> (дата обращения: 05.03.2013).
9. Ланда М. Независимая газета. В Нидерландах легализовали эвтаназию [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/events/2001-04-12/2_eftanazy.html (дата обращения: 05.03.2013).
10. Силуянова И. В. Биоэтика в России: ценности и законы [Электронный ресурс]. URL: http://rsmu.ru/fileadmin/rsmu/img/lf/cbme/uchebno_metod_rabota/bioetika_v_rossii_cennosti_i_zakoni.doc (дата обращения: 05.03.2013).
11. Основы законодательства РФ «Об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г., ст.45
12. Наумов. Д. Эвтаназия. Этические, правовые и медицинские аспекты [Электронный источник]. URL:<http://casereport.ru/evtanaziya-eticheskie-pravovyye-i-meditsinskie-aspekty.html> (дата обращения: 05.03.2013).
13. РИА Новости. Алексей П назвал эвтаназию формой самоубийства [Электронный ресурс]. 15.12.2004. URL: <http://ria.ru/society/20041215/760647.html> (дата обращения: 05.03.2013).
14. РИА Новости. «Благая смерть». Опыт легализации эвтаназии в других странах [Электронный ресурс]. 17.04.2007. URL: <http://ria.ru/spravka/20070417/63786753.html> (дата обращения: 05.03.2013).
15. РИА Новости. Минздрав Швеции предоставил пациентам право на эвтаназию [Электронный ресурс]. 27.04.2010. URL: <http://ria.ru/world/20100427/227272077.html> (дата обращения: 05.03.2013).
16. РИА Новости. Родригес К. ПАСЕ категорически против эвтаназии [Электронный ресурс]. 27.04.2005. URL: <http://ria.ru/society/20050427/39748755.html> (дата обращения: 05.03.2013).
17. РИА Новости. Сенаторы признают, что изучали актуальность эвтаназии для России [Электронный ресурс]. 17.04.2007. URL: <http://ria.ru/politics/20070417/63791249.html> (дата обращения: 05.03.2013).

18. *РИА Новости*. Сухова О. Эвтаназия: «достойная» смерть вместо достойной жизни [Электронный ресурс]. 17.04.2007. URL: <http://ria.ru/society/20070417/63811240.html> (дата обращения: 05.03.2013).
19. *Уайатт Дж.* На грани жизни и смерти. – СПб, 2003. – 362 с.
20. *Фут Ф.* Эвтаназия // *Философские науки*. – 1990.–№ 6. – С. 63–80
21. *Юдин Б. Г.* Введение в биоэтику. – М.: Прогрес-Традиция, 1998. – 384 с.
22. *Newsru.com*. Министр здравоохранения Франции Бернар Кушнер практиковал эвтаназию [Электронный ресурс]. 25.06.2001. URL: <http://www.newsru.com/world/25jul2001/eutanasia.html> (дата обращения: 05.03.2013).

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Е. Марфин

Научный руководитель: к.ф.н. Д. Л. Ситникова
Томский государственный университет

...Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего
М. Ломоносов

Слова, сказанные Михаилом Ломоносовым более 250 лет назад, не теряют своей актуальности и в наше время. Знание своей истории является показателем уровня развития культуры. Качество преподавания истории в школе напрямую влияет на мировоззрение и поведение людей. Не зря Бисмарк говорил об учителе истории, как о победителе франко-прусской войны. Очевидно желание государства контролировать преподавание истории в школе. Например, в СССР, где такой контроль существовал, не возникало вопросов, кто победил в Великой Отечественной войне, кто дрался на Куликовом поле, какие реформы проводил Петр I и за что сражался Александр Невский.

Но уже в 1980-х годах стала прослеживаться тенденция на опровержение общепринятого взгляда на историю. Выходят в свет такие популярные книги, как «Десионизация» В.Н. Емельянова [4], «Красная каббала» Г. Климова [8]. Также именно в то время начинали свою деятельность известные ныне авторы – Дий Александр [18], Н.Левашов [9], А. Трехлебов [15], В. Мегре [11] и другие. Все эти произведения не являются строго научными и излагают авторскую концепцию развития Мира, выдавая свои околонучные выводы за доказанные и якобы скрывающиеся от обычного народа сообществом официальных историков. Каждый автор по-своему трактует причины сокрытия «правды». Основой подобных текстов является идея заговора, масштаб которого определяется самим автором [4, 8].

Такая точка зрения на события прошлого и настоящего получила название «конспирология». Основной ее особенностью является игнорирование всех противоречащих теории фактов как слабых, незначительных или поддельных и безоговорочное, безальтернативное и не требующее доказательств принятие фактов якобы подтверждающих наличие самого заговора. К типичным для теории заговора приемам также можно отнести вольную интерпретацию фактов, умышленную фальсификацию и т.п.

В ситуациях недоверия общества к официальной исторической науке конспирологические исторические версии находят поддержку в обществе. Люди старшего поколения в свое время изучали в вузах такой предмет, как «История КПСС». Его содержание напрямую зависело от генерального направления политики партии. Поэтому люди могли воочию убедиться, как кардинально может поменяться отношение к одному и тому же событию в течение нескольких лет. Что же выступает объектом «исследования» в подобных теориях? Это, как правило, известные события, живущие в памяти народа, но точных исторических подробностей которых простой обыватель восстановить не может: Крещение Руси, Куликовская битва, Ледовое побоище, начало Великой Отечественной

войны. Возьмем, к примеру, логику, которой пользовался Я.А. Кесслер в книге «Забытая история Руси» [7].

Цепь рассуждения была приблизительно следующей:

1. Выбиралось известное событие из истории Руси. Например, Куликовская битва;

2. В официальной версии авторы находили, как им казалось, нестыковки (если говорить про Куликовскую битву, то такой нестыковкой может служить отсутствие захоронений воинов);

3. Писатели старались объяснить данный факт с позиции официальной истории, у них это не получалось и они приходили к заключению о том, что официальная позиция – ложь (все та же Куликовская битва, отсутствие захоронений ими трактовалось как «неоспоримый факт» того, что ее не было вообще);

4. Делается «сенсационный» вывод: Куликовская битва происходила около Кремля.

Именно сенсационный вывод – самая важная часть подобных изысканий. Ведь чем он больше идет в разрез с официальной позицией, тем лучше.

Наверно, самым ярким примером подобного творчества, можно назвать книги Н. Фоменко [16]. Согласно его теории, одно и то же событие описывалось в исторических документах по несколько раз подряд. Например, Марафонское сражение = Куликовская битва, Ярослав Мудрый = Александр Македонский = Иван Грозный [16. С. 9]. В доказательство истинности своей теории автор ссылается на математические методы. Математизация теории повышает ее статус в глазах обывателей. На самом деле, в его книгах математики не больше, чем в любом другом художественном произведении. Дело в том, что сам математический аппарат не приводится и на все просьбы его показать автор отвечает весьма уклончиво.

Теории, подобные теории Н. Фоменко, имеют большое число поклонников и последователей. С одной стороны, в этом ничего плохого нет, т. к. люди начинают интересоваться своим прошлым, читать, думать над проблемами, которые в обыденной жизни поднимаются нечасто, как бы сказал М. Хайдеггер, «заниматься осмысляющим раздумьем» [17. С. 11]. С другой стороны, может наступить опасное состояние, при котором вы будете думать, что знаете все или почти все. Как правило, сами авторы таких книг открыто говорят об уникальности своего произведения и о том, что оно в состоянии перевернуть всю «лживую» официальную науку.

Опасность фальсификации истории заключается еще и в том, что под предлогом изложения реальных исторических событий, могут возникать националистические, шовинистские, расистские и прочие идеи. Ярким примером может служить «В(е)лесова книга» [1], выдаваемая за памятник древнерусской языческой литературы. Она не выдержала лингвистических исследований, при которых было доказано, что данное произведение – подделка. Но нашлись писатели С. Лесной [10], В. Н. Емельянов [4], которые смогли убедить своих читателей в ее подлинности и обвинить исследователей «В(е)лесовой книги» в госзаказе. В настоящее время по всей России распространено языческое движение, семена которого были «посеяны» еще «В(е)лесовой книгой». Априорными идеями являются идеи существования великой праславянской цивилизации (якобы современные русские являются прямыми ее наследниками), этновеличия славян по

праву рождения и существования некоего древнего, скрываемого официальной наукой знания. Можно сказать, что отвергая официальную историю, люди заменяют ее мифом от истории. Реальная картина мира уступает место в их головах мифологизированной картине. История-миф отличается предельной схематичностью и упрощенностью. Ее нельзя опровергнуть, находясь внутри нее. Это делает ее очень подходящей для манипуляции. На наш взгляд, сатирик М. Задорнов, также является ярчайшим мифологизатором истории в современной России. Его лингвистические изыскания вызывают улыбку у филологов, но охотно воспринимаются публикой [5]. Ведь работает очень мощный психологический фактор – ты велик по праву рождения. Бесспорно, идея объединяющая народ нужна, но она не должна быть националистической. Что из этого может получиться, мы уже знаем. Ведь в середине XIX века в Европе происходили похожие процессы (стали появляться исследователи, говорившие об особом предназначении белой расы, например Жозеф Артюр де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас» [2]). Шаг от теоретических представлений к практическому утверждению данного принципа оказался не таким уж большим.

На распространение описанных выше идей влияет телевидение. Например, выступление М. Задорнова в телепередаче «Гордон Кихот» вызвало всплеск интереса к языческой тематике. Авторов, говорящих о Великой славянской империи, об этновеличии славянского народа, о мировом заговоре, сейчас много, среди них – В. Истархов [6], Ю. Мухин [12], Ю. Петухов [13], А. Севастьянов [14].

Таким образом, на основе поддельных документов («В(е)лесова книга»), научно не подтвержденных исследований идет упрощение, мифологизация истории России и всего мира. Истинный исторический процесс со всей его сложностью и многогранностью заменяется черно-белой, дуальной моделью. Фальсифицированная история не может стать основой для решения реальных проблем в обществе. Процесс мифологизации истории, происходящий в настоящее время, – это явление очень опасное, каким бы безобидным оно сейчас не казалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асов А. И. Книга Велеса. – М.: Наука и религия, 1997. – 288 с.
2. Гобиньо Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 768 с.
3. Добровольский А. А. Кто боится Русского национал-социализма? – Киров: Кировская областная типография, 2005. – 42 с.
4. Емельянов В. Н. Десионизация. – М.: Русская правда, 2005. – 320 с.
5. Задорнов М. Н. Слава роду! – М.: Изд-во Амрита-Русь. – 128 с.
6. Истархов В. А. Удар русских Богов. – СПб.: Редактор, 2001. – 416 с.
7. Кесслер Я. А. Забытая история Руси. – М.: Вече, 2007. – 384 с.
8. Климов Г. П. Красная каббала. Лекции по высшей социологии. – Краснодар: Пересвет, 2005. – 576 с.
9. Левашов Н. В. Последнее обращение к человечеству. – М.: Изд-во Русский терем, 1997. – 336 с.
10. Лесной С. Откуда ты Русь? Крах норманнской теории. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. – 384 с.

11. *Мегре В. Н.* Анаста. – СПб.: Диля, 2010. – 288 с.
12. *Мухин Ю. И.* Как уродуют историю твоей Родины? – М.: «Яуза», «Эксмо», 2005. – 220 с.
13. *Петухов Ю. Д.* Тайны древних руссов. – М.: Вече, 2008. – 416 с.
14. *Севастьянов А. Н.* Россия для русских. Третья сила: русский национализм на авансцене истории. – М.: Книжный мир, 2006. – 600 с.
15. *Трехлебов А. В.* Кошуну Финиста Ясного Сокола России. – Пермь, 2011. – 720 с.
16. *Фоменко А. Т, Носовский Г.В.* Завоевание Америки Ермаком – Кортесом и мятеж Реформации глазами «древних» греков – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 751 с.
17. *Хайдеггер М.* Отрешенность. – М.: Вече, 1991. – 286 с.
18. *Хиневич А. Ю.* Славянское миропонимание. Подтверждение Книги Света. – Омск: Асгардъ-Омск-Москва, 2011. – 272 с.
19. *Шемшук В. А.* Бабы Яги – кто они? Как стать богом? – М.: «Шемшук и К^о», 2009. – 384 с.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

А. В. Рожкова, Д. А. Рыкун

Научный руководитель: к.ф.н. Ю. С. Осаченко
Томский государственный университет

«Основа культуры – целостность и согласованность культурных ценностей – как объективная реальность никогда не существовала. Вне этой «основы» в глазах исследователя все современные виды культуры начинают работать в другом режиме» [4. С. 254]. В настоящей работе мы рассматриваем «массовую культуру – самый малоизученный тип культуры – как особый тип культуры» [2], лишенный всякой основы. О массовой культуре достоверно известно лишь то, что это особое состояние культуры в кризисный период общества, целью которой является заполнение досуга и снятие напряжения и стресса у человека. «Сознание человека массовой культуры некритично и предполагается легко поддающимся манипулированию» [2].

В фокусе нашего изучения находятся, прежде всего, ценностные ориентации индивида и его культурная стратегия, как важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, совокупностью его переживаний и ограничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного. Такой фокус выбран вследствие того факта, что «ценностные ориентации лежат в основе всех качеств человека и его способности к волевым усилиям, совместно с культурной стратегией определяя поведение» [1]. Отметим, что в нашей работе под мировоззрением подразумевается совокупность принципов, призванных направлять и определять активность индивида (и общества) во всех сферах его бытия, а именно в познании, переживании, оценивании и действии. Такое толкование мировоззрения не предполагает его обязательной осознанности и отрефлексированности.

Что же такое миф? В первую очередь отметим, что мифология – это определенный тип мировоззрения, являющийся результатом исследовательской реконструкции, т. к. носители мифосознания не рефлексировали по поводу сущности собственных представлений. Миф – это *особая структура* сообщения, он тождественен независимо от содержания – оно при устойчивости структуры может меняться. Миф устойчив к изменениям: он либо отвергает содержание, либо перерабатывает; чем более содержание отражает ценностное суждение, тем больше у него шансов превратиться в миф. Основные признаки мифа – нарративизация, архетипизация, символизация, ритуализация. Мифологизация сознания – способность воспринимать мир только через инструкции-нарративы, архетипы, предметы-символы и действия-ритуалы, замещающие реальность имитацией перводействия.

Пользуясь хорошо известной способностью мифа подменять реальное действие имитацией перводействия, а так же тем, что человек мифосознания считает эту имитацию именно «настоящим» действием, что весьма схоже с вышеназванными признаками массовой культуры, сравним изученную архаическую и малоизученную массовую культуры. Налицо структурная тождественность мифологической архаики и феномена «массовой» культуры: в обоих случаях эле-

менты окружающего мира не воспринимаются как обладающие самостоятельной, внутренне присущей им ценностью. Это прямо следует из того, что: 1) нарративность мифа соответствует истолкованию нарратива, легко инфицируемого мифом как когнитивного инструмента; 2) ритуальность мифа соответствует структуре нарратива, предполагающей и программирующей создание и последующее наращивание сюжетов только как серию повторений и переворачиваний одного и того же; 3) способность мифа осуществлять временное и пространственное перемещение из сферы профанного в сферу сакрального соответствует созерцанию как завершенности в себе массового; 4) деятельность носителей мифосознания направлена на повторение, как и деятельность носителей массового сознания; 5) а главное, «архитипизация задает структуру мифа и делает миф мифом, и она же составляет стержень массовой культуры, а ритуалы в архаической и традиционной культуре и символическое поедание пищи тождественны рекламе, ежеминутно продающей высокое, и ежедневному шопингу» [4. С. 195].

Из того, что миф определяется именно структурой, а не содержанием, следует, что массовое сознание не что иное, как современное мифическое сознание. Отличие современного от архаического состоит в том, что ранее отсутствие всякой идентичности проявлялось только в критической ситуации, а теперь адаптация под постоянные изменения стала принципом организации и функционирования общества. Сам феномен массовизации объясняется влиянием мифа – мифосознание не способно к логичности и связности и не подвергается просвещению. Его ориентации таковы, что положенное цивилизацией как значимое воспринимается мифосознанием как мир, которого избежать нельзя, но знаки которого можно периодически игнорировать или переинтерпретировать.

На основе тождественности, по аналогии с мифическим, охарактеризуем массовое: массовая культура – это культура, в которой профанное становится рутинным в своей обыденности, а сакральное воплощает в той же повседневности «настоящую» жизнь; причем сакральное необходимо как доставляющее индивиду удовлетворенность существованием, а профанное сохраняющее самое важное и значимое; носители легко забывают историю, легко теряют идентичность с прежними архетипами, что дает им возможность выживать в любой среде без последствий для своей идентичности, которая состоит в отсутствии всякой идентичности. Сказанное не противоречит известному.

«Мифическое и элитарное – это альтернативы жизненной стратегии индивида» [3. С. 54]. Отсюда для сравнения неизвестного массового и элитарного достаточно сравнить хорошо изученное мифическое и элитарное: 1) элитарное основано на доктрине и создается для создания будущего, массовое основано на нарративе – для консервации настоящего; 2) реальность в элитарном – это совокупность объектов, подлежащих преобразованию или же серия шагов, ведущая к цели; реальность в массовом – естественное и законченное образование, допускающее лишь переописание себя или достраивание до искомой полноты; 3) человеком высокой культуры мир воспринимается как продукт предшествующих человеческих действий (история), человеком массовой культуры – как вечный, естественный, неизменный и неизменяемый порядок вещей (природа); 4) задача высокой культуры – превратить бытие в средство для достижения будущего; задача массовой культуры – обеспечить удовлетворенность наличным, наглядным бытием; 5) в высокой культуре происходит линейная организация реально-

сти в ее целостности, внутренней согласованности и казуальной последовательности, а массовая культура строится на основе разорванности и фрагментации реальности на отдельные противоречащие и взаимоисключающие мифы; 6) ценности высокой культуры формулируются в виде абстрактных норм и идеалов, это, прежде всего, индивидуальные ценности, ценности в массовой культуре – в виде конкретных нарративов и архетипов и это коллективные ценности; 7) человек высокой культуры полагает себя как существо творящее, активно преобразующее действительность, вселенная же полагается не персонифицировано, человек массовой культуры полагает себя как существо, адаптирующееся к наличному состоянию вещей, вселенная полагается персонифицированной; 8) элитарная культура ориентирована на изменение и преобразование, массовая культура – на консервацию и адаптацию.

Таким образом, массовая культура или современное мифосознание – один из способов существования мифологизация общества – следствие распространения этой культурной стратегии настоящего. Для этой стратегии сфера сакрального, символы и ритуалы –необходимые структурные элементы нормального функционирования культурной системы; архетипы возникают спонтанно и самопроизвольно. «Бесконечное производство новаций лишь способствует распространению этой стратегии, поскольку только посредством соотнесения с архетипами мифа вводимые новшества могут быть адекватно интегрированы в наличный порядок» [4. С. 299]. Индивид выбирает стратегию мифосознания, если он не способен и не желает выделять в предметах особенное, индивидуальное, уникальное. Миф дает возможность человеку облегчить себе доступ к сфере сакрального, стабильность общества, сильная связь индивида с коллективными ценностями стимулируют его распространение. Элитарная культура или стратегия будущего; ее распространение стимулируется благодаря усилению конкуренции рыночной экономики и слабой связи с коллективными ценностями, т. е. стремлению общества к индивидуализации.

Из показанной выше тождественности массового и мифологического следуют следующие, полезные для практики брендинга, выводы [4. С. 310]: 1) для того чтобы отвечать потребительским ожиданиям, а значит и быть оплаченными, кумиры должны подводить себя под архетипы; 2) чем более абстрактный и расплывчатый образ приобретают архетипы, тем более они требуют наглядного воплощения, но в то же время и легче могут быть заполнены любым наглядным содержанием; 3) в выбранных сюжетах отбирается и акцентируется то, что призвано шокировать, вызвать состояние тревоги или экстаза; 4) эффективность процедуры отождествления себя с архетипом достигается за счет того, что предметы становятся символами; 5) становясь символами, любые предметы, в том числе кумиры, лишаются своих индивидуальных черт.

В сознании индивида желание реальности подменяется желанием наглядности, привязывая смутные ощущения, переживания и ожидания к конкретности, явленности, определенности архетипа. Архетип всегда пуст – это символ чего-то, выходящего за пределы обычного. Он воплощает себя только в конкретных предметах, которые благодаря этому вызывают сильные эмоциональные переживания. Условия идентификации человеком себя с архетипом: наглядность предмета и его выход за рамки обычного. Идентификация индивида нестойкая до встречи со следующим архетипом.

Поведение человека массовой культуры как современной мифологической культуры можно представить как поведение, аналогичное поведению броуновской частицы. Человек образует непрочные связи с ценностями – теми нарративами, ритуалами и архетипами которыми он руководствуется. Эти мифы могут быть противоречивыми, однако это не вызывает противоречий в поведении индивида – связь с конкретным мифом нестойкая, в каждый конкретный момент человек может руководствоваться разными мифами, а значит и разными ритуалами и архетипами. Таким образом, поведение людей со стратегией массовой культуры напоминает сложный и порой непредсказуемый процесс. Из этого следует то, что суждение о том, будто человек массовой культуры легкоуправляемый индивид, совершенно не верно.

Важно отметить, что мировоззрение человека массовой культуры – это мировоззрение человека, ценящего настоящее, человека, адаптирующего себя под изменение окружающего мира для сохранения этого мира, неизменности настоящего.

Мифодизайн – традиционный и единственный способ «достучаться» до людей с культурной стратегией настоящего. Отличие от архаики состоит в содержании и в том, что современный миф создается искусственно, он узко функционален. Индивиды приобретают не вещь, а символ – бренд. Вещь создает дополнительные отношения между людьми, которых без нее бы просто не было. Достаточно лишь смутного ощущения, что за товаром-брендом стоит нечто, доставляющее сильные переживания и наполняющее существование искомым смыслом. Производитель мифов только артикулирует то, что всегда имело место быть в виде смутных ощущений и переживаний: сам предмет описывается и воспринимается в терминах мифа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вторушин Н. А.* Отчуждение как один из определяющих факторов развития современного общества и человека // Сборник трудов конференции молодых ученых, – Томск: Издательство ТПУ, 2012. – С. 244–245
2. *Мальшева Е. А.* Массовая культура в современном обществе // Сборник трудов конференции молодых ученых, – Томск: Издательство ТПУ, 2012. – С. 32–34
3. *Соколов Е. Г.* Аналитика масскульты. – Спб.: СПб философское общество, 2001. – 54 с.
4. *Сыров В. Н.* Массовая культура: мифы и реальность. – М.: Водолей, 2010. – 317 с.

ВНЕНАУЧНЫЕ ФОРМЫ ЗНАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ НАУКИ

С. С. Семенов

Научный руководитель: к.и.н. Е. С. Кирсанова
*Северский технологический институт Национального
исследовательского ядерного университета «МИФИ»*

Современный кризис науки сопровождается неоднозначным отношением к науке. С одной стороны, наука воспринимается как одна из высших ценностей цивилизации и культуры, а с другой – подвергается жесткой критике. Из-за этого в обществе назревает определенное разочарование в науке, и на нее возлагается ответственность за нарастающие глобальные проблемы. На этом фоне усиливаются мистические и антисциентистские настроения в обществе.

«Крайний антисциентизм требует затормозить научно-технический прогресс, предлагая вернуться к традиционному обществу» [6. С. 25]. Представители так называемой «альтернативной науки», рассматривая то, на что нет однозначного ответа в современной науке, пытаются дать свой ответ, зачастую пропагандируя мистические настроения и вненаучные знания в обществе. Использование научной терминологии вводит в заблуждение людей софистическими и суррогатными представлениями о традиционной науке. Положение усугубляют и СМИ с псевдонаучными статьями и документальными фильмами. В результате обыватели не понимают, зачем нужно финансировать фундаментальную науку (физика высоких энергий, космос и т.п.), падает интерес к естественнонаучному знанию, что выражается и в снижении конкурса в технические вузы. Ответом на подобный вызов явилось создание при РАН Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований.

Однако, борясь с «лженаукой», важно учитывать опыт истории науки, которой известны случаи, когда некоторые вненаучные знания становились научными. Поэтому необходимо понять, нужно ли вненаучное знание для современного общества, поможет ли оно решить актуальные проблемы науки и социума? Чтобы ответить на эти вопросы в рамках статьи будут рассмотрены исторические примеры вненаучного знания и их роль в становлении современной науки, на примерах алхимии (как носителя вненаучного знания) и современной химии (как представителя науки).

Прежде, чем перейдем к дальнейшему рассуждению, необходимо дать определение того, что есть вненаучное знание.

Вненаучное знание, как его определяет В. М. Селезнев, – «это знание, не вписывающееся в жесткие каноны научной рациональности, а также представляющее собой способ освоения действительности, отличный от науки» [5].

В.М. Селезнев выделяет следующие моменты в трактовке вненаучного познания:

1) Вненаучное знание является обыденным знанием, возникающим в процессе повседневной практической деятельности людей, оно выражается естественным языком, гармонично встраивается в природную среду.

2) Вненаучное знание – это знание, добываемое в оккультно-мистической практике (магия, теософия, алхимия, астрология и т. д.), которое, как правило, носит эзотерический характер.

3) Внутри науки существует маргинальный пласт знаний, который до поры до времени игнорируется сообществом ученых. С развитием науки некоторое количество этого невостребованного знания актуализируется, что приводит к расширению границ науки, к открытию новых проблем и перспектив [5].

На примере истории химии и ее прародительницы протонауки алхимии рассмотрим трансформацию знания: как оно из вненаучного превращается в научное.

«Алхимия – это феномен средневековой культуры, в котором своеобразно переплетались начальные естественнонаучные (прежде всего химические) представления о мире и характерные для данной культуры представления о человеке и обществе» [4. С. 297]. Она иррациональна по своей природе, но тем не менее алхимия была связана с реальной практической деятельностью – опытами и экспериментами.

Теоретическую основу алхимии составило древнегреческое учение о стихиях. Одним из первых теорию четырех стихий начал разрабатывать Эмпедокл. По его мнению, элементы материальны и наделены двумя противоположными свойствами: филии (любви), отвечающей за притяжение тел, и фобии (вражды) – за их отталкивание. Эти свойства присущи всем телам, и приводят материю в движение. Уже здесь мы можем видеть определенную параллель с современной теорией электрических зарядов, где взаимодействие между заряженными телами обусловлено взаимным притяжением или отталкиванием. И действительно, любое движение основано на разности различного рода потенциалов, например давления, температуры, электрического потенциала и т.п.

Аристотель продолжил развивать концепцию четырех стихий, считая, что «четыре элемента-стихии являются не материальными субстанциями, а лишь носителями определенных качеств – теплоты, холода, сухости и влажности. Каждый из элементов-стихий является носителем двух свойств. В схеме Аристотеля допускались четыре комбинации: огонь – горячий и сухой, воздух – горячий и влажный, земля – холодная и сухая, вода – холодная и влажная» [1. С. 6].

Эти четыре элемента стихии можно сопоставить с четырьмя агрегатными состояниями вещества, соответственно плазменное, газообразное, твердое и жидкое. И действительно, любой химический элемент (первоматерия, по терминологии Аристотеля) в зависимости от условий может находиться в одном из этих агрегатных состояний.

Еще одна интересная в контексте данного исследования идея Аристотеля, изложенная в его геоцентрической космологии, включала предположение о том, что «вокруг центра Вселенной (центра Земли) расположены последовательно сферы четырех элементов в порядке уменьшения их тяжести – земли, воды, воздуха и огня. Выше них располагаются небесные сферы» [7]. Прослеживается прямая аналогия с современным представлением о строении земли, согласно которой Земля состоит из литосферы (по Аристотелю стихия «земля»), гидросферы («вода»), атмосферы («воздух») и магнитосферы («огонь»).

Одна из самых интересных идей алхимии – это идея трансмутации. Трансмутация в алхимии – это превращение неблагородного металла в другой, благородный. Осуществление трансмутации являлось главной целью алхимии, для достижения которой велись поиски философского камня. В метафизическом ас-

пекте алхимии трансмутация касается и духовной сферы – преобразования не только материальных объектов, но и личности человека.

Сам процесс трансмутации довольно прост: берется емкость с ртутью или слиток свинца и под воздействием философского камня они превращаются в золото. Проблема была в том, как получить философский камень. Веками алхимики ставили различные опыты, как химические, так и мистические, пытаясь синтезировать камень. Их эксперименты не увенчались успехом, но в процессе поисков философского камня алхимики открыли различные вещества и химические реакции, изобрели химическую посуду, которая до сих пор используется в современной химии.

Как считает А. Азимов, открытие алхимиками сильных минеральных кислот позволило осуществить многие новые реакции и растворить такие вещества, которые древние греки и арабы считали нерастворимыми (у греков и арабов самой сильной кислотой была уксусная). «Минеральные кислоты дали человечеству гораздо больше, чем могло бы дать золото, если бы его научились получать трансмутацией. Тем более золото, перестав быть редким металлом, мгновенно бы обесценилось. А ценность минеральных кислот тем выше, чем они дешевле и доступнее. Наука о минералах и медицина оказались настолько заманчивыми и доходными, что не было никакого смысла терять время на нескончаемые безуспешные попытки получить золото» [1. С. 27].

В XVII в. алхимия утратила свое значение, а в XVIII в. родилась наука химия. Уже в XIX веке немногие верили в возможность превращения одних химических элементов в другие. И даже великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев писал: «Исходные положения нашей науки состоят не только в том, что вся общая масса вещества постоянна, но постоянны и те формы вещества, которые понимаются как элементарные атомы и в отдельности являются как «тела простые», признаваемые неспособными превращаться друг в друга» [3. С. 11].

Но Д. И. Менделеев ошибся, уже через двенадцать лет после его смерти, Резерфордом была проведена первая в мире искусственная трансмутация или по-современному ядерная реакция. «В 1919 году Резерфорд бомбардировал альфа-частицами ядра легких элементов, из которых изредка выбивались быстро летящие протоны (ядра водорода), при этом сама альфа-частица входила в состав ядра, увеличивая его заряд на единицу» [2. С. 400]. Например, азот в результате подобной реакции (${}^{14}_7\text{N} + {}^4_2\text{He} \rightarrow {}^{17}_8\text{O} + {}^1_1\text{H}$) превращался в другой химический элемент – кислород-17. Это была первая искусственно проведенная реакция превращения одного элемента в другой.

Заветная мечта алхимиков превращать одни элементы в другие сбылась! Но оказалось все не так-то просто. Например, чтобы получить нерадиоактивное золото, нужно провести сложную цепь ядерных превращений. Полученное этим методом золото будет намного дороже, чем его выделение из самых бедных руд. Поэтому искусственное получение золота имеет лишь теоретический интерес. И тут открывается удивительная вещь: в качестве исходных компонентов для ядерного синтеза золота наиболее целесообразно использовать изотопы ртути или свинца. Таким образом, алхимики в своих манипуляциях с этими металлами в поисках золота выдвинули воистину гениальную догадку!

Возникает вопрос – каким образом древние выдвигали столь пророческие идеи? При этом, не имея ни компьютеров, ни микроскопов, ни телескопов, не зная многих явлений типа радиоактивности или электричества? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять то, как древние мудрецы приходили к этим идеям. Но время стерло историю открытий этих идей. Поэтому попытаемся найти ответ в истории относительно недавних открытий XIX века. И экстраполируем это на древность.

По представлению А. Азимова, великий немецкий химик-органик Фридрих Август Кекуле совершил множество открытий, но самое яркое – это установление структуры бензола, что доказало правоту теории структурных формул. Причем, после долгих раздумий формула бензола «явилась ему во сне в виде атомов, слившихся в крупные структуры, похожие на змей. Вдруг одна из «змей» схватила себя за хвост» [1. С. 94]. И Кекуле озарило – бензол имеет циклическое строение, что стало революционной идеей в химии. Интересный факт: на одном научном съезде Кекуле произнес: «Давайте изучать свои сны, джентльмены, и тогда мы, возможно, придем к истине!». Для Д.И. Менделеева совет Кекуле оказался судьбоносным, ведь мы знаем легенду об открытии им Периодической таблицы во сне. Сам Менделеев постоянно отрицал свое спонтанное открытие периодического закона, это был результат его двадцатилетнего труда. Однако, история открытия Периодического закона удивительна.

Таблица Менделеева отличалась от работ его предшественников тем, что для классификации элементов у нее были две основы – атомная масса и химическое сходство. Для соблюдения периодичности он вопреки принятым в то время представлениям о значении атомных масс некоторых элементов исправил их, поставил в другое место, а также оставил пустые клетки для еще неоткрытых элементов. На основе этих работ в 1871 году Менделеев сформулировал Периодический закон, который подтвердился через четыре года. Таким образом, был открыт один из основополагающих законов природы.

Как мы убеждаемся, будто бы из ниоткуда к ученым являются гениальные мысли, догадки, озарения. Правда, это не совсем так, ведь Кекуле и Менделеев долго и упорно работали над своими проблемами, они вложили много сил и времени для их решения. Их открытия не случайны, а закономерны. И тем не менее, интуиция сыграла ключевую роль в их открытиях. Проследив этот факт, мы можем ответить на вопрос, каким образом древние сумели прийти к столь гениальным идеям, вроде стихий или трансмутации. Древним помог в этом труд и интуиция. Ведь интуиция – это непосредственное постижение истины без логического анализа, основанное на воображении, эмпатии и предшествующем опыте. Когда человек решает проблему интуитивным путем, он неосознанно логизирует и упорядочивает целый ряд явлений, причинно-следственных связей, свой жизненный опыт. Вся эта информация анализируется не в виде слов, а в виде образов, абстракций, чувств. В итоге они складываются в общую картину, и рождается ответ. Таков принцип работы интуиции, он, конечно, более сложный и многогранный, но в общих чертах он выглядит именно так.

Очевидно, что люди древности по интеллекту не уступали нам, но знали они, конечно же, меньше, чем мы. Тем не менее, древние пытались постичь природу, и у них это получалось на интуитивном уровне. Они не знали природу, они ее чувствовали. Эти чувства они пытались выразить словами, используя те знания,

что они имели, опираясь на язык образов и аналогий. Так и зародились легенды, мифы, сказки. Затем уже новые поколения мудрецов использовали мифы для объяснения своих идей. Так развивалось вненаучное знание. Если б эти мудрецы знали, что такое гравитация, электричество, радиация и прочее, они бы объясняли свои идеи через эти понятия, но тогда такого знания не было. Отсюда и сходство в общих чертах мифа и современного научного знания. Важно понять, что они лишь образно схожи, так как идеи древних были зачастую поверхностными и умозрительными, ведь они не подтверждались точными экспериментами. Но без сомнения, они выражают одни и те же представления и знания о природе, что и современная научная парадигма, но на другом уровне и языке – чувственном и образном. В этом и секрет сходства древнего вненаучного знания и современного научного.

Без сомнения вненаучные знания могут помочь людям в решении многих проблем. Роль интуиции очень важна не только в науке, но и в любой другой деятельности. Самое главное, найти четкий баланс между иррациональными и рациональными методами познания, между чувствами и логикой. Ведь недаром древние завещали нам золотые слова: «Все хорошо в меру» – это универсальное правило Природы. Мифы, легенды, сказки могут помочь нам в этом, но не в качестве источника абсолютной истины и догм, а в качестве источника вдохновения, идей, мыслей. Подобно тому, как в эпоху Ренессанса художники вдохновлялись греческими мифами, ученые могут почерпнуть оригинальные мысли и решения для своих проблем в протонауках, мифах, сказках. То, что раньше считалось магией или вымыслом, сейчас в порядке вещей. Недаром третий закон Артура Кларка гласит: «любая достаточно развитая технология неотличима от магии» [8]. Важно не ограничивать свое воображение...

Представляется, что в свете вышеизложенного важно понимать наличие в истории науки различных форм постижения действительности и видеть позитивную роль и вненаучного знания, как некоего «пред-знания». Разумеется, необходимо давать вненаучным формам знания адекватную оценку с точки зрения современной науки, но не спешить отбрасывать «сумасшедшие идеи» с порога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов А.* Краткая история химии. Развитие идей и представлений в химии. – М.: Мир, 1983. – 221 с.
2. *Зисман Г. А., Тодес О. М.* Курс общей физики. 4 изд. – М.: Наука, 1970. – Т. 3. – 500 с.
3. *Менделеев Д. И.* Попытка химического понимания мирового эфира. – СПб.: типолитография М. П. Фроловой, 1905. – 40 с.
4. *Рабинович В. Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. – М.: Наука, 1979. – 429 с.
5. *Селезнев В. М.* Вненаучное знание [Электронный ресурс] // EncBook.ru. URL: <http://encbook.ru/content239993/> (дата обращения: 10.05.2013)
6. *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники: Учебное пособие. – М.: Контакт-Альфа, 1995. – 384с.
7. *Стихия (Алхимия)* [Электронный ресурс] // Ru.wikipedia.org. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/стихия> (дата обращения: 10.05.2013)
8. *Три закона Кларка* [Электронный ресурс] // Ru.wikipedia.org. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Три_закона_Кларка (дата обращения: 10.05.2013)

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ИНТЕРФЕЙСА СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ НА ВОСПРИЯТИЕ ИХ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

А. В. Чекунова

Научный руководитель: к.ф.н. Н. Н. Зильберман

Томский государственный университет

Исследования и разработки в области робототехники с каждым годом набирают обороты и становятся все более актуальными. Традиционное восприятие роботов как инструмента, предназначенного для работы, постепенно претерпевает изменения благодаря новым технологическим идеям и разработкам. В связи с этим, рассмотрение роли роботов в социуме находится в постоянном развитии, и перед разработчиками стоят новые проблемы, связанные с взаимодействием робота и человека.

Изначально роботы использовались в качестве инструмента, чтобы облегчить человеческий труд. «Роботы были также предназначены для работы как самостоятельно, так и удаленно от людей, часто для выполнения опасных задач (уборка минных полей, проверка нефтяных скважин и т. д.)» [1. С. 66]. Известно, что роботы широко используются во многих отраслях промышленности, космонавтике и обороне. Однако в 1990-х наметились новые тенденции. «Синтез робототехники и искусственного интеллекта создал возможности для новых приложений и сфер применения. Появилось направление разработки сервисных роботов (уборщики, гиды и т.п.), а затем социальная робототехника, делающая акцент на включении робототехнических систем в социальные взаимодействия» [1. С. 66].

В рамках социологического знания большое значение имеет изучение социального положения индивида, которое определяется понятием социальный статус личности. В данной работе, говоря о социальном статусе, под ним мы также понимаем и положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии. В различных группах один и тот же индивид может иметь разный статус. Социальный статус в обществе определяются по различным критериям: по уровню жизни, по возрастной группе, по принадлежности к той или иной религии и т. д.

Все вышеперечисленное относится к пониманию человека в социуме, в связи с этим возникает вопрос, а может ли вообще понятие «социальный статус» быть применимо к гуманоидным социальным роботам? Социальные роботы имеют определенные обязанности и функции, однако, спорным остается вопрос о том, что он может делать и что должен делать. Роботы также имеют статусные символы, их внешний интерфейс позволяет нам понять, к какой сфере социальной деятельности относится та или иная модель. Теоретически понятие социального статуса может быть применено к социальным гуманоидным роботам, однако

многие аспекты данного понятия остаются спорными и недоработанными в применении к социальным роботам. Люди делегируют свои обязанности роботам, но здесь важно определить, какой именно социальный статус возможен для робота по отношению к человеку. Учитывая опыт зарубежных исследователей, которые утверждают, что люди испытывают эмоции по отношению к некоторым моделям социальных роботов, можно предполагать, что понятие социальный статус все-таки применимо [2]. Однако остается под вопросом, какой именно социальный статус будет присвоен роботам и от чего это зависит.

Цель данной работы – определение роли внешнего интерфейса роботов в восприятии их социального статуса. Наиболее эффективным методом при изучении данной проблемы, на наш взгляд, является метод эксперимента. В отличие от методов, лишь регистрирующих то, что уже существует, эксперимент позволяет нам проверить возникшие гипотезы, устранить некоторые из них, или скорректировать. Поэтому для подтверждения предварительной гипотезы был проведен эксперимент, в котором рассматривался только внешний интерфейс и функции роботов, как способы формирования социального статуса. Эксперимент позволяет нам собрать данные о восприятии роботов в том или ином социальном статусе без естественного взаимодействия. Основная задача эксперимента – определить, принимают ли люди, тот или иной статус у робота, либо, не смотря на социальную роль, внешний интерфейс, соответствующую атрибутику, вербальные и не вербальные средства коммуникации человек все равно воспринимает робота как «железо» или «технику».

В основе эксперимента было рассмотрение внешнего интерфейса как способа формирования социального статуса. В итоге были собраны данные о восприятии роботов в том или ином социальном статусе без естественного взаимодействия. Было проведено анкетирование. Участникам эксперимента предоставили полноцветные изображения роботов с различным внешним интерфейсом. Количество роботов – 23. Изображения выбраны по разным критериям, в том числе – наличие сходства с живыми существами: антропоморфные, гуманоидные, зооморфные и роботы без культурного интерфейса (в основном промышленно-хозяйственные). Анкета состояла из 6 пунктов. Первые пункты – о личной информации респондента, последующие пункты были направлены на восприятие того или иного робота в определенном социальном статусе. Участники могли предоставить свои варианты ответа. Более того, все высказывания подобраны, исходя из традиционных представлений о социальном статусе при взаимодействии («вышестоящий», «равный» и «нижестоящий» социальный статус), это позволило выявить, какой внешний интерфейс ассоциируется с тем или иным социальным статусом.

На данный момент в опросе участвовало 50 человек в возрасте от 8–14 и 50 человек в возрасте 18–26. Гендерный аспект на данном этапе исследования опускается, поскольку анкетирование будет продолжаться и итоговые результаты, касающиеся данной части будут подводиться позднее. На данном этапе большее внимание уделено возрастной категории респондентов. Подобное внимание к возрасту опрашиваемой аудитории связано с тем, что многие исследователи в области социальной робототехники отмечают большую привязанность к социальным роботам у детей, чем у взрослых.

По результатам среди старшей возрастной группы к высокому социальному статусу были отнесены изображения только антропоморфных и гуманоидных роботов, что подтверждает значимость внешнего интерфейса в формировании социального статуса, поскольку человек не будет относить к данной категории животных или просто «технику». К равностоящему социальному статусу были отнесены следующие изображения также, в основном, гуманоидных и антропоморфных, и одна модель зооморфного робота. Это можно объяснить восприятием животного как друга, на данном принципе построены все терапевтические роботы.

К низстоящему социальному статусу были отнесены все представленные роботы зооморфные и гуманоидные, что примечательно и даже очевидно – отсутствие антропоморфных роботов.

Участники опроса среди младшей возрастной группы отнесли к вышестоящему равному статусу антропоморфных и гуманоидных роботов. К низстоящему статусу были отнесены зооморфные. Следует отметить, что респонденты с 9 до 11 лет испытывают симпатию к роботам с агрессивным интерфейсом, тогда как с 12 до 14 лет, наоборот отметили, что подобные роботы вызывают ассоциации, связанные с такими категориями, как «опасность», «серьезность» и «жестокость», и отметили, что ассоциируют себя по возрасту с роботом Nao. Неожиданным результатом является отнесения респондентами от 9 до 11 лет зооморфных роботов к таким повелительно-агрессивным категориям, как «власть», «опасность», «лидерство».

Предварительные результаты показали, что почти все присваивают определенный социальный статус роботам, т. к. многие высказывания в анкете, относящиеся к одушевленности, респонденты переносили на роботов. Подтвердилась гипотеза о значимости интерфейса в формировании социального статуса роботов. В дальнейшем планируется продолжение данного эксперимента для уточнения результатов. И проведение второго эксперимента уже с взаимодействием робота и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин Д. В., Зильберман Н. Н. Социальная робототехника в контексте гуманитарной информатики // Открытое и дистанционное образование. Научно методический журнал. – №2. – 2012. – С.66–72.
2. Hashimoto T., Kobayashi H. Educational System with the Android Robot SAYA and Field Trial. – Taiwan, 2011. – PP. 766–771.

ПОЛИТОЛОГИЯ

ВЛИЯНИЕ СМК НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

К. А. Безбрилова

Научный руководитель: д.пл.н. А. И. Щербинин

Томский государственный университет

Понятие региональной идентичности – сложное и многогранное. Оно включает в себя целый ряд аспектов, особенностей и характеристик, о которых пойдет речь далее. Цель работы – проследить и выявить, каким образом, с помощью каких механизмов средства массовой коммуникации воздействуют на процесс формирования региональной идентичности. Прежде, чем перейти к цели нашей работы, сформируем представление о предмете исследования.

Термин «идентичность», как центральное понятие данной работы, был заимствован из области психологии и психоанализа и перенесен в иные области наук, в том числе и в политологию. О.И. Генисаретский выделяет три особенности идентичности как таковой [2]:

1. Идентичность – есть качество историческое, это означает, что она в определенное время появляется, и в определенное время может исчезнуть; может измениться, а может сохраниться. Таким образом, идентичность переменна во времени.

2. Идентичность не только исторична, но и «тварна», то есть создается «человеком» в зависимости от его деятельности и воли. Также она проектна, поэтому в качестве вывода скажем, что идентичность выступает в качестве конструируемого понятия.

3. Идентичность обладает свойством автореферентности или самообозначением – здесь видно психологическое измерение данного понятия, раскрывающееся в самоподобии, а также в самоподтверждении идентичности.

Таким образом, автор делает вывод, что «идентичность – сущность исторически изменяющаяся и изменяемая, искусственная, тварная и рефлексивная» [2].

Стоит отметить иной момент, что идентичность разграничивается на уровни: коллективный и индивидуальный. Индивидуальная идентичность подразумевает под собой самоосознание себя частью мировой системы, самовыбор и самоопределение в соотношении себя к части мирового сообщества, выбор установок поведения, выбор социально-значимых ориентиров, а также культурных ценностей. В свою очередь, коллективная идентичность – есть «комплекс представлений, образующих согласованную, солидарную мотивацию индивидуального группового поведения» [4. С. 9]. Данные понятия непосредственным образом связаны с социальной идентичностью – с соотношением себя индивидом с социальными общностями и группами, с выбором поведенческих установок и ролевых ориентиров в социальной среде, а также в публичной сфере. Таким образом,

через данный категориальный аппарат мы выходим на уровень региональной идентичности, которая является одной из разновидностей социальной идентичности как таковой.

Многие авторы понимают региональную идентичность как «системную совокупность культурных отношений, связанную с понятием «малая родина» [3]. Данное понимание основывается на идее региональной идентичности как фактора, относящегося к конструированию не целостной национальной (государственной), а локальной местной идентичности, однако не отодвигающего, а дополняющего особым содержанием государственную идентичность.

Базовыми категориями, влияющими на соотнесение человеком себя с регионом, являются история, наличествующая в регионе, организация его управления, уровень развития данного региона, культурные ценности, политическая культура. Наличие и высокий уровень перечисленных факторов, а также интенсивность их воздействия на индивида, непосредственным образом позволяет говорить о возникновении у человека региональной идентичности, а именно о процессе осознания себя частью региона, о зарождении чувства общности с индивидами, проживающими на определенной территории.

Процесс идентификации неотъемлемым образом связан с процессами самоорганизации и самоопределения индивида, являющиеся неотъемлемыми составляющими идентичности как таковой. Каждый индивид чувствует региональную идентичность и знает, что он принадлежит к определенной территории. Данное чувство усиливается, когда определяется судьба региона, например, на высшем уровне, когда стоит вопрос о деятельности региона или его участии в государственных проектах, а также на уровне самого региона, когда встает вопрос, например, о происшествиях различного рода, случившихся на его территории. В таких ситуациях человек акцентирует свое внимание на регионе как на нечто своего рода «своем», в связи с чем переживания за судьбу «своего» региона усиливают региональную идентичность.

Как показывают П. Франкенберг и Й. Шубауэр, региональная идентичность включает три основных элемента [1. С. 162]:

1. Когнитивный – означает, что граждане должны быть осведомлены о существовании своего региона и его географических пределах (это есть знание о «своем» и о «других» регионах с целью различения своей отличной истории, экономики и т. д.).

2. Аффирмативный – выступает формой интерпретации когнитивного элемента и включает набор эмоций относительно своего региона, а также то, в какой степени регион обеспечивает рамки общих эмоций и чувства солидарности.

3. Инструментальный – когда регион используется как база для социальной и политической мобилизации населения и коллективной деятельности.

Наиболее эффективным для реализации трех перечисленных направлений является использование средств массовой коммуникации. Благодаря своим функциям: информационной, образовательной, регулирующей, инновационной, аналитической – СМК позволяют, соответствуя перечисленным элементам, во-первых, информировать граждан о состоянии региона, о наличии новостных данных, об историческом прошлом, культурных традициях, об этнонациональных ценностях, таким образом, конструируя представления о «своем» и «других» регионах у граждан. Во-вторых, транслируемая информация позволяет

формировать набор эмоций относительно существующего положения дел региона как минимум, и как максимум – относительно самого региона в целом; информация позволяет влиять на умонастроения граждан, тем самым санкционируя консолидацию населения. И наконец, в-третьих, СМК позволяют осуществлять мобилизацию населения с помощью передаваемой информации, которая может иметь целенаправленное воздействие с определенным посылом, заданным в том числе и в рамках осуществляемой политики региона.

Так, например, В. Я. Гельман, описывая политику региональной идентичности, говорит о ней так: «это деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе» [1. С. 166]. Взяв на вооружение данное определение, мы можем сказать, что процесс формирования у людей региональной идентичности в некоторой степени основывается на процессах коммуникации, которые лежат в основании используемых СМК.

Средства массовой коммуникации и информации, сведения, полученные в результате коммуницирования с другими людьми, в том числе и слухи и т. д., позволяют формировать собственное представление о мире, о территориальных границах региона, позволяя конструировать в сознании индивида цельную картину мира о собственной среде обитания, о людях, окружающих его.

Процесс формирования региональной идентичности не может быть законченным, поскольку общество постоянно обновляется: появляются новые поколения, которые должны впитывать представления о региональной идентичности, формировать собственное мнение об общественно-политической жизни страны и региона, а также самоорганизовываться и самоопределяться. Вследствие этого, влияние средств массовой коммуникации на процесс формирования региональной идентичности является неотъемлемым подспорьем в процессе социализации людей.

Таким образом, средства массовой коммуникации поддерживают процесс формирования региональной идентичности, позволяя информировать граждан о территориальных границах, культурных ценностях, традициях региона, подкрепляя консолидированность населения и вовлекая отдельно взятого индивида в процесс интеграции общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусыгина И. М. Политическая регионалистика. Учебное пособие. – М.: Росспэн, 2006. – 278 с.
2. Генисаретский О. И. Культурная идентичность и образ территории [Электронный ресурс]. URL: <http://prometa.ru/olegen/publications/52> (дата обращения: 12.04.2013).
3. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/027/663/1216/002-1.pdf> (дата обращения: 14.04.2013).
4. Семенов И. С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.

ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. Ю. Красноперов

Научный руководитель: д.п.н. Н. Г. Щербинина
Томский государственный университет

Европейский Союз представляет собой сложноорганизованную систему, которая состоит не просто из 27 суверенных государств (политических единиц), но также включает в себя такое же количество экономических систем, еще большее количество этносов, менталитетов, языков. К этому перечню стоит добавить различные правовые системы, религии, историческое и культурное наследие. Различия между указанными частями системы порой могут быть антагонистическими. Возникает вопрос: может ли такое многообразие различающихся факторов негативно сказаться на существовании Европейского Союза и взаимодействии между входящими в него государствами? Если ответ будет положительным, то какое значение окажет на межгосударственные отношения дальнейшее расширение ЕС?

Постановка таких вопросов стала особенно актуальна после Мирового финансового кризиса, начавшегося в 2008 году, и последовавшего за ним Европейского долгового кризиса. Оба этих кризиса стали причиной возникновения или обострения конфликтов на почве некоторых из вышеуказанных различий. Часто субъектами конфликтов оказываются целые государства.

Наиболее заметные проблемы прослеживаются в экономической сфере. Изначально ЕС создавался как экономическое сообщество и был призван способствовать экономическому сотрудничеству стран-участниц. Однако по мере расширения Союза и включения в него новых стран все более очевидным становилось то, что уровень экономического развития и возможностей отдельных государств существенно различается. Так, например, на сегодняшний день в ЕС одновременно входят страны, в которых ВВП на душу населения составляет 68100 евро в год (Люксембург) и 11600 евро в год (Болгария) [23]. Существенные различия наблюдаются и по другим показателям [22].

В относительно стабильный период различия подобного рода имеют малое значение, но в условиях кризиса страны с наиболее сильной и стабильной экономикой оказываются вынужденными поддерживать страны, терпящие нужду. Безусловно, это отвечает целям ЕС. Однако страны-доноры проявляют недовольство распределением обязанностей, поскольку в связи со сложившимися условиями функцию доноров им приходится играть регулярно. Так, существенной была доля Германии в оказании экономической помощи Греции, что вызвало недовольство немцев и поставило правительство перед сложной внутривнутриполитической проблемой [12]. Согласно данным информационного агентства «Интерфакс», 71% немцев высказались за то, что Греции стоит покинуть еврозону в случае невозможности выполнить меры по жесткой экономии [11]. В свою очередь, выполнение этих мер вызывает волны протестов в Греции [2]. Таким образом, между двумя странами возник конфликт, проявившийся в т.ч. на уровне восприятия друг друга гражданами этих государств. Немцы видят в греках потребителей денег немецких налогоплательщиков, а греки в немцах тех, кто навя-

зывает им неприемлемые меры. Оба видения оказываются негативными. С учетом всей специфики схожие проблемы имеются в других странах ЕС (и еврозоны в частности).

В некоторой степени наблюдаются конфликты вокруг принципа о свободном передвижении людей, товаров, услуг и денег как если бы это происходило внутри одной страны [18]. Необходимо отметить то, что ряд государств ЕС (Великобритания, Ирландия, Румыния, Кипр, Болгария) по тем или иным причинам пока не входят в зону Шенгенского соглашения. Кроме того, неоднозначно отношение членов ЕС к вопросу о миграции трудовых ресурсов из Восточной Европы в Западную. В частности, проблема так называемого «польского водопроводчика» (к которой любят апеллировать противники общеевропейского конституции) подразумевает поток дешевой рабочей силы из Польши в Германию, Францию и Великобританию, что создает дополнительную конкуренцию на рынке труда. При этом страны Шенгенской зоны не могут налагать сколько-нибудь серьезные ограничения на въезд мигрантов из стран Евросоюза, используя относительно слабые заградительные барьеры.

Также свое влияние имеет политический аспект кризиса. Л. М. Воробьева выделяет следующие виды противоречий, касающиеся политического обособления [3. С.8–9]:

1) между объективно усложняющимся процессом интеграции, логика которого требует все новых и новых уступок суверенитета, и субъективным желанием стран-членов сохранить национальный суверенитет в наиболее чувствительных и значимых сферах;

2) между усилением внешнего политического и экономического влияния ЕС и неготовностью отдельных стран поступиться национальными интересами в пользу общеевропейских;

3) между подходами к определению роли ЕС (Франция, Германия);

4) между доминированием Германии и желанием Франции восстановить свое прежнее влияние в Европе;

5) между попытками крупных стран диктовать свою волю малым и средним странам и нежеланием последних оказаться под политическим и экономическим диктатом первых;

6) между объединяющим пафосом европейской идеи и отрицательным историческим опытом стран-членов из Центрально-восточной Европы;

7) между согласительной патерналистской системой ЕС и состязательными политическими системами стран-членов;

8) между растущими полномочиями Европарламента и недемократической практикой его формирования.

Одним из последствий актуализации всех вышеуказанных различий становится значительное повышение уровня исключительной гражданской идентичности относительно докризисных периодов. Под ней понимается отождествление себя жителями стран-членов Евросоюза исключительно со своим государством, отрицая при этом свою идентичность с ЕС. Анализируя статистику Евробарометра, можно обнаружить, что на 1999 год только 4% европейских граждан считали себя исключительно европейцами; в сознании 6% европейская идентичность стояла на первом месте по сравнению с национальной; европейская идентичность значима, но первое место занимала национальная у 42%

граждан ЕС; и, наконец, только национальная идентичность присуща 45% европейцев [20. С.10]. Следующий крупный анализ приводится в публикации за 2010 год, где говорится, что 53% жителей ЕС отметили свою принадлежность к Европейскому Союзу в той или иной степени [21. С.95]. Однако оба исследования затрагивают посткризисные периоды, поэтому на их основе нельзя делать объективные выводы о динамике гражданской идентичности. Тем не менее, они дают представление об общем уровне исключительной гражданской идентичности в посткризисные периоды (в пределах 45–47%).

В работе В. А. Федорцева и Л. К. Мамедовой проблема европейской идентичности рассматривается сквозь призму поддержки правых популистских партий в ряде европейских стран, которая в последнее время заметно возросла [17]. Этот показатель, в отличие от приведенной статистики, наглядно демонстрирует динамику исключительной гражданской идентичности. На основе данных из работы Федорцева и Мамедовой, а также информации из других источников, была составлена таблица (см. табл. 1), наглядно демонстрирующая рост поддержки крайне правых партий, общей для которых является установка евроскептицизма (как радикальная, так и умеренная). Таблица составлена на основе результатов двух последних выборов в национальные парламенты. Соответственно, одни выборы отражают положение до экономического кризиса, а вторые – после или во время периода активного протекания. Представлены только те страны, где наличествуют партии, соответствующие описанным критериям. Партии левого и центристского характера не представлены, т. к. не отражают динамику гражданской идентичности. Результаты выборов в Европарламент см. в табл. 2.

Таблица 1

Динамика поддержки крайне правых партий, разделяющих установку евроскептицизма, на выборах в национальный парламент

Страна	Партия	Процент голосов на последних выборах (год)	Процент голосов на предпоследних выборах (год)	Изменение
Австрия	Австрийская партия свободы	17,5% (2008)	11% (2006)	6,5% или в 1,6 раза
Болгария	Атака	9,36% (2009)	8,14% (2005)	1,22% или в 1,15 раза
Великобритания	Британская национальная партия	1,9% (2010)	0,7% (2005)	1,2% или в 2,7 раза
	Партия независимости Соединенного Королевства	3,1% (2010)	2,2% (2005)	0,9% или в 1,4 %

Окончание таблицы 1

Страна	Партия	Процент голосов на последних выборах (год)	Процент голосов на предпоследних выборах (год)	Изменение
Венгрия	Фидес ¹	52,73% (2010)	42,03% (2006)	10,7% или в 1,25 раза
Германия	Национал-демократическая партия Германии	1,5% (2009)	1,6% (2005)	-0,1% или в 0,9 раза
Греция	Народный православный призыв	5,63% (2009)	3,8% (2007)	1,83% или в 1,5 раза
Дания	Датская народная партия	12,3% (2011)	13,9% (2007)	-1,6% или в 0,9 раза
Италия	Лига Севера	8,3% (2008)	4,6% (2006)	3,7% или в 1,8 раза
Латвия	Отечеству и свободе / ДННЛ	7,67% ² (2010)	6,94% (2006)	0,73% или в 1,1 раза
Литва	Порядок и справедливость	12,7% (2008)	11,4% ³ (2004)	1,3% или в 1,1 раза
Нидерланды	Партия свободы	15,5% (2010)	5,9% (2006)	9,6% или в 2,6 раза
Словакия	Словацкая национальная партия	5,08% (2010)	11,6% (2006)	-6,52% или в 2,3 раза
Финляндия	Истинные финны	19,1% (2011)	4,1% (2007)	15% или в 4,7 раза
Франция	Национальный фронт	9,17% (2012)	4,3% (2007)	4,87% или в 2,1 раза
Чехия	Гражданская демократическая партия	20,22% (2010)	35,38% (2006)	-15,16% или 1,7 раза
Швеция	Шведские демократы	5,7% (2010)	2,9% (2006)	2,8% или в 2 раза
Эстония	Партия независимости	0,2% (2012)	0,2% (2007)	нет изменений

Динамика выборов в Европаламент: поддержка евроскептиков

Выборы (год)	Фракции евроскептиков	Кол-во мест	Изменение за 2004-2009 года
2004	1. ID 2. Национал-консерваторы	64 (37+27)	+ 22 места
2009	1. Европейские консерваторы и реформисты; 2. Европа за свободу и демократию	86 (54+32)	

Из таблиц видно, что в подавляющем количестве стран произошел существенный рост поддержки партий, придерживающихся евроскептицизма. И все же, в некоторых странах наблюдается слабо выраженное обратное отклонение, однако оно достаточно мало, чтобы можно было выявить тенденцию. Нельзя также утверждать, что все произошедшие изменения вызваны исключительно воздействием динамики гражданской идентичности. Но с учетом предпосылок и специфики представленных партий можно сделать вывод, что влияние этого фактора остается одним из основных.

Возросшее влияние правых популистских партий и увеличений их представителей в национальном и европейском парламентах может негативно сказаться на процессе интеграции Евросоюза. Здесь необходимо уточнить, что речь идет не о возможном распаде Евросоюза (для чего данное исследование не дает достаточных оснований), а лишь о проблемах межгосударственного взаимодействия в рамках ЕС, о возрастании сложности согласования единой политики.

Впрочем, трудности согласования позиций и интересов между странами обусловлены также количеством членов ЕС, а значит и субъектов, ведущих переговоры. Дальнейшее расширение Евросоюза предполагает появление новых субъектов принятия решений. Помимо этого, расширение может способствовать включению в его состав новых системных различий, а значит и новых потенциальных конфликтов, которые будут способствовать обозначенной тенденции к увеличению доли исключительной гражданской идентичности (со всеми вытекающими последствиями). Появление новых различий и конфликтов будет лишь препятствовать согласовательной политике.

Одним из новых может стать культурный конфликт по линии «христианская культура – исламская культура». Влиять на систему он начнет с присоединением к ЕС Турции, страны с населением 70 млн. человек, преимущественно мусульман (Турция является официальным кандидатом на присоединение к ЕС с 1986 года). В 2009 году Албания (с населением 2,5 млн. человек, из которых более половины – мусульмане) также официально обратилась к Европейскому Союзу с просьбой о принятии в члены этой организации. Наглядное свидетельство тому, какое значение имеет разница культур в отношениях между странами, – скандальные карикатуры на пророка Мухаммеда, напечатанные в датской газете Jyllands-Posten [19] и приведшие к глубоким политическим последствиям (а именно, ухудшению отношений между христианскими и исламскими странами

как на государственном, так и на общественном уровне). Для европейского журналиста критические или сатирические публикации на тему религии относятся к разряду дозволенного. Любые запреты в этой области воспринимаются как покушение на свободу слова, неотъемлемое право человека. У мусульман изображение пророка Мухаммеда запрещено религиозными нормами, которые ценятся выше общечеловеческих прав [9].

Таким образом, можно выявить положительную корреляцию между политикой расширения Европейского Союза и усложнением процесса выработки единых решений на общеевропейском уровне. Одной из основных причин такой зависимости можно считать наличие между государствами внутренних системных различий, количество которых будет увеличиваться по мере присоединения к Евросоюзу новых государств. Конфликты, вызванные этими различиями, способствуют повышению доли исключительной гражданской идентичности, а вместе с ней и росту поддержки политических сил, настроенных скептически к европейской интеграции. И, несмотря на то, что доля этих сил в парламентах не достаточна, чтобы принимать ключевые политические решения, вместе с поддержкой растет возможность влиять на их разработку. Учитывая определение этих партий как крайне правых, можно предположить, что их позиция будет основана на доминировании национальных интересов перед общеевропейскими, что позволяет идти навстречу межгосударственному союзу ровно настолько, насколько это соответствует национальным интересам. Из этого и следует вывод об усложнении согласовательного процесса.

-----

¹ В коалиции с ХДНП. Однако большинство место досталось партии Фидес.

² В блоке с партией «Все для Латвии».

³ В коалиции «За порядок и справедливость».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ангархаев А. А.* Проблема национальной идентичности в контексте глобализации // Экологическая этика и образование для устойчивого развития. Материалы Байкальской международной конференции ЮНЕСКО. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. – С. 119–124.
2. *Более 50 тысяч человек участвуют в акции протеста в Афинах* [Электронный ресурс] // РИА новости. URL: <http://ria.ru/europe/20121107/909963703.html> (дата обращения: 20.01.2012).
3. *Воробьева Л. М.* Евросоюз: от кризиса к кризису // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – №1. – С. 7–25.
4. *Дериглазова Л. В.* Модернизация европейской социальной модели в условиях кризиса // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – №1 (17). – С. 64–74.
5. *Европа на переломе.* «Столкновение цивилизаций» или новые требования диалога? Материалы международной конференции. – М.: Научная книга, 2007. – 73 с.
6. *Иванкова М. Ю.* Проблемы международной миграции рабочей силы // Ученые записки. – 2007. – №2 (28). – С. 265–291.

7. *Искендеров П. А.* Ренессанс этнического сепаратизма в «единой Европе» [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры: электронное издание. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2010/08/15/10345.html> (дата обращения: 20.01.2013).
8. *Кондратьева Т. С.* Британская национальная партия и проблема иммиграции // Актуальные проблемы Европы. – 2012. – №4. – С. 123–150.
9. *Мчедлов М. П.* Религиозная идентичность. О новых проблемах в междивилизационных контактах [Электронный ресурс] // RILIGARE. URL: http://www.religare.ru/2_34079.html (дата обращения: 20.01.2013).
10. *Общая и прикладная политология: учебное пособие / Под общей ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова.* – М.: Союз, 1997. – 992 с.
11. *Опрос: 51% жителей ФРГ выступают за отказ от евро* [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Актуальные комментарии». URL: <http://actualcomment.ru/news/46134> (дата обращения: 20.01.2013).
12. *Петров К.Е.* Германия не хочет, но вынуждена платить по долгам Греции [Электронный ресурс] // Университет МГИМО: Информационный портал МГИМО МИД России. URL: <http://www.mgimo.ru/news/media/document151190.phtml> (дата обращения: 20.01.2013).
13. *Погорельская С. В.* Влияние иммигрантов на немецкое общество: взаимная интеграция // Актуальные проблемы Европы. – 2010. – №4. – С. 34–70.
14. *Современный федерализм: состояние и тенденции развития. Проблемно-тематический сборник.* – М.: РАН ИНИОН, 1999. – 239 с.
15. *Теубов Р. Т.* Проблемы расширения ЕС в современных условиях // Российское предпринимательство. – 2011. – №2. – С. 10–15.
16. *Фадеева Т. М.* Европейский федерализм: современные тенденции. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 83 с.
17. *Федорцев В. А., Мамедова Л.К.* Европейский союз: поиск европейской идентичности // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – №4. – С. 44–56.
18. *Border-free Europe (single market)* [Электронный ресурс] // European Union website. URL: http://europa.eu/pol/singl/index_en.htm (дата обращения: 20.01.2013).
19. *Cartoons of Muhammad* [Электронный ресурс] // Assyrian International News Agency. URL: <http://www.aina.org/releases/20060201143237.htm> (дата обращения: 20.01.2012).
20. *Eurobarometer.* – 2000. – №52.0. – 96 p.
21. *Eurobarometer.* – 2011. – №73.3. – 206 p.
22. *Eurostat* [Электронный ресурс]. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 20.01.2013).
23. *Gross domestic product at market prices* [Электронный ресурс] // Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&init=1&pcode=tec00001&language=en> (дата обращения: 20.01.2013).
24. *Mapping the global Muslim population. A Report on the size and distribution of the world's Muslim population.* – PewResearchCenter, 2009. – 59p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА «CASE-STUDY» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. И. Широченко

Научный руководитель: д.п.н. Н. Г. Щербинина
Томский государственный университет

В данной статье автор затрагивает вопросы компетентностного подхода в образовании, рассматривает значение и роль политического образования сегодня, в начале XXI столетия, и раскрывает функции образовательной технологии «case-study» в содержании политического образования, которое, по мнению первого, важно сориентировать на развитие исследовательских компетенций субъектов его организации – преподавателей и студентов.

1. Компетентностный подход в образовании. В настоящее время сфера образования динамично развивается, и большую роль приобретает здесь компетентностный подход как одно из приоритетных направлений модернизации образования, ориентированный на развитие профильно-профессиональных компетенций студентов.

Выделяя понятие компетенции, российские ученые А.Л. Слободской, Я.Я. Клементовичус, О.Д. Смирнова обращают наше внимание, что это есть индивидуальная характеристика, имеющая причинно-следственную связь с эффективностью деятельности в конкретной ситуации. По мнению этих авторов, компетенция не дана от рождения, она накапливается с опытом, следовательно, наиболее значимой ее характеристикой является наличие тесной связи с деятельностью [1. С. 174].

Компетенция неотделима от действия, поэтому ее осознание может происходить только в процессе деятельности, т. е. оцениваются ее проявления и те формы, которые она принимает. Проявление компетенции будет зависеть от условий, в которых она реализуется, и целенаправленности самой деятельности [1. С. 182].

Компетентность включает все то, что может быть мобилизовано для эффективного действия: когнитивные и некогнитивные компоненты (двигательные и умственные навыки, знания), мотивацию, ценностные и этические ориентации, установки и прочие социальные и поведенческие компоненты. Компетентности приобретаются и развиваются пожизненно, через действия и взаимодействия в самых разных формальных и неформальных образовательных ситуациях и институтах.

В российской практике образования на сегодняшний день раскрыты деятельностные основания компетентностного обучения, т. е. компетентность представлена в большей степени когнитивными и операционально-технологическими характеристиками. Исследование и проектирование как условия, обеспечивающие компетентностное обучение, определяют набор компетенций как совокупность знаний, умений, навыков, способов деятельности по отношению к определенному кругу предметов и процессов, необходимых, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним [1. С. 185].

Реализация компетентностного подхода «инициирует процессы, связанные с изменением содержания образования, стимулирует становление и развитие ре-

флексивной позиции всех субъектов образования, что в свою очередь оказывает существенное влияние на изменение системы диагностики и оценки учебных достижений обучающихся», отмечает томский педагог Н. Н. Абакумова [1. С. 3].

Также компетентностное обучение в российской образовательной практике осуществляется через формирование деятельностных компетенций: способность к профессиональному самоопределению; умение анализировать и планировать собственную деятельность; повышение умения аргументации собственной позиции и другое.

Профессиональные компетенции автор рассматривает как образовательный результат, к которому студенты могут приблизиться после изучения курса «История политических учений», в рамках которого мы проводили семинарские занятия, реализуя разработку формы организации исследовательской работы студентов при помощи метода «case-study». Вместе с тем, уточняет профессор ТГУ И.Ю. Малкова, «обучение проектированию не является особым предметом и осуществляется стихийно, в образовательной практике отдельных преподавателей и педагогов» [1. С. 186]. На наш взгляд, воспользовавшись методом «case-study» на проводимых у первого курса семинарах для развития исследовательских компетенций субъектов политического образования, в данном случае студентов, это и явилось элементом проектирования, предложенным стихийно, когда студенты были погружены в другую реальность, перед ними возникли новые задачи, которые успешно удалось разрешить.

2. Значение и роль политического образования сегодня. Немецкий мыслитель XX столетия К. Ясперс писал еще в середине прошлого века, что будущее будет полностью зависеть от политической и педагогической деятельности. Процесс развития политического образования в XXI в. продолжается и характеризуется, на наш взгляд, академическим и прикладным аспектами. Мы поднимаем вопрос актуальности политического образования, полагает российский ученый А. И. Щербинин, когда говорим о способах передачи политических знаний, гражданских навыков, как важной составной части собственно политического процесса [5. С. 2]. Для совершения и развития последнего, функционирует академическая дисциплина «Политология», обеспечивая студентам политическое образование, формируя у них картину политического мира в целом.

Во-вторых, затрагивая практическую сторону нашего вопроса, современный британский мыслитель М. Оукшот считает, что объектом политического образования является политическая деятельность [3. С. 197], изучением и пониманием которой занимаются современные студенты-политологи.

Политика сегодня требует знаний, а политическую деятельность, как любую другую, необходимо изучать. Следовательно, «имеет смысл исследовать данный вид знаний и сделать необходимые выводы о природе политического образования» [3. С. 199], ведь понимать деятельность – значит знать ее как конкретное целое, значит понимать эту деятельность как имеющую источник своего движения внутри себя самой, продолжает Оукшот.

Политика – тесно связана с историей. Большинство ученых, в частности Оукшот, считает, что на академическом уровне изучение политики должно быть изучением истории, потому что нам необходимы конкретные детали, одной из которых является политическая традиция – «ключ к подлинному пониманию смысла происходящего сегодня. Именно поэтому настоящее историческое ис-

следование – неотъемлемая часть политического образования» [3. С. 212] (В рамках нашей педагогической практики занимались применением метода «case-study» в курсе изучения истории политических учений. – *М.Ш.*).

Политическая жизнь сегодня протекает довольно динамично, и логика ее обустройства диктует смыслообразующую задачу для российской политологии: «привлечь внимание политиков и простых граждан к проблемам политической дидактики, влияния политической социализации на политический процесс, значению политического образования как специфического средства идентификации личности в меняющемся политическом мире» [5. С. 5]. Поэтому перед университетским образованием, особенно вузами исследовательского характера, сегодня стоит важная задача: научить студентов работать над развитием исследовательских компетенций для эффективного решения профессиональных задач. А конкретно, переходя к плодам политического образования, это есть наши высказывания и мысли о политике, то, как мы говорим и думаем о ней, и, может быть, то, как мы осуществляем нашу политическую деятельность [3. С. 214]. Развитие практики мышления – одна из ключевых целей университетского образования в целом, и политического в частности. Оукшот так обозначил «подлинные цели» политической науки: «изучить моральные проблемы человечества с целью установить принципы коллективной морали», сформулировать “принципы, которые должны вдохновлять политическую организацию и ее деятельность”, “пролить свет на политические идеи и политические действия для того, чтобы улучшить управление людьми”, “пролить некоторый свет на великие проблемы нашего времени, такие как проблема недопущения войны, упрочения мира и безопасности в мире, распространения свободы, помощи в развитии отсталых стран, предотвращения эксплуатации их населения; использования правительства для повышения стандарта жизни и способствования процветанию, добиться, чтобы социальные службы боролись с невежеством, нищетой, нуждой и болезнями, чтобы в общем и целом увеличивалось благосостояние, счастье и достоинство человечества”, “чтобы разрешать проблемы политики и управления, которые стоят перед человечеством”, “чтобы бороться с болезнями и конфликтами и предотвращать напряжение в обществе”, “чтобы показать народам, как достичь мира и безопасности”». А цель преподавания этой науки – «дать студенту средства, чтобы понимать важнейшие политические события современности», для того чтобы «эффективно участвовать в политической дискуссии, лучше ориентироваться в важных вопросах политики, противостоять лести демагогов, лжи диктаторов, обещаниям обманщиков; уметь отличить пропаганду от правды, использовать критическую информацию, касающуюся деятельности властей, владеть критериями, по которым следует оценивать деятельность правительства» и предоставлять избирателю возможность реального управления страной, без чего «не может эффективно работать демократия» [4. С. 233–234]. И студенты нигде, кроме университета, не имеют таких благоприятных шансов понять, что значит мыслить политически, исторически или философски [4. С. 228].

Кроме того, у молодого поколения студентов во время обучения формируется их гражданская позиция, продолжается процесс социализации в целом, и политической социализации в частности, в теории и на практике: освоение студентами элементов политической теории, плюс практическое участие их в полити-

ке/общественных видах деятельности. И здесь политическое образование играет свою главную роль, формируя политическое сознание студентов, умение их и способность осуществлять свой политический выбор, под чем подразумеваем принятие непосредственного участия, например, в президентских выборах/за их наблюдением, и, переходя далее на более «высшую» и профессиональную ступень, т. е. выбора политической силы/коалиции/депутата, сторонником и помощником которых окончивший высшее образование студент-политолог пожелает стать.

3. *Метод «case-study» для субъектов политического образования.* Переходя к пути достижения выше обозначенного, к способу и методу, который хотели бы применить для того, чтобы научить политическому образованию, он называется «case-study», или метод конкретных ситуаций – метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач (решение кейсов) [2]. Подобная техника обучения использует описание исторических и реальных политических ситуаций, когда совместными усилиями группы студентов совершается анализ случая, возникающего при конкретном положении дел, происходит его разбор, а также понимание сути проблемы, выработываются и предлагаются возможные решения; окончание процесса – оценка предложенных алгоритмов и выбор лучшего в контексте поставленной проблемы.

Метод «case-study», как исследовательский, используется в обучении разными науками, более за рубежом. Впервые он был применен в учебном процессе в школе права Гарвардского университета в 1870 г.; внедрение этого метода в Гарвардской школе бизнеса началось в 1920 году. Первые подборки кейсов были опубликованы в 1925 г. в отчетах Гарвардского университета о бизнесе [2].

В настоящее время «case-study» признается эффективным способом обучения студентов навыкам решения, в т.ч. учебных/академических проблем. «Case-studies» – учебные конкретные ситуации специально разрабатываемые на основе фактического материала с целью последующего разбора на учебных занятиях. В ходе разбора ситуаций обучающиеся учатся действовать в команде, проводить анализ и принимать решения для устранения проблемы.

Идеи метода «case-study» достаточно просты:

1) метод предназначен для улучшения и повышения ориентации обучающихся студентов «в теме»/проблеме;

2) акцент обучения переносится не на овладение готовым знанием, а на его выработку, на сотворчество студента и преподавателя; отсюда принципиальное отличие метода «case-study» от традиционных методик – демократия в процессе получения знания, когда студент по сути дела равноправен с другими студентами и преподавателем в процессе обсуждения проблемы [2];

3) технология метода такова: разрабатывается модель конкретной ситуации, произошедшей, в нашем случае, в теории, отражается тот комплекс знаний и практических навыков, которые студентам нужно получить; при этом преподаватель выступает в роли ведущего, генерирующего вопросы, фиксирующего ответы, поддерживающего дискуссию, т. е. в роли диспетчера процесса сотворчества [2];

4) достоинством метода «case-study» является не только получение знаний и формирование практических навыков, но и развитие системы ценностей студен-

тов, их профессиональных позиций, жизненных установок, своеобразного профессионального мироощущения и миропреобразования [2];

5) с помощью использования метода ситуационного анализа преодолевается классический дефект традиционного обучения, связанный с «сухостью», неэмоциональностью изложения материала – эмоций, творческой конкуренции и даже борьбы в этом методе так много, что хорошо организованное обсуждение кейса напоминает театральный спектакль [2].

Метод «case-study» признается интерактивным методом обучения, способным вызвать у студентов позитивное отношение к учебе, обеспечивая освоение теоретических положений и овладение практическим использованием материала; он воздействует на профессионализацию студентов, способствует их взрослению, формирует интерес и позитивную мотивацию по отношению к учебе. Одновременно метод «case-study» выступает и как образ мышления преподавателя, его особая парадигма, позволяющая по-иному думать и действовать, обновлять свой творческий потенциал.

Итак, недавно, в рамках педагогической практики автору удалось применить данный метод во время проведения семинарских занятий у студентов-политологов первого года обучения по курсу «История политических учений» с той целью, что ситуационное обучение способно погрузить студентов в иную среду, отвлечь их сознание, абстрагироваться и войти в мир иной. Обучающимся было предложено работать в команде; при помощи операции «мозгового штурма» студенты быстро набрасывали понятия и идеи политической теории определенного мыслителя, проводили анализ и предлагали вариант/варианты разрешения учебной проблемы.

Для закрепления теоретического материала, одних из важных аспектов его, перед студентами группы стояла еще одна задача по кейсу – наглядное его изображение на учебной доске, что не один раз в ходе семинарских занятий вызывало у обучающихся вопросы и удивление, но выполняли с удовольствием.

Что касается обсуждения проблем и поиска путей их решения в рамках проведенных семинаров, то в аудитории проходили активные обсуждения, порой студенты не желали соглашаться друг с другом, придерживались самых разных точек зрения по теории/идее мыслителя, тем не менее, вопросы, которые поднимались, нам удалось разрешить в конструктивном ключе.

Таким образом, считаем, что метод «case-study» сегодня необходимо использовать на практических учебных занятиях/семинарах по политическому образованию, как метод, который способен сформировать исследовательские компетенции у субъектов политического образования, преподавателей и студентов, объединив их в совместной работе, в сотворчестве при разрешении учебных проблем: студентов – как обучающихся разрешению подобных разновидностей проблем, преподавателей – как направляющих это разрешение, а также, как авторов-составителей учебных кейсов для студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова Н. Н., Малкова И. Ю.* Компетентностный подход в образовании: организации и диагностика. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – 368 с.

2. *Метод кейсов (case study)* [Электронный ресурс] // URL: <http://evolkov.net/case/case.study.html> (дата обращения: 13.03.2013).
3. *Оукиот М.* Политическое образование // Он же. Рационализм в политике и другие статьи. Перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 197–217.
4. *Оукиот М.* Преподавание в университете предмета политики : очерк об уместности // Рационализм в политике и другие статьи. Перевод с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 218–244.
5. *Щербинин А. И.* Политическое образование : учебное пособие. – М.: Весь Мир, 2005. – 283 с.

ТОМСК – УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРОД: БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ?

А. В. Штанакова

Научный руководитель: д.п.н. Н. Г. Щербинина

Томский государственный университет

С конца XIX века Томск ведет историю университетов. Обладая такой богатой историей, томские высшие учебные заведения позиционируют себя как лидеры в научно-исследовательской деятельности среди всех университетов Сибири, Дальнего Востока и стремятся к конкуренции на равных с вузами Москвы и Санкт-Петербурга, а также мировыми образовательными центрами. Все это дает нам основание говорить о сложившейся фундаментальной научной истории и традициях, а также о становлении статуса «университетского города».

Понятие «университетский город» не является нормативным и строго научной дефиницией, ни в нормативно-правовых актах, ни в научной литературе нет его фиксированного объяснения. Однако в наши дни данное словосочетание все чаще употребляемо, поскольку его использование свидетельствует об особой и уникальной роли, которую играли и продолжают играть университеты в жизни города и общества в целом.

Что же такое «университетский город»? В чем его отличие от обычного города? Среди тех немногих исследователей, занимающихся генезисом «университетских городов», выделяется две точки зрения на определение статуса университетского города: первая – «город становится университетским только в особых условиях, когда появляется потребность в конкретных научных знаниях и уже есть опыт преподавания, ширится круг тех, кто хочет учиться, только тогда эта сфера деятельности для конкретного города может стать определяющей» [1. С. 109]; вторая – город становится университетским с момента образования университета в виду того, что происходит формирование культурных очагов, нового ритма жизни и пространства культурных событий. На наш взгляд, первая позиция является наиболее органичной для отражения формирования истоков Томска как университетского города до современного этапа. О том, что сегодня Томск, безусловно, относится к числу университетских городов, свидетельствуют следующие факторы:

1. Исторический. ТГУ – это первое учебное заведение императорского типа за Уралом, на территории Сибири и отчасти на территории Дальнего Востока. И именно ТГУ является «ядром научно-образовательного пространства университетского города и региона...» [1. С. 111]. К тому же научно-образовательный комплекс для Томска является градообразующим.

2. Количественно-качественный. В Томске сформирована мощная научно-образовательная база: на территории города сосредоточено шесть высших учебных заведений, из них два национальных исследовательских, одиннадцать НИИ, Томский научный центр СО РАН, Томский научный центр СО РАМН, сформирован наукоемкий бизнес. На 250 тысяч населения приходится 50 тысяч студентов, таким образом, каждый пятый житель – студент.

3. Инновационный. Вокруг томских университетов формируется «инновационный пояс» – предприятия «новой экономики». Вот уже пятнадцать лет Томск – авторитетная площадка для инновационного форума с международным уча-

ствием INNOVUS. В этой области Томск был одним из самых первых регионов РФ.

Однако при наличии очевидного потенциала, о нем не заявляют должным образом. В российских рейтингах томские университеты не занимают лидирующие позиции, а в мировых не представлены вовсе. К российским рейтингам можно отнести:

1. Специальный проект ИА Интерфакс: формирует рейтинги ВУЗов с 2009 года;

2. В 2012 году было образовано рейтинговое агентство «Эксперт РА».

Исходя из полученных результатов проведенного мониторинга среди отечественных организаций, занимающихся формированием рейтингов университетов, можно констатировать факт отсталости и «недоотягивания», особенно за 2012 год, ТГУ до желаемого результата (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты мониторинга среди отечественных организаций, занимающихся формированием рейтингов университетов

	2009	2010	2011	2012
ИА «Интерфакс»	1.МГУ 2.СПбГУ 3.МФТИ 4.РУДН 5.РГПУ им. А.И.Герцена 6.НГУ 7.ТГУ	1.МГУ 2.МФТИ 3.СПбГУ 4.РУДН 5.НГУ 6.ТГУ	1.МГУ 2.МФТИ 3.МГТУ им. Н.Э.Баумана 4.РУДН 5.НГУ 6.ЮжФУ 7.ТГУ	
Forbes		1.МФТИ 2.МГИМО 3.МАРХИ 4.ВШЭ 5.ФУ при Правительстве РФ 6.МГУ		
«Эксперт РА»				1.МГУ 2.МГТУ им. Н.Э.Баумана 3.СПбГУ 4.МФТИ 5.ВШЭ 6.МЭИ 7.МИФИ 8.ТПУ 15.ТГУ

ИА «Интерфакс» составляет также и частный рейтинг «Бренд вуза», в методологию которого входит: возраст вуза; миссия вуза, стратегии развития;

успешность выпускников вуза, достижения вуза в процессе селекции элит национального и международного уровней; общественное мнение (см. табл.2).

Таблица 2

Частный рейтинг «Бренд вуза»

2009		2010		2011	
1	МГУ	1	МГУ	1	МГУ
2	СПбГУ	2	СПбГУ	2	НГУ
3	МФТИ	3	МФТИ	3	ГУ им. И.М.Губкина
4-5	ТГУ и Казанский ГУ им. В.И. Ульянова- Ленина	4	МИФИ	4-5	РУДН
		5	ВШЭ	4-5	ТГУ
		7-8	ТГУ и ЮФУ		

Исследовательской группой из Испании «Laboratorio de Internet» формируется международный рейтинг университетских веб-сайтов «Вебометрикс» (Webometrics), список рейтинга формируется на основе оценивания качества вузовского веб-сайта, который отражает образовательные и научные достижения вуза (см. табл. 3).

Таблица 3

Международный рейтинг университетских веб-сайтов «Вебометрикс» (Webometrics)

1	Гарвардский университет	5	Пенсильванский университет
2	Стэнфордский университет	79	МГУ
3	Массачусетский технологический институт	446	СПбГУ
4	Мичиганский университет	536	Томский госуниверситет

В данной связи встает проблема позиционирования города именно как университетского не только в масштабе страны, но и далеко за ее пределами. Ни для кого не секрет, что такие университеты, как Оксфорд, Кембридж, Болонский, Йельский и т. д., расположены не в крупных мегаполисах, а небольших городах, которые являются компактными, уютными и комфортными для проживания как коренного населения, так и для приезжих студентов. И известность у них мирового масштаба. Они не только входят, но и лидируют в мировых рейтингах университетов.

За более чем четырехсотлетнюю историю существования ведущих мировых университетов выработаны традиции, сильные научные школы, всемирно известные имена ученых, заданы мировые стандарты высшего образования. На базе всего этого были сформированы бренды ведущих вузов мира, которые эффективны, узнаваемы и потребляемы.

Тогда как Томску, насчитывающему 135-летнюю историю высшего образования, необходимо выработать эффективную стратегию позиционирования, поскольку успех мировых университетов обусловлен специальным комплексом мероприятий направленных на позиционирование и создание *эффективного* узнаваемого бренда.

В качестве одной из основных частей общей стратегии позиционирования Томска как университетского города со своей стороны мы предлагаем использовать следующую позицию – имена ученых томской научной школы как бренд. Томская наука формировалась усилиями ученых, вносящих значительный вклад в развитие научно-исследовательской деятельности нашего региона, России и мира в целом. К числу таких ученых относятся И. Л. Бухбиндер, Н. Н. Семенов, Э. В. Денисов, В. П. Тарасенко и т. д.

Их имена как визитная карточка университетов, проецируют символический универсум. Бренд, как коммуникативный продукт, является результатом конструирования посредством символов, которые представляют собой содержание коммуникативного пространства, где происходит обмен символическими значениями.

Бренд не существует без символа, следовательно, университетский город только в том случае может претендовать на статус легитимного бренда, когда имеет свой символический универсум, ассоциирующийся с ценностями людей, проживающих на данной территории.

Бренд создается, опираясь на миф, который является одним из типов концептуального механизма интеграции. Мифология бренда (в рамках социального конструктивизма) включает следующие элементы: традиции, обычаи, нравы, архетипы. Опора на миф в процессе «брендинга» позволяет интегрировать идею бренда и имеющиеся характеристики территории: историю, традиции, инновации.

В качестве примера подобного рода мифа, интегрирующего население Томска вокруг университетов, является тот факт, что это первые учебные заведения императорского типа в Сибири. Данное обстоятельство является предметом неоспоримой гордости как академического сообщества, так и жителей томского региона.

Позиционирование университетского города посредством имен ученых можно рассматривать как формирование некой новой реальности. Позиционирование – управляемый процесс, поскольку мы задаем и программируем те чувства, представления и образы, которые возникают у человека в процессе восприятия бренда. Индивидуальность имен усиливает уникальность бренда. Бренд, проникая в сознание, предопределяет поведение.

Сконструированный бренд, содержащий в себе имена, – символы томской науки – нуждается в том, чтобы в процессе коммуникации ему был присвоен легитимный статус общепризнанного и узнаваемого символического универсума. Инструментом в этом процессе выступает информационно-

коммуникационные системы. Они позволяют конструировать символы и трансформировать их в объективно существующие компоненты повседневной реальности, а также создать смысловые зоны, совокупность которых в процессе легитимации образует единый смысловой мир.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется еще раз подчеркнуть, что своими рассуждениями мы хотели насколько это возможно показать, что есть потребность и возможность для разработки и реализации стратегии позиционирования эффективного бренда Томска как университетского города не только на локальном уровне, но и мировом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляхович Е. С., Ревушкин А. С.* Академический университет и провинциальный российский город. // Сибирь, философия, образование. Альманах-приложение к журналу «Образование в Сибири». – 1998. – №2. – С. 104–112.
2. *Национальный рейтинг университетов* [Электронный ресурс] // Специальный проект ИА «Интерфакс». URL: <http://www.univer-rating.ru/> (дата обращения: 18.04.2013).
3. *Национальный рейтинг университетов* [Электронный ресурс] // Специальный проект ИА «Интерфакс». URL: <http://unirating.ru/txt.asp?rbr=38>. (дата обращения: 18.04.2013).
4. *Национальный рейтинг университетов* [Электронный ресурс] // Специальный проект ИА «Интерфакс». URL: http://www.univer-rating.ru/ftproot/files/brand_2009.pdf (дата обращения: 18.04.2013).
5. *Национальный рейтинг университетов* [Электронный ресурс] // Специальный проект ИА «Интерфакс». URL: http://www.univer-rating.ru/ftproot/files/brand_2010.pdf (дата обращения: 18.04.2013).
6. *Рейтинг ВУЗов России, 2012* [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». URL: <http://raexpert.ru/rankings/vuz/> (дата обращения: 18.04.2013).
7. *Рейтинг: самые сильные университеты России* [Электронный ресурс] // Рейтинги Форбс. URL: <http://www.forbes.ru/rating/luchshie-universitety-rossii-novyi-reiting-forbes/2010> (дата обращения: 18.04.2013).
8. *Рейтинг со звездами* [Электронный ресурс] // Российская газета: Экономика Северо-Запада. 2013. № 6006 от 13 февраля. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/13/vuzy.html> (дата обращения: 18.04.2013).

СОЦИОЛОГИЯ**СМЫСЛОВОЙ ДИССОНАНС ЗНАЧЕНИЙ ПРАЗДНИКОВ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГОРОЖАН (НА ПРИМЕРЕ Г. ТОМСКА)**

Е. С. Волкова

Научный руководитель: к.ф.н. С. В. Пирогов
Томский государственный университет

В истории России, да и мировой культуры в целом, изучение праздников занимает свою нишу. С помощью этого возможно не только изучить искусство и быт общества, его духовную и материальную культуру, но и социальные связи взятого во внимание социума. Праздник – всеобщее социокультурное явление [8]. Городские праздники имеют свою специфику, притом, что их социальные функции практически идентичны празднику в целом, они имеют особую ярко выраженную интегративную функцию и значение для горожан. В жизни города такой праздник играет немаловажную роль, а иначе бы он не проводился ежегодно или несколько раз в год. Городской праздник со своими атрибутами является традицией в жизни городского сообщества. Праздник одного города отличается от праздника другого города, в этом смысле он носит даже индивидуальный характер.

Несмотря на традиционность и соблюдение каких-либо ритуалов, городской праздник, как и любой другой, изменяется со временем, отражая изменения в социокультурной жизни общества, в котором он существует. На данный момент российское общество находится в процессе изменения. Старые советские традиции практически ушли, новые еще только начинают появляться. Современный праздничный календарь также претерпел изменения. Что эти изменения значат сейчас, для членов данного общества, является предметом исследования.

Во время городского празднования проявляются всевозможные социальные связи: между горожанами, между социальными классами, между властью и народом. Праздничный день обладает особенностью, в этот день городское общество ощущает себя единым, принадлежащим к своему городу.

В современном российском обществе наблюдается процесс становления новых социокультурных традиций, новых значений и смыслов, в том числе и городских праздников. Происходит это на фоне ослабления или изменения значений старых праздников советского времени. Устраивая массовое зрелище и веселье, тратя на это бюджет и усилия организаторов, администрация в первую очередь преследует цель интеграции горожан, установления определенного диалога между властью и населением. Насколько успешно реализуется эта задача – предмет специальных исследований. Суть проблемы в том, что старые праздники уходят, а значения и смыслы новых только формируются и неясны для части горожан. «Каковы они?» – вот основной вопрос данной темы.

Общность значений городских праздников для горожан позволяет повысить уровень сплоченности городского сообщества; развитие городских праздников

способствует формированию единого городского сообщества, а также диалогу между населением и властью города. Именно через такого рода мероприятия устанавливается диалог между всеми участниками городской среды. Это один из инструментов создания единого городского сообщества.

Но в современном социуме можно наблюдать смысловой разрыв между организаторами городских праздников (властью города) и непосредственными участниками празднований (населением города) [2].

На данный момент нет общих значений городских праздников, как, например, в советский период, смысл праздника размыт в представлениях горожан. Нередко горожане затрудняются определить – как они относятся к тому, или иному празднику, имеет ли он вообще для них смысл. Это свидетельствует об отсутствии единого городского сообщества в ценностно-мировоззренческом плане. С помощью полустандартизованного интервью с горожанами была совершена попытка проверить это предположение. В качестве примера выступали жители города Томска и их представление о значимости городских праздников.

В первую очередь, хотелось бы отметить эмоциональное настроение информантов при разговоре о городских праздниках. Условно можно разделить на две реакции: первые говорили с легкостью и открытостью, а вторые говорили более сдержанно и даже равнодушно. Самыми равнодушными к этой теме оказались некоторые молодые люди, которые не только неохотно рассуждали на тему городских праздников, но и высказывались о нецелесообразности проведения этих мероприятий.

Почти все информанты упоминали о зрелище, которое устраивается на городских праздниках, концерты с местной и не только самодеятельностью, конкурсы, шествия, парады, и конечно, фейерверк. Но, однозначной оценки относительно него не было. Некоторые сообщили, что посещают городские празднования именно ради представления или салюта в конце, а некоторые не отметили никакой заинтересованности в устраиваемых событиях. Праздник без зрелища – не праздник, пишет Гурин [3]. Это важный элемент празднований. Этот элемент тоже обладает определенным смыслом. Наверное, не всегда этот смысл понятен людям, но все же они ходят и смотрят его, многие ожидают его.

В более зрелом поколении наблюдается большая осмысленность целей городских мероприятий, чем у молодежи, они более положительно настроены на традиции празднований. Нельзя не связать этот настрой с личным опытом и памятью о советских праздниках, которые без исключения оставляли положительные эмоции у людей. Знание целей, знание идеи празднований тогда, так или иначе продолжается в сознании людей сейчас.

Городской праздник – это сбор массы людей, обычно в одном, организованном месте. Ощущение массовости, толпы отмечают информанты. Подчеркивают особое значение этого чувства нахождения со всеми в одном месте. Иногда именно это чувство и побуждает пойти людей на праздничную площадь. Где, как не в толпе, чувствуется единение духа, общность целей.

Очень важным было замечание многих информантов по поводу чувства сплочения и единства горожан на праздничных мероприятиях. Здесь, опять же, наблюдается полярность мнений. Можно выделить молодых людей, которые говорили, что такие праздники должны реализовывать цель единения и сплочения, но не достигают ее. Другие информанты, утверждали, что праздники спо-

собствуют единению горожан, но, в то же время, свою причастность к городу в такой день они не ощущают. Третьи положительно отвечали и на то, и на другое. Также остались те, кто затруднился ответить, какую роль в этом играют городские праздники.

Из-за того, что не так давно жители города существовали в другом государстве, в их рассказе о городских праздниках присутствуют отголоски прошлого. Их впечатления о новых городских праздниках разбавляется сравнением их со старыми, праздниками советского периода. Не секрет, что они характеризовались в первую очередь идеологией. Это делало понятными их смысл и важность для каждого. В какой-то степени люди, живущие в современном российском обществе скучают по прошлому, т. к. не находят новых смыслов. В какой-то мере их ностальгия связана с особым общением во времена тех городских мероприятий, которое утеряно ныне. Что же касается молодого поколения, то некоторые информанты указали на отсутствие единения городского духа как у себя, так и у жителей города в целом, по их мнению. Другие же, наоборот, отметили чувство сопричастности к городу в момент праздника, особенно, если принимая непосредственное участие в представлении, демонстрации, шествии и т. д.

При сравнении советских демонстраций с современными городскими праздниками в целом было выявлено два мнения. Одни подчеркивали отсутствие веселья и духа единства в современных праздниках, а также отсутствие понимания значения некоторых праздников, таких как 4 ноября – День народного единства, 12 июня – День России, даже по поводу 1 мая появились сомнения, чему сейчас посвящен этот праздник.

Можно отметить отсутствие традиций формы празднований этих дат, это могут быть спортивные соревнования, музыкальный концерт или доклады администрации, иногда отсутствует постоянная дата праздника, как у Карнавала. Нестойчивая форма праздника – одна из причин неуклада в сознании людей, чему посвящены эти мероприятия. Если говорить о новых традициях празднований, то тут очень важна простота и повторяемость формы, в которую выливается праздник, чем понятней и привычней форма, тем быстрее люди привыкают к ней, и в последующем начинают сами воспроизводить (как фейерверк на Новый год, а в последнее время на свадьбах и выпускных).

Особенным моментом для информантов явился праздник Победы 9 мая. Этот день они отмечали как нечто непоколебимое, обладающее особой, высокой степенью патриотизма и уважения к своим предкам. Не раз в теме про 9 мая информанты прибавляли такую характеристику как «это святое». Также акцентировалось внимание на величии этого праздника не в городе, а в стране в целом. Этот день обладает силой объединения не только жителей города, а жителей всей страны и не только.

Среди недовольств и пожеланий информантов по данной теме особенно интересным оказались замечания по поводу организации и формы таких мероприятий. Те, кто задумываются об этом, видят непродуманность и недоработанность организации. Кто-то видит в моментах технических и пространственных, а кто-то в логике проведения, начале и завершении мероприятия.

Многие информанты осознают функциональную значимость городских праздников, это подтверждалось ответами на вопрос об их значимости. Они понимают и говорят о том, что праздники такого формата призваны сплавлять

горожан, создавать атмосферу непринужденного, неформального, межличностного общения между всеми, кто пришел. Почти в каждом интервью чувствовалось какое-то ожидание, наверное, ожидание развития праздников не только в культурном, но и социальном, смысловом ракурсе.

Таким образом, можно заключить, что современные городские праздники не в полной мере осуществляют свои главные функции коммуникации и интеграции. По откликам информантов, далеко не все они ощущают проявление этих функций, а те, кто ощущают, все равно считают, что проявление этих функций недостаточно полно, особенно по сравнению с ушедшими в прошлое советскими официальными праздниками.

Мотивация нахождения горожан на организованной площади по поводу городского празднования разнообразна, не имеет общего стержня, общей цели. Единственным праздником, отличающимся единой целью, единым смыслом для всех информантов, является праздник Победы 9 мая. В нем есть все то, что необходимо для настоящего праздника, в нем есть прочная связь поколений, а главное – он есть внутри каждого жителя не только города, но и страны и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ванченко Т. П.* Смысловая основа массового праздника [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии: электронное научное издание. 2008. № 1(10). URL: http://analiculturolog.ru/archive/item/522-article_4.html (дата обращения: 19.05.13)
2. *Глазычев В. Л.* Программа развития городского сообщества: лекция [Электронный ресурс] // Сайт В. Л. Глазычева. Избранные лекции по муниципальной политике. Лекция 3. URL: http://www.glazychev.ru/courses/mp/mp_03.htm (дата обращения: 19.05.13)
3. *Гурин С. П.* Маргинальная антропология [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml> (дата обращения: 19.05.13)
4. *Жигульский К.* Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога: – М.: Прогресс, 1985. – 335 с.
5. *Кац И. М.* Праздники // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – Т.13. – 324 с.
6. *Лавриненко Е. В.* Тенденции развития праздников в современном российском городе // Рубикон. – 1999. – № 1. – 214 с.
7. *Литвинова М. В.* Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. – Белгород: ИПУ «Политерра», 2001. – 156 с.
8. *Орлов О. Л.* Российский праздник как феномен культуры // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. – 2007. – №1. – С. 54–67.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ РАБОТНИКИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

В. С. Жаворонков

Научный руководитель: к.с.н. М. Е. Макеева
*Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета*

Сегодня можно часто слышать упоминания о российском среднем классе. При этом говорящие о нем делятся в целом на два больших лагеря. Первые сетуют на то, что средний класс все никак не появится, и усматривают в этом трагедию реформенной России. Вторые утверждают, что средний класс уже сформировался, но мы пока просто не знаем его границ и «штатного состава».

Поэтому считается, что на данный момент облик среднего класса не определен. Также остро стоит вопрос о критериях выделения данного класса в РФ и, вообще, существовании его как такового. От наличия и состава среднего класса зависит как развитие страны, так и стабильность общества в целом. Поэтому из всего вышесказанного следует актуальность данной работы.

В настоящее время наблюдается серьезное противоречие, связанное с мнением о том, что представляет собой современный средний класс в России. Выделенное противоречие определило проблему исследования, которую можно сформулировать в следующем виде: *какая социальная группа является основой среднего класса в России на современном этапе развития?*

Цель данной работы: выявить социальную группу, являющуюся основой современного среднего класса в России.

Гипотеза: работники информационно-коммуникационной сферы – формирующаяся основа современного российского среднего класса.

Данная гипотеза была выдвинута на основе анализа работ О. Шкаратана [3], исследующего информационно-коммуникационных работников как наиболее динамично и перспективно развивающуюся социальную общность.

Новизна подхода состоит в том, что «новым» средним классом являются информационно-коммуникационные работники, которые в результате развития соответствующих отраслей займут большую долю общего рынка труда, станут той многочисленной основой «нового» среднего класса в российском обществе, которую пытаются создать уже многие годы.

Результаты настоящего исследования структуры среднего класса города Новокузнецка дают веские основания сформулировать несколько обобщений и выводов.

Во-первых, было проинтерпретировано понятие «средний класс» и выявлено, что в современной социологической мысли не имеется однозначно принятых и точно сформулированных критериев выделения среднего класса как такового. Поэтому изучение структуры среднего класса предполагает выбор одного или нескольких его критериев, подходящих под определенные социокультурные условия той или страны.

Во-вторых, плюрализм в подходах к изучению данной проблемы усиливается благодаря многообразию различных теорий среднего класса, рассматривающих его под разными углами.

Что касается функций данной социальной общности, то они не оканчиваются лишь на поддержании стабильности. С точки зрения имеющихся функций, средний класс – это одновременно хранитель существующего порядка и его преобразователь, новатор,двигающий общество по пути эволюционного развития.

Изучение структуры среднего класса в России сталкивается с методологическими и методическими проблемами, связанными с относительной «молодостью» российской социологии и ее теоретической базы. Возникает проблема самого существования данной социальной группы в российском обществе. К основным признакам среднего класса в российской социологической мысли относят: доход, образование, стиль потребления, собственность, определенный характер работы, культурные запросы и самоидентификацию.

Структура среднего класса в нашей стране также расплывчата и неоднородна. «Старый» средний класс в том понимании, в котором он принят в науке, в РФ не сформировался и уже не будет сформирован. Наиболее реальной перспективой считается формирование «нового» среднего класса, состоящего из информационно-коммуникационных работников. Чтобы подтвердить данную гипотезу, было проведено эмпирическое исследование, по результатам которого и информационные работники не являются средним классом во всей широте понимания этого понятия.

Не вызывает сомнения тот факт, что для проверки данной гипотезы необходим комплексный подход, состоящий из теоретического анализа имеющейся литературы по указанной проблеме и проведения эмпирического исследования методом анкетирования. Выбор метода обусловлен учетом опыта предыдущих исследований, а также необходимостью охватить широкую массу представителей информационно-коммуникационной сферы. Выборка исследования целевая, проводимая методом «снежного кома» числом 90 человек. Это связано с тем, что точное определение генеральной совокупности довольно проблематично из-за недостатка статистики и предыдущих исследований по данной проблеме, поэтому вполне рационально использовать указанный метод, позволяющий провести разведывательное исследование, которое даст предварительную информацию как о характеристиках изучаемой социальной группы, так и о ее приблизительном количественном составе в городе Новокузнецке.

Гипотеза подтвердилась частично. Во-первых, был показан низкий результат принадлежности информационно-коммуникационных работников по такому важному критерию как уровень дохода, который, в конечном счете, детерминирует другие признаки, такие как стиль жизни и уровень потребления, уровень владения капиталом. По второстепенным критериям результаты оказались более высокими. Это наводит на мысль не о среднем классе, а о среднем потребительском слое. Имеется лишь «внешняя» статусная оболочка, представленная потребительскими установками и стилем жизни. Однако даже последний признак находится в переходной стадии. Исследуемые информационные работники сочетали в себе и элементы стиля жизни среднего класса, и тех социальных общностей, из которых они вышли. «Внутреннее» содержание информационных работников как среднего класса довольно абстрактное. Отсутствие сформированной системы классовых ценностей, которая заявляла бы о становлении информационно-коммуникационных специалистов как активного социального субъекта, готового отстаивать свои права, как и положено среднему

классу. Не сформирована классовая самоидентификация, большинство респондентов находятся в состоянии неопределенности. Не стоит также сбрасывать со счетов фактор проживания и трудовой деятельности в городе Новокузнецке с его промышленностью, неориентированной на информационные технологии, что откладывает свой отпечаток на облик рассматриваемой социальной группы.

Только уровень образования у информационных работников без сомнений соответствует параметрам среднего класса. Положительным фактом это является еще и потому, что при помощи образования, профессиональных навыков и произошло выделение «нового» среднего класса, каким его описывают на сегодняшний день. Информационно-коммуникационные работники имеют хороший потенциал в виде образовательного капитала и серьезные амбиции для преобразования себя в средний слой. Но на сегодняшний момент информационные специалисты не способны выполнять большинство социальных функций, приписываемых среднему классу, поэтому необходимо еще раз подчеркнуть факт, что информационно-коммуникационные работники не являются целостно сформированным, функционирующим и социально активным средним классом.

Возможно, некоторые рассмотренные аспекты заявленной в работе проблемы помогут лучше осознать необходимость преобразований не только социальной структуры, но и отношения к жизни отдельных индивидов, поворота от статусного потребления к статусной активности. Что приведет к появлению не богатых и не бедных, не пассивных и не истеричных, а вполне самодостаточных граждан, на которых держатся благосостояние, самоуважение и стабильность страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Симонян Р.* Средний класс: социальный мираж или реальность? // Социологические исследования. – 2009. – №1. – С. 60.
2. *Тихонова Н. Е.* Критерии выделения и определения численности среднего класса в современном российском обществе // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад. – М., 2006. – С. 7–19
3. *Шкаратан О.* Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. – 2008. – №1. – С. 5–27.

МЕСТО СЕМЬИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ЖЕНЩИН

Е. А. Иванова

Научный руководитель: М. О. Абрамова
Томский государственный университет

В наше время для обеспечения достойного существования семьи зачастую оба супруга должны быть включены в систему оплачиваемого труда. Кроме того, женщины часто предпочитают обладать некоторой независимостью, в том числе от своих супругов, у них есть желание реализовывать себя в каких-либо интересующих их сферах. И поэтому нередко можно встретить девушек и женщин, нацеленных на построение карьеры. Можно закономерно предположить, что приоритеты у таких представительниц женского пола расставлены несколько иначе, чем у тех женщин, которые как в традиционном типе семьи ставят работу и карьеру далеко не на первый план, а могут и вовсе отказаться от этого. Однако по результатам многих исследований можно увидеть, что для россиян семья остается важнейшей ценностью наряду с такими ценностями, как здоровье, наличие детей и материальное благополучие [0]. Следовательно, для того чтобы женщина могла реализовать себя в сферах работы и семьи, происходит некоторое перераспределение обязанностей между ее членами, применяются различные практики и стратегии организации жизнедеятельности. Однако не было еще разработано таких подходов, которые могли бы решить проблему совмещения женщинами сфер семьи и работы.

Английской исследовательницей Р. Кромптон [0. С. 170] было описано несколько моделей гендерного разделения труда внутри семейной группы, в соответствие с которыми было выделено три типа женщин в зависимости от их отношения к оплачиваемой занятости: Домохозяйки, Женщины, частично включенные в систему оплачиваемого труда, Женщины, включенные в полную занятость. В нашей статье основное внимание сосредоточено на женщинах третьего типа.

Понятие «современная активная женщина» характеризует в нашем случае женщину, имеющую полную занятость в сфере оплачиваемого труда и занимающую довольно высокие позиции в своей профессиональной деятельности: является начальником, руководителем каких-либо структур, либо имеет собственный бизнес, а иногда и несколько. Пользуясь терминологией исследователя Ольги Чепурной, таких женщин можно также назвать «автономными». Их автономия демонстрируется эпизодическим проявлением определенных практик в жизни, которые характеризуют женщину относительно независимую, самостоятельную, рефлексирующую по поводу собственной жизни и способную на основе анализа жизненных ситуаций принимать важные решения [0. С. 68-92].

Основное внимание мы уделяем нескольким вопросам: ценностные ориентации современных активных женщин, соотношение работы и семьи для современных активных женщин, специфические стратегии жизнедеятельности, используемые современными активными женщинами. Для формирования наиболее полной картины по существу обозначенных вопросов нами было проведено социологическое исследование. Нами применялся метод полуструктурированного интервью с элементами нарративного интервью. В опросе участвовало 15 женщин. Основным критерием для отбора информантов служила деловая актив-

ность женщин, которая проявляется в позициях, занимаемых ими в трудовой сфере: руководящие позиции на каких-либо предприятиях или руководство собственным бизнесом. Кроме того при отборе информантов учитывалось семейное положение женщин и возраст (до 50 лет).

Ценностные ориентации современных активных женщин.

Результатами многих исследований было подтверждено, что в нашей стране семья остается основной ценностью для большинства населения. Например, по данным исследования повседневности за 2009 год, 88% опрошенных говорят о том, что семья для них «очень важна» и еще 11% отмечают, что она «скорее важна». При этом большинство участвующих в опросе признают безусловный приоритет семьи перед работой. Можно также отметить и вполне закономерный факт, что несколько выше семью ценят женщины [0]. В нашем же случае имеет смысл говорить о ценностях, которые выделяют современные активные российские женщины. В ряду ключевых жизненных ценностей нашими информантами были названы следующие: семья, дети и родственные отношения; моральные качества, такие как честность, преданность, искренность, уважение; а также самообразование и саморазвитие; вера в то, что ты делаешь; работа и качественное выполнение своих профессиональных обязанностей; материальное благополучие; внимание и любовь к себе; определенное мировоззрение и мироощущение; жизненный опыт; чувство юмора и харизма в человеке; стабильность и гармония. Перечень ценностей получился очень разноплановым в силу того, что не всегда понимание ценности у разных людей совпадает. Так и наши информанты выделяли в первую очередь те аспекты жизни, в значимости которых они убедились на своем жизненном опыте.

Семья для наших информантов, без сомнений, является первоочередной ценностью. У некоторых из них слово «семья» возникает как незамедлительная реакция после вопроса об их ключевых жизненных ценностях. Также, без лишних раздумий, информанты говорят о детях, как о главном элементе в их жизни, что так же под собой подразумевает высокую ценность семьи.

Среди женщин, назвавших семью в ряду ключевых жизненных ценностей, были и те, которые на первый план вывели другие важные аспекты жизни, такие как стабильность и материальное обеспечение, но, озвучив эти эпизоды, они говорят о семейных отношениях, о любви к супругам и делают на этом акцент. При анализе интервью тех информантов, которые не назвали семью в перечне ключевых жизненных ценностей, не приходится сомневаться в том, что семья все равно является одним из важнейших аспектов их жизни. В процессе беседы все женщины так или иначе упоминали своих детей, отношения с близкими, которые играют в их жизни очень большую роль.

Довольно большое внимание информанты уделяют моральным ценностям и человеческим качествам, таким как честность, преданность, искренность, уважение, чувство юмора и харизма. Такое понимание ключевых ценностей вполне объяснимо. Все информанты – деловые женщины, которым в своей жизни приходилось взаимодействовать с разными людьми, бывать в тяжелых и патовых ситуациях, преодолевать всевозможные трудности на пути к цели. В силу богатого жизненного опыта и в результате рефлексии относительно своих и чужих действий они признают высокую значимость перечисленных качеств. Жизнен-

ный опыт как ценность также вписывается в логику объяснения, потому что наличие жизненного опыта является очень хорошим подспорьем в решении всевозможных жизненных задач и в преодолении различных барьеров.

Важным замечанием будет то, что женщины, принимающие участие в исследовании практически не называли в ряду важнейших жизненных ценностей работу или построение карьеры. Это может говорить о том, что успешные в построении карьеры женщины считают ее важной частью своей жизни, однако для некоторых она по большей части выступает средством, а не самоцелью. Однако этот вывод не является универсальным. В исследовании были примеры и того, когда видна высокая значимость работы и своего дела для информантов. Большую важность профессиональной деятельности подтверждает и то, что в перечне ключевых ценностей были названы такие аспекты, как «вера в то, что ты делаешь» и качественное исполнение своих профессиональных обязанностей.

Соотношение работы и семьи.

Очень важным и проблематичным аспектом жизни многих женщин является сочетание сфер работы и семьи. Если учесть, что большинство женщин нашей страны вместе с мужчинами принимают участие в материальном обеспечении семьи и предпочитают иметь полную, а не частичную занятость в сфере оплачиваемого труда, гармоничное сочетание двух сфер является довольно сложной задачей для современных женщин. Поэтому часто возникают ситуации, когда чем-то приходится жертвовать: либо уделять меньше времени семье, близким и ведению домашнего хозяйства, либо отлучаться от работы, брать на себя меньше обязанностей, откладывать какие-либо новые проекты и профессиональные начинания.

Одной из основных задач нашего исследования с участием современных активных женщин было как раз определение соотношения в их жизни сфер работы и семьи. Сразу стоит сказать, что, несомненно, профессиональная деятельность занимает большую часть времени каждой из опрошенных женщин. Среди них есть примеры, когда прослеживается некоторое чувство вины перед своими близкими из-за недостатка времени для полноценного общения с ними, хотя напрямую они этого не озвучивают. Проявляются эпизоды, где информанты сожалеют о некоторых своих поступках в период построения карьеры, которые явились препятствием для желаемого отношения с семьей.

Среди информантов есть и те, у которых сочетание сфер семьи и профессиональной занятости происходило и происходит более гармонично. Эти женщины, по их субъективной оценке, исполняют свою роль в семье настолько, насколько это необходимо: уделяют достаточно внимания детям, реализуют себя в роли жены и хозяйки. Хотя здесь стоило бы отметить, что информантами не исключается помощь в хозяйстве и в воспитании детей сторонних лиц, таких как их родители и родители супругов, а также наемных работников (нянь, помощниц по уборке).

Чтобы еще раз подчеркнуть значимость семьи в жизни современных деловых женщин и обозначить соотношение сфер семьи и карьеры, нам представляется важным описать, насколько сфера семьи вписывается в биографические эпизоды информантов и в их повседневную жизнь. Для этого применялись следующие технологии ведения интервью. Во-первых, информанту задавался вопрос, каса-

ющийся ее биографии, но биографии в ключе построения карьеры. Женщины должны были рассказать обо всем своем карьерном пути с самого начала, с упоминанием моментов, которые на их взгляд являются ключевыми. Наш интерес состоял в том, чтобы увидеть, отводится ли какая-то роль в этой истории семье. В итоге, стало ясно, что хотя не все информанты упоминают о семье в процессе построения своего рассказа о развитии профессиональной деятельности, при уточнении некоторых моментов они, так или иначе, связывают фрагменты построения карьеры с эпизодами из своей личной или семейной жизни. Во-вторых, одним из основных был блок вопросов, который касался повседневных практик наших информантов. Здесь они должны были описать структуру своего типичного буднего дня, а также сценарии проведения выходных и отпусков. Этими вопросами преследовалась практически та же цель: выявить то место, которое отводится семье в повседневной жизни деловых женщин. Можно сказать, что роль семьи в будничной жизни современных активных женщин проявляется более явно: всегда присутствуют эпизоды взаимодействия с семьей в процессе дня. Чаще они имеют место в описании вечернего, послерабочего времени, а также выходных и отпусков.

При анализе соотношения сфер работы и семьи следует уделить внимание тому, какое взаимодействие складывается между этими двумя сферами: противостоят ли они друг другу, помогают ли или сосуществуют параллельно. Есть вероятность того, что семья и работа могут одновременно, как помогать в чем-то, так и мешать. В этом вопросе сложно выделить какую-то универсальную тенденцию, в разных примерах это происходит также по-разному. Но тут немаловажным фактором, как нам кажется, выступает настрой самих информантов, и их отношение к особенностям совмещения этих двух важнейших сфер. В ряде случаев семья становилась помехой для профессионального развития в силу того, что отношения между супругами были напряженные, отсутствовала необходимая поддержка. Впоследствии браки распались и уже это (развод), как описывалось ранее, становилось большим толчком и стимулом к карьерному развитию. Помощь семьи для респондентов проявляется различными способами, которые могут зависеть от особенностей бизнеса. В нескольких случаях семья и, в частности, дети становились толчком к организации собственного дела, и в дальнейшем они продолжали вдохновлять на развитие.

Что касается сферы карьеры, то здесь мы видим, что респонденты предпочитают не говорить о том, что работа как-то мешает им. Это происходит, скорее всего, в силу того, что работа все-таки в современном обществе зачастую является необходимой составляющей жизни. Она приносит материальный достаток, от которого зависит вся жизнедеятельность человека, функционирование его и в других сферах, в том числе в сфере семьи. Поэтому в ряде интервью можно заметить, что на этапе построения карьеры информантам было тяжело, тотальная занятость не позволяла им отдохнуть, уделить внимание близким, проявлять себя и функционировать в других сферах, однако женщинами не признается тот факт, что работа им мешала каким-либо образом. Ими делается акцент на том, что необходимо искать компромиссы быть способным правильно организовать свою жизнь.

Таким образом, можно сделать вывод, что помощь или помехи со стороны одной из сфер работы или семьи можно рассматривать только условно. Потому

что большое влияние здесь оказывает само отношение человека к тем или иным ситуациям. В одних случаях семья может мешать карьере (когда болен ребенок и за ним необходим уход), в других семья может помогать. Сомнения не вызывает однако тот факт, что поддержка семьи играет очень важную роль для любой женщины и деловые женщины не являются исключением.

Стратегии жизнедеятельности, применяемые современными активными женщинами.

В различных исследованиях показано, что совмещение карьеры в бизнесе с выполнением семейных ролей происходит сложнее, чем совмещение семейных обязанностей с трудовой деятельностью в «полотипичной» сфере. То же можно сказать и о женщинах, занимающих должности руководителей высокого уровня. Такие представительницы женского пола часто имеют некоторые специфические стратегии жизнедеятельности, выработанные в силу их рода деятельности [0]. Благодаря выработке этих стратегий жизнедеятельности активным деловым женщинам удастся наиболее гармонично сочетать в своей жизни две сферы: работу и семью. Анализируя данные, полученные в результате исследования, нам удалось выявить несколько особых стратегий жизнедеятельности, используемых современными активными женщинами. Некоторые из них уже были описаны ранее в статье Г. Турецкой, и мы выделили еще две стратегии, которые на наш взгляд активно применяются деловыми женщинами.

Современные активные женщины в сфере своей профессиональной деятельности являются лидерами, что и помогает им добиваться успеха, продвигаться по карьерной лестнице или руководить организациями. Иногда, чтобы строить в семье наиболее гармоничные отношения, наши информанты прибегают к *стратегии преуменьшения своих деловых и лидерских качеств* в семейной сфере. Это проявляется в том, что они не претендуют на главенствующие позиции в семье. Тем самым они занимают свою «женскую» нишу в семейной группе, признавая роль главы и лидера этой группы за супругом.

Описанная Г. Турецкой *стратегия суперженщины*, которая проявляется в стремлении работать так много, насколько это вообще возможно, чтобы выполнить все поставленные задачи, у наших информантов проявлялась в меньшей мере. Она применяется только некоторыми незамужними женщинами, которые, однако, имеют очень высокое чувство ответственности практически за все сферы их жизни: работу, семью (их дети и родители), благополучие и комфорт в доме.

Довольно часто деловыми женщинами используется *стратегия управления временем*, при которой происходит планирование и осмысленная организация своей деятельности в обеих сферах. Проявляется это в том, что почти все наши информанты уделяют большое внимание детальному планированию своих дел.

Стратегия отсекания (осознание женщиной уровня значимости всех поставленных задач и уклонение от менее важных из них), судя по всему, проявляется у наших информантов через применения практик использования наемного труда в бытовой сфере. Деловые женщины не пренебрегают своей возможностью нанять няню для ребенка или пригласить человека, который осуществит уборку в доме, что поможет им лишней раз не отвлекаться на это и посвятить время решению тех насущных вопросов, которые требуют приложения их лич-

ных усилий. Также к стратегии отсекаания можно отнести то, что современными активными женщинами также используется помощь родственников в заботе о детях и в выполнении каких-то функций по хозяйству.

Стратегия деления хозяйственных функций между супругами не является новой и применяется семейными группами в современном обществе. Но для деловых женщин она, как нам кажется, имеет большое значение, т. к., с одной стороны, это существенно сокращает объем рутинных дел, которые женщина осуществляет для обеспечения комфортного существования семьи и освобождает драгоценное время, а с другой стороны, через эти практики определенным образом проявляется поддержка и забота со стороны супруга. Иногда к этим процессам подключаются и дети. Время, проводимое за совместным выполнением каких-то домашних дел, может также быть и временем общения с семьей, которого, как мы заметили, часто не хватает в жизни современных деловых женщин.

Информантами выделялись различные практики, которыми им удается отчасти компенсировать (*компенсаторная стратегия*) перед своими близкими, чаще всего перед детьми, свою высокую занятость и недостаток уделяемого им внимания. Эти практики компенсации индивидуальны, поэтому они придумываются и применяются женщинами в соответствии с их жизненными ситуациями (информантами приводились примеры, когда одна из них в служебные поездки брала с собой ребенка, используя это время для общения с ним; другая говорила о такой практике, что когда на работе напряжение начинает зашкаливать, она отключается от дел, забирает внезапно ребенка из детского сада и они проводят время, как хотят). Однако у некоторых женщин нет каких-то своих приемов, чтобы осуществлять такую компенсацию. Они, по-видимому, предпочитают по-другому справляться с проблемой совмещения сфер семьи и работы или используют некоторые из описанных выше стратегий.

Выводы.

Итак, по результатам проведения исследования среди современных активных женщин можно сделать несколько основных выводов. Несмотря на то, что существуют различные мнения и представления относительно жизненных приоритетов активных женщин, на примере наших информантов удалось подтвердить безусловную ценность семьи.

При выявлении соотношения сфер работы и семьи в жизни деловых женщин мы выявили, что особо высокая значимость сферы семьи проявляется при анализе структуры повседневности деловых женщин. При недостатке у информантов свободного времени замечено их стремление использовать максимум возможностей для общения со своими близкими, получая при этом массу положительных эмоций. Также нами была осуществлена попытка установления фактов оказания помощи или создания помех сферами семьи и карьеры. При этом стало понятно, что помощь или помехи со стороны одной из сфер можно рассматривать только условно, потому что основное влияние здесь оказывает само отношение человека к тем или иным ситуациям. Однако в случае с карьерой выяснилось, что, в общем, не принято обсуждать ее как мешающий в жизни фактор в силу того, что работа является источником материальных благ, без которых наша жизнь невысказима, и которые позволяют нам нормально функционировать во всех других жизненных сферах.

Нами обозначено и охарактеризовано несколько стратегий жизнедеятельности, которые помогают деловым женщинам наиболее гармонично сочетать две важнейшие для них сферы, такие как стратегия приумножения деловых качеств, стратегия суперженщины, стратегия управления временем, стратегия отсекаания, стратегия снижения стандартов, стратегия распределения хозяйственных функций и компенсаторная стратегия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варламова С. Н.* Семья и дети в жизненных установках россиян // Социс. – 2006. – №11. – С. 61–73.
2. *Лежнина Ю. П.* Семья в ценностных ориентациях // Социс. – 2009. – №12. – С. 69–77.
3. *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности.* – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. – 524 с.
4. *Российский гендерный порядок: социологический подход.* – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – 306 с.
5. *Турецкая Г. В.* Деловая активность женщин и семья // Социс. – 2001. – №2. – С. 67–73.

**ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВОВ ВЫБОРА МОДУЛЯ КУРСА
«ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ РЕЛИГИОЗНОГО РЫНКА Р. СТАРКА**

А. В. Карманьшева

Научный руководитель: к.с.н. В. В. Кашпур
Томский государственный университет

В последнее время в российском обществе наблюдается кризис традиционных ценностей, нравственности и духовности. Он характеризуется процессом утраты ценностей и социальных норм. В результате в обществе возникают проблемы аномического характера, которые выражаются в девиантном и делинквентом поведении его членов.

Эти проблемы являются одними из важнейших проблем современного российского общества. В свою очередь, государство предпринимает разные попытки для разрешения этой ситуации и сохранения социального порядка. Одним из механизмов трансформации общества являются изменения в системе образования. А именно – активизация воспитательной функции школы посредством внедрения духовно-нравственного воспитания. Еще с 2008 года велось обсуждение нового школьного предмета в рамках культурно-религиозного и духовно-нравственного просвещения школьников. Так, с целью воспитания нравственности, толерантности, уважения культурных и религиозных традиций у обучающихся, в четвертых классах российских школ введен курс «Основы религиозных культур и светской этики».

Работа посвящена основному вопросу: что влияет на выбор родителей в рамках изменяющегося поликультурного секулярного российского общества? И как следствие, отсюда формулировка проблемы: каковы основные мотивы выбора модуля курса ОРКиСЭ родителями четвероклассников?

Было проведено социологическое исследование, целью которого являлось выявление основных мотивов, которые влияют на выбор модуля курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Были заявлены следующие гипотезы:

1. В большинстве случаев основным фактором, влияющим на выбор родителей, является уровень образования;
2. На выбор модуля курса «Основы религиозных культур и светской этики» влияет фактор следования за большинством.

Для достижения цели и проверки гипотез использовались следующие методы: 1. Документальный метод; 2. Метод массового опроса, техника – анкетирование; 3. Опрос экспертов методом полужформализованного интервью.

Предметом исследования выступали мотивы, которыми руководствуются родители четвероклассников при выборе модуля курса ОРКиСЭ.

Следует отметить, что в данной работе впервые проинтерпретировано понятие «мотивация выбора модуля курса ОРКиСЭ» согласно концепции религиозного капитала Л. Ианнокона и теории религиозного рынка Р. Старка, а также построена авторская типология мотивов выбора модуля курса ОРКиСЭ.

Результаты проведенного исследования выглядят следующим образом:

Выявлено, что среди четырех религиозных культур, представленных в модулях курса «Основы религиозных культур и светской этики», наибольшее число

родителей выбирает модуль «Основы православной культуры» (27%), существенно отстают по числу выбравших, модули «Основы исламской культуры» и «Основы буддийской культуры» (по 1% соответственно). Вообще, среди всех модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики» лидирует модуль «Основы светской этики» (40%), на втором месте - «Основы мировых религиозных культур» (31%).

Что касается отношения родителей к курсу ОРКиСЭ. Как отмечают эксперты, в большинстве случаев первоначальная реакция родителей на введение курса «Основы религиозных культур и светской этики» характеризовалась тревожностью и недоверием, что было вызвано низкой информированностью (см. рис. 1)

Рис. 1. Отношение родителей к введению курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Согласно полученным экспертным оценкам, отношение родителей школьников к курсу ОРКиСЭ в целом улучшается. В настоящее время, положительное отношение к курсу сформировалось у 62% родителей. Наблюдается разница в отношении к предмету ОРКиСЭ в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов (см. табл. 1).

Таблица 1

**Отношение к введению предмета
«Основы религиозных культур и светской этики» в зависимости от
конфессиональной принадлежности респондентов**

	Православие	Ислам	Католицизм	Я неверующий
Положительно	46	50	17	14
Скорее положительно	21	21	0	10
Нейтрально	21	7	50	38
Скорее отрицательно	5	8	0	14
Отрицательно	1	7	0	14
Затрудняюсь ответить	6	7	33	10

Так, те, кто относит себя к православию и исламу, выражают положительное отношение, те, кто относит себя к неверующим, – скорее отрицательное.

Степень информированности родителей о курсе «Основы религиозных культур и светской этики» и его модулях определена как умеренно высокая. 70% респондентов отметили, что информации о предмете и его модулях было достаточно, чтобы сделать выбор одного из них. Основным источником первоначальной информации – школьные учителя. Известно, что для родителей четвероклассников была подготовлена методическая база для знакомства с курсом, его содержанием и структурой, проводились родительские собрания и встречи. А в поиске дополнительной информации отмечается низкая активность родителей, менее четверти, а именно 21%, опрошенных обратились к дополнительным источникам.

Что касается влияния членов референтных групп на выбор модуля курса ОРКиСЭ родителями четвероклассников (см. табл. 2).

Таблица 2

Обсуждение выбора раздела предмета «Основы религиозных культур и светской этики» с представителями референтных групп (в%)

Ребенком	70
Родственниками	45
Друзьями	34
Коллегами по работе	29
Школьными учителями	52
Руководством школы	15
Другими родителями	50

Круг обсуждавших выбор модуля с родителями довольно широк, однако наибольшее влияние на мнение родителей оказали ребенок, школьные учителя и другие родители. Согласно полученным результатам, на окончательное решение выбора модуля повлияло собственное мнение родителей, менее четверти респондентов ответили – мнение ребенка. Таким образом, степень влияния референтных групп на мнение родителей охарактеризована как средняя.

По результатам проведенных массового опроса и экспертных интервью из полученного списка мотивов выделены основные, которыми руководствуются родители школьников при выборе модуля курса ОРКиСЭ: 1. «Модуль не противоречит моим религиозным взглядам»; 2. «Такой выбор сделали большинство родителей»; 3. «Мне посоветовали»; 4. «Модуль способствует развитию и просвещению ребенка».

Мотив «Такой выбор сделали большинство родителей» определен как основной. Эксперты подтверждают, что он встречается довольно часто. Родителей, которые руководствуются этим мотивом, эксперты охарактеризовали как пассивных и неосведомленных о курсе и его модулях. Так, заявленная в работе гипотеза «На выбор модуля курса «Основы религиозных культур и светской этики» влияет фактор следования за большинством» подтверждается.

Составлен список основных типов мотивов, которые имеют следующие объяснения: 1. Мотивы подражания – мотивы, которыми руководствуются родители, поступающие, как большинство или полагающиеся только на советы членов референтных групп.

2. Традиционные мотивы – мотивы, формирующиеся за счет таких факторов как религиозный капитал, семейные традиции, религиозная принадлежность.

3. Мотивы безразличия – мотивы, которыми руководствуются «неактивные» родители, равнодушно относящиеся к обучению ребенка по курсу ОРКиСЭ и к ситуации выбора модуля.

4. Ценностные мотивы – характеризующиеся основной ценностью – образованием ребенка, которое выражается в развитии общего кругозора, общем развитии, духовно-нравственном просвещении, морально-этическом развитии [1].

Выделены основные факторы, влияющие на формирование мотивов выбора модуля: 1. Конфессиональная принадлежность; 2. Накопленный религиозный капитал (концепция Л. Ианнокона) [4]; 3. Влияние членов референтных групп; 4. Подражание, следование за большинством; 5. «Маркетинговая» политика религий, представленных в модулях курса ОРКиСЭ (теория религиозного рынка Р. Старка) [7].

Обратим внимание, что касается такого фактора как образование родителей, определено, что родители с высшим образованием в меньшей степени выбирают модули «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской этики», чем респонденты с более низким уровнем образования. Однако, указанный фактор не является основным при выборе модуля родителями четвероклассников. Поэтому гипотеза «В большинстве случаев основным фактором, влияющим на выбор родителей, является уровень образования» была опровергнута.

В конечном итоге, согласно теории религиозного рынка Р. Старка, можно констатировать, что наиболее активная «маркетинговая» политика осуществляется Томской и Асиновской епархией Православной церкви, что способствует модулю «Основы православной культуры» занимать лидирующие позиции в настоящий момент. Выявлено, что благодаря высокой активности Православной Церкви, участия представителей Православия на родительских собраниях, родители четвероклассников в большей степени информированы об этом модуле. Эта информированность непосредственно влияет на формирование мотивов выбора, и как следствие, на сам выбор модуля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Зборовский Г. Е. К взаимодействию религиозного и светского образования в современных условиях // Социологические исследования. – 2002. – №12. – С. 107–112.
3. Родионов С. Н. О религиозной тематике в школьном образовании // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С. 104–109.
4. Сафронов Р. О. Современные социологические теории религии в США и Европе [Электронный ресурс] // Религиоведческие исследования. URL: gs-journal.ru/RRS_1-10.pdf (дата обращения: 19.05.2012).
5. Хабермас Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.

6. *Lambert Y.* Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms? [Электронный ресурс] // BusinessLibrary. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m0SOR/is_3_60/ai_57533384/pg_2/?tag=content;coll (дата обращения: 20.05.2012).
7. *Stark R.* Religion // St. Rodney. *Sociology*. – Seventh ed. – Wadsworth. Publishing Company, 1998. – PP. 383–407.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО КЛАССА (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОГО РЕГИОНА)

Д. К. Кузнецова

Научный руководитель: д.с.н. А. Ю. Рыкун

Томский государственный университет

В данной статье представлены результаты социологических исследований, проведенных с участием автора в 2012-2013 гг. на территории Томской области. Мы используем данный материал для выявления специфики отношения среднего класса как особой социальной группы общества к реализации прав человека. Актуальность подобной постановки вопроса обусловлена, прежде всего, неопределенностью онтологического статуса и параметров среднего класса в России. Поскольку данная группа населения воспринимается как, с одной стороны, опора гражданского общества, а с другой, как общность, характеризующаяся высоким уровнем активности. Гипотетически, права человека должны присутствовать в ментальном горизонте среднего класса, в связи с чем, основную проблему, рассматриваемую в данной статье, можно сформулировать так: присутствуют ли права человека как особая ценность в сознании представителей среднего класса, присутствуют ли у его представителей специфические требования к реализации собственных прав?

Анализ литературы позволил выделить функции среднего класса, релевантные для ответа на поставленный вопрос. Первой функцией является определение среднего класса как социального стабилизатора. «Средний класс считается опорой демократии, опорой общества, опорой государства, обеспечивающей стабильность и норму» [5]. Суть следующей функции – административно-исполнительного регулятора – заключается в том, что деятельность среднего класса, а именно группы чиновников, управленцев, специалистов служащих, важна для отлаженной работы механизмов общественной жизни, функционирования институтов, соблюдения норм и правил. Т. И. Заславская и Р. Г. Громова выделяют функцию культурного интегратора [3]. Средний класс выступает как носитель высокого уровня культуры, таким образом, распространяя свои «знания», образцы поведения на «смежные» слои населения. И последняя функция, это средний класс, как экономический донор – средний класс выполняет роль как налогоплательщика, так и потребителя и инвестора [2].

Таким образом, с одной стороны, принято считать, что средний класс, который имеет высокий уровень образования, устойчивое (базисное, по мнению некоторых исследователей) место в социальной структуре, имидж успешности, стремление к принятию самостоятельных, независимых решений и возможность использовать свои способности для анализа информации, является гарантом политической стабильности государства [4], той прослойкой общества, которая знает или должна знать свои права, умеет их защищать и готова за них бороться. Но с другой стороны, в связи с неоднократно описанной в литературе специфичностью ситуации со средним классом в России, неясно, ставят ли сами представители среднего класса перед собой такую задачу, являются ли права человека особой ценностью для них, насколько они укоренены в их сознании, другое ли правопонимание и правосознание у представителей среднего класса, чем у

остальных групп населения, обладают ли правопонимание и правосознание у представителей среднего класса какой-либо спецификой.

В социологической науке не существует единственного методологического подхода к определению понятия среднего класса, к определению критериев и оснований для его выделения. Существует довольно много трактовок и критериев его выделения, что создает сложности в выявлении границ среднего класса и его численности. Все существующие подходы можно разделить на объективные и субъективные. Так, объективный подход представляет собой выделение группы среднего класса по совокупности объективных характеристик – экономической, социальной принадлежности, культурных характеристик. В рамках объективных критериев выделения среднего класса работают, например, такие российские авторы, как Т. М. Малева и О. И. Шкаратан. В субъективных подходах главным является признак самоидентификации и практики идентификации других на быденном уровне. Примером может служить вертикальная модель стратификации, которая была предложена Н. Е. Тихоновой на основе ресурсного подхода [7].

Например, П. Бурдые [1] в стратификации общества основывался на «классификационные предпочтения», а для Тевено и Болтански, как для сторонников «субъективного» подхода, важны были скорее не формальные критерии отнесения людей к определенному классу, а повседневные практики классификации (не зависящие от существующих классификационных критериев социолога). Для П. Бурдые именно социолог способен классифицировать индивидов, наделить их определенным хабитусом и тем самым зафиксировать их положение в классификации. Болтански и Тевено указывают, что важно учитывать, как сами индивиды классифицируют других. В различии этих методологических подходов возможна объединяющая черта – объяснение повседневных практик людей, которые находятся не в дискурсе, не во взаимодействии, а в «рутинизированных способах поведения».

Для исследования представляли интерес те слои населения, которые составляют фундамент гражданского общества и правового государства и располагают наиболее значимыми ресурсами: как образовательными и культурными, так и материальными, что объясняет их инициативу и активную позицию по отношению к новациям. Активность названных слоев гипотетически выражается в повышенных требованиях к реализации прав, являющихся для них особой ценностью.

Для того чтобы выявить специфику отношения среднего класса к реализации собственных прав требовалось оценить актуальность прав человека для представителей среднего класса. Оценка проводилась на фоне выявления тех проблем, которые наиболее остро стоят в регионе (по мнению среднего класса), а также предполагаемой связи представителями среднего класса данных проблем с нарушением прав человека, осведомленности членов среднего класса о своих правах и готовности их защищать (выявление механизмов защиты прав человека). Исследование проводилось с применением качественной методики. Суть исследования состояла в том, что тема, которая была озвучена для респондентов, обозначалась как «Ценности среднего класса» и не содержала указания на права человека, таким образом, нами была предпринята попытка выяснить,

имеется ли тема прав в сознании среднего и класса, и если проявляется, то в связи с какими жизненными ситуациями.

Анализ проведенных интервью показал, что в общественном дискурсе вопрос о правах человека не возникает в контексте и перечне других социально-политических или экономических проблем в регионе. Вместе с тем, парадоксальным образом информанты настаивали на том, что права человека – это проблема, стоящая остро на данный момент в обществе, они декларировали ее как проблему.

Для того чтобы выяснить, какой смысл вкладывает средний класс в понятие «права человека», нами был задан вопрос: «Что вы считаете нарушением прав человека?». «Права человека» не являются для данной группы населения единообразно понимаемой категорией. Описание понятия прав человека включало:

- свободу выбора;
- политическую ситуацию (политические «нарушения»);
- взаимоотношения представителей государства и населения (именно то, что и является нарушением прав человека).

Отметим наиболее актуализированные права человека для среднего класса, то есть права, с нарушением которых его представители сталкивались когда-либо. Это: право на здравоохранение, на образование, на чистую и безопасную окружающую среду, свобода слова, свобода выбора, свобода слова, право на тайну личной переписки, право на свободу промышленности и торговли. Также существует ряд прав, с нарушением которых респонденты не сталкивались, однако они считают их самыми важными: право на жизнь, право на безопасность и защиту личности, это право на собственность, право на владение, пользование и распоряжение землей. Данную группу прав представители среднего класса готовы защищать и готовы отстаивать. В случае невозможности защиты данных групп прав и свобод, они готовы уехать из страны.

Мы можем сказать, что присутствует специфическое (среднеклассовое) автономное социально-экономическое и политическое поведение. Однако, рассматривая российский средний класс и, в частности, его региональный аналог, отметим, что у него еще не сформировались те особенности, которые характерны для политического поведения аналогичного класса западного общества позднего модерна. Это достаточно четко определяется в выборе способов политического участия в жизни региона (страны).

Можно утверждать, что в ряде случаев у респондентов возникают настроения, которые присущи политическому абсентеизму. Действительно, в большей степени это связано с недоверием власти и опасениями за свое будущее.

В частности, средний класс рассматривался в данном исследовании не как совокупность отдельных представителей, а скорее как коллективная целостность с его особенными ценностями и общими позициями и отношением, в том числе к теме прав человека (как к индикатору некоторой «сформированности» как класса). Для того чтобы выяснить идентифицируют ли представители среднего класса себя как особенную категорию, как особенный класс, важно было знать не только об уровне комфортности жизни в Томском регионе, но также важно было определить, хотят ли они, чтобы государство определило их как особую группу.

Не все опрошенные, но все же некоторые из них настаивали на том, что именно средний класс является тем слоем населения, на который стоит направить цели региональных и федеральных программ, хотя и не в первую очередь.

Политическое поведение представителей среднего класса Томской области, способы и формы политического участия у них также характеризуются определенной спецификой. Акцентирование внимания на этом вопросе в исследовании позволило получить представление о том, может ли средний класс стать значимой политической силой и влиять на развитие и работу тех или иных общественных, политических институтов.

Прежде всего, нужно заметить, что средний класс выражает достаточно стабильный интерес к политике. Данный вывод не противоречит суждению об абсентеизме, приведенному выше. Речь идет о том, что представители среднего класса следят за новостями в Интернете, читают форумы и блоги, слушают радио, таким образом составляя свое собственное мнение о событиях в России и мире. Уровень политического участия среднего класса иллюстрирует следующие утверждения:

- подчеркивание собственной беспартийности;
- отрицание позитивного результата митингов и акций протеста;
- акцентирование внимания на недоверии власти;
- определение собственной позиции как позиции «неучастия» (это касается в первую очередь выборов).

Итак, одной из выявленных особенностей представителей среднего класса Томской области является его некоторая «отстраненность» от активного политического участия. Также, можем сделать вывод, что политическое «неучастие» представителей среднего класса связано, скорее всего, не с тем, что они не интересуются политикой, а с тем, что, по их мнению, существующие политические силы, не могут стать гарантом необходимых изменений, гарантом выражения их интересов; политическое «неучастие» связано с высоким уровнем недоверия к правительству (властям), боязни за свою семью и те сферы, которыми средний класс особенно дорожит (работа).

В социологической литературе утверждается, что средний класс является той прослойкой общества, которая должна выполнять функцию социального регулятора. В то же время, средний класс Томского региона еще не сформировал определенные, конкретные механизмы социального контроля в отношении прав человека, у него не сформировались еще настроения, которые характерны для среднего класса западного общества. Данный слой должен чувствовать свою защищенность и поддержку со стороны государства, но обращаясь к исследованию, важно отметить, что такой поддержки, по мнению представителей данной группы, сейчас нет.

Анализ отношения к правам человека, а также поведенческих стратегий представителей среднего класса при нарушении прав человека позволили выявить следующие стратегии (в порядке значимости):

1. Миграция (возможность уехать из Томской области, из страны);
2. Использование профессиональных навыков (готовность более упорно работать, что косвенно обеспечит и соблюдение прав, либо компенсации в случае их нарушения);

3. Использование ресурсов социальных связей (внутрисемейные ресурсы, личностные – окружение);

4. Обращение за помощью к институтам защиты прав человека.

Если процесс артикуляции прав человека (конкретных прав) в сознании представителей среднего класса мы можем рассматривать в качестве фоновой практики, и данная практика является особенным, специфическим критерием среднего класса, то этап реконфигурации фоновой практики, обретения ею среднеклассовых свойств еще не наступил. Защита прав человека не является для среднего класса на данный момент центральной, важной проблемой. Возможно, по ряду причин, прежде всего, такими причинами можно назвать недоверие к власти, недоверие к реализации существующих, возможных способов и механизмов защиты собственных прав. Однако у представителей среднего класса сформировались свои способы «реагирования» на ущемление прав человека.

Средний класс в России – предмет дискуссии как на уровне противоречивости подходов применимых к его определению, так и по отношению к самому его существованию. Существующие подходы к выявлению критериев среднего класса не дают единообразной картины, тем самым, представляется целесообразным судить о зрелости и сформированности среднего класса также по косвенным показателям, в частности его отношению к правам человека. В этой связи, обобщая результаты проведенных эмпирических исследований, мы можем сделать вывод, что средний класс Томской области пока нельзя назвать сформировавшимся и зрелым, однако мы можем говорить о его формировании и наличии элементов самоопределения как класса, со своими особенностями и спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волков В. В.* Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2008. – 298 с.
2. *Горшков М. К.* Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России [Электронный ресурс] // Социс. – 2000. – №3. – С. 4–12.
3. *Заславская Т. И.* К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. – 1998. – №4. – С. 5–6.
4. *Карпова В.* Спасет ли средний класс демократию в России? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2002. №1(21). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/kar.html#top> (дата обращения: 25.11.2012).
5. *Киселев К. В.* Миф о среднем классе: основания конструирования и политические функции // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2008. – Вып. 8. – С. 355–365.
6. *Малева Т. М.* Российский средний класс: вчера, сегодня, завтра // Дискуссия о среднем классе. – М.: Институт современного развития (ИНСОП), 2008. – С. 17–26.
7. *Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
8. *Шкаратан О. И.* Новый средний класс на Западе // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 49–66.
9. *Шкаратан О. И.* Новый средний класс на Западе. Полвека дискуссий, полвека перемен // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 49–65.

МЕСТО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В СТРУКТУРЕ МОТИВАЦИИ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА (АНАЛИЗ КЕЙСА ПОРТАЛА DVIGER.COM)

Н. В. Музалевский

Научный руководитель: к.с.н. В. В. Кашпур
Томский государственный университет

Сегодня в образовании стала явной ситуация кризиса дидактической системы [3], поэтому образовательное сообщество предлагается рассматривать как возможный инструмент его преодоления наряду с институциональными мерами. Потенциал преодоления проблемы неэффективности ролевого взаимодействия учитель-ученик изначально заложен в структуре взаимодействия участников образовательной сети, где каждый выступает одновременно в роле учителя и ученика. Однако при рассмотрении образовательных сообществ необходимо изучить специфику мотивации участников, так как вступление и обучение в сети не являются обязательным. Сообщество в данном случае выступает в роли самоорганизующейся системы.

Исследователи говорят о существовании ряда тенденций, которые оказывают наиболее значимое влияние на облик современного образования. Образовательные сообщества являются реальным социальным феноменом, в котором можно увидеть реальное действие новых условий формирования информационного пространства.

1. Глобализация информационного пространства. В первую очередь посредством развития сети Интернет становится возможной реализация технологий дистанционного обучения. Также важным следствием является создание единых образцов массовой культуры и легитимизация английского как единого языка общения в сети. При наличии доступа в Интернет и знаний английского человек может, находясь в любой точке мира, стать слушателем Open London University или пройти программу дистанционного обучения в Harvard University и MIT (проект стартовал в 2012 году).

2. Развитие технологий. Переход к новому технологическому укладу разрушил принцип глубинного изучения статических знаний [1]. Дидактическая система потеряла свою эффективность в силу роста объема и динамики обновления знаний.

3. Следствием двух выше обозначенных тенденций становится переход образования от связи teacher-student к сообществам learners. Образовательные сообщества являются примером его реализации [4]. Наиболее значимым в образовании становится элемент коммуникации, посредством которой знания обновляются и дополняются [2. С. 53–55].

Важно отметить, что отпечаток на специфику мотивации и взаимодействия накладывает место локализации изучаемого феномена, а именно интернет-пространство, которое дает возможности, с одной стороны, анонимизации взаимодействия, тем самым позволяя преодолеть некоторые культурные барьеры (боязнь критики старших, безусловная авторитетность мнения взрослых и т. д.) в образовательном процессе.

Исследовательская проблема сформулирована следующим образом:

Какой характер имеет мотивация вступления в сообщество и использования новых образовательных практик? Почему в условиях диверсифицированной институциональной образовательной среды (есть школы, лицеи и гимназии) люди участвуют в образовательных сообществах и какова структура и интенсивность этого участия?

Объектом данного исследования является образовательное сообщество – «Движер» (Dviger.com), сотрудники и участники из г. Томска. Таким образом, предмет исследования: мотивы участия, образовательные практики и структура взаимодействия, используемые внутри портала.

Целью, исследования являлось выявление специфики новых образовательных практик и определения их места в мотивации участников образовательного сообщества.

В качестве метода сбора эмпирических данных был использован метод *кейс-стади*, в рамках которого использовались такие техники опросного метода, как опрос экспертов и полуструктурированное интервью с участниками сообщества, также в качестве вспомогательного метода использовался традиционный анализ документов, а именно образовательного портала Dviger.com.

Изначально необходимо описать систему мотиваторов, которая была разработана авторами портала. При старте проекта «Движер» в 2009 году в него была заложена многомерная система, которая позволяла измерять прогресс участника в баллах (скиллах) по предложенному списку компетенций, достижение определенного числа баллов дает участнику новый уровень и больше возможностей. Базовым перечнем навыков является следующий:

- Информационные;
- Коммуникативные;
- Предпринимательские;
- Управленческие.

Новым званием соответствует балльная шкала:

1. Новичок (от 0 до 99 скиллов);
2. Опытный (от 100 до 249 скиллов);
3. Профессионал (от 250 до 499 скиллов);
4. Эксперт (от 500 до 999 скиллов);
5. Гуру (от 1000 и выше скиллов).

Сами навыки определяются как «навыки – это умения и опыт Движера, которые он умеет творчески эффективно применять в различных областях. Навыки необходимы для выполнения заказов на Бирже заказов в Бизнес-центре, повышения статусов, участия в конкурсах на Портале».

С достижением нового уровня круг компетенций доступных для развития расширяется, также на форуме возможно внесение собственных предложений пользователей по дополнению или изменению установленного перечня. Данная система позволяет идентифицировать круг интересов и реальных умений участников, что становится наиболее актуализированным при поиске исполнителей заказов от организаций. По мнению одного из экспертов, важным было предложить мотиваторы адекватные виртуальной среде и отличающиеся от школьной системы, так как активность на портале зависит от самомотивации участников сообщества:

(директор НОУ ОМУ): «Мы взяли игровые мотиваторы с одной стороны: баллы, эчивки, статусы, рейтинги и т. д. Второй мотиватор – это работа с экспертами, для них, для ребят, это очень важно именно получение быстрой экспертной оценки на свои работы, как бы. Если система дистанционного обучения, это делает преподаватель, для ребят преподаватель это не эксперт чаще всего. Т. е. для ребят эксперт – это именно действующий практикующий практик».

Второй группой мотиваторов являются баллы, они отличны от баллов (скиллов), которые можно увидеть на персональной странице. Их присваивают за активную деятельность в любом разделе портала и внутренне они не дифференцированы. Благодаря системе аукционов участник получает возможность тратить заработанные им баллы на реальные вещи, как уже отмечалось ранее.

Третьим звеном в структуре мотиваторов является возможность работы с экспертами, т. е. реальных практиков, которые могут дать оценку работе конкретного участника сообщества.

Теперь обратимся к опыту пользователей и установим основные мотивы деятельности на портале, что позволит выявить дисфункции в системе.

Основным каналом информации для участников была предыдущая версия портала *itdrom.com* и программы обучения ОМУ, которые презентировали в школах:

«...к нам, собственно, пришли представители, организаторы, вот, сайта Движер. Ну и рассказали, чем знаменит, что можно там узнать, чем он может нам помочь. Привлекли нас туда. А вообще рассказывали об образовательной программе, дистанционной» *(из интервью с участником сообщества №1)*.

«Я была зарегистрирована на сайт *Itdrom*, тоже образовательный, они чем-то даже очень похожи. И там была выложена новость про какой-то конкурс, что ли, который как раз проводился на Движере. Ну и методом ссылок-переходов оказалась там...» *(из интервью с участником сообщества №2)*.

Можно сказать, что целевая аудитория портала *itdrom.com* перешла на обновленную усложненную версию, дополнительные стратегии информирования активно не использовались, так как в данный момент разрабатывается новая версия портала, о которой речь пойдет ниже.

Теперь обратимся к осведомленности и представлениям участников относительно работы системы мотиваторов. Обращаясь к личному опыту участников сообщества, следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, наиболее активные пользователи имеют представления о возможностях, которые предоставляются при достижении нового уровня, они связаны с возможностями доступа к просмотру более детальной информации по данным об оценках их работ и возможностями выхода на выполнение реального заказа:

«...с поднятием уровня добавляются новые функции. Можно больше работ добавлять, можно видеть, кто оценил твою работу. Когда приходишь до 12-го уровня, можно увидеть какую оценку человек поставил» *(из интервью с участником сообщества №2)*.

«Ну изначально там вообще, там рейтинговая система, там баллы. Это было довольно-таки серьезным стимулом для того, чтобы... там посещать портал, зависать там. Позже появилась там возможность деньги зарабатывать на «Движере», т. е. заказы были от предприятий» *(из интервью с участником сообщества №3)*.

«...ну как бы в детстве хотелось самому зарабатывать деньги, а как бы возможностей не было, ... а тут получилось, что как раз таки у детей есть возможность зарабатывать. То есть это главный мотиватор был. То есть, ну и вот как бы появлялись какие-то заказы, выполнял, то есть уже появлялось портфолио» (из интервью с участником сообщества №5).

При этом список развивающихся компетенций является, по мнению участников адекватным и позволяет репрезентировать участников как разбирающихся в той или иной тематике:

«Они (шкалы компетенций) хорошо сделаны тем, что там, ...ну и это, это хорошо, потому что ты, заходя на страницу другого человека, смотря сколько у него развито, ну это показывает насколько человек в какой-то там сфере...» (из интервью с участником сообщества №2).

«Первоначально зарегистрировавшись там, там набираешь определенные компетенции, в которых ты... в которых ты хочешь прокачивать. Причем народ еще рекомендует: «добавьте еще вот эти, добавьте вот эти вот компетенции...» (из интервью с участником сообщества №4)

«Там есть разные пункты этих компетенций, да, допустим «фотограф», «преподаватель» – все это. Какие-то подбираются, какие-то есть генеральные, ну, компетенции. У каждого есть и они со временем растут, ну конечно зависит от твоей активности на портале» (из интервью с участником сообщества №3).

При этом наиболее запоминающимся и мощным мотиватором, наряду с реальной работой по заказу предприятий, является балльная система, которая связана с аукционами:

«А баллы там... там было интересно тем, что набираешь баллы и их можно было тратить, у них были в бизнес-части аукционы. Эти баллы можно было тратить на какие-то лоты» (из интервью с участником сообщества №2).

«...ты зарабатываешь балы, комментируешь работы, оцениваешь работы, выкладываешь свои работы, то есть набираешь за это баллы, и за эти баллы, то есть был аукцион. То есть таки небольшие там, клавиатура, флеш, колонки, то есть за эти баллы, идет аукцион, можно было приобрести» (из интервью с участником сообщества №5).

На данный момент система аукционов не работает, что оказывает негативное воздействие на мотивацию участников, то есть баллы по-прежнему начисляются, но при этом тратить их некуда. Закрепление успехов активной деятельности теперь не имеет овестествления также в силу приостановленного режима работы в разделе бизнес заказов.

Наиболее важными мотиваторами, которые действуют на сегодняшний день, являются возможность творческого самовыражения и обновление контента в интересующих категориях:

Вопрос: что для тебя является основной причиной посещения портала?

«Похвастаться работами, наверное, своими» (из интервью с участником сообщества №1).

«...я активно занималась фотографией. Мне было интересно мнение людей, потому-то там было достаточно хороших фотографов, которые были часто, ну и давали хорошие и ценные советы» (из интервью с участником сообщества №2).

«На данный момент я туда захожу, смотрю там, кто что выложил, комментарии, оценки ставлю... Себя показать, других посмотреть. Конкретно, допустим там, в своей области» (из интервью с участником сообщества №4).

Виртуальная образовательная среда не имеет высокой степени актуализации, среди активных пользователей присутствуют те, кто никогда не пользовался ее возможностями.

В целом можно сказать, что в силу специфики структуры портала образовательные практики могут реализовываться в системе галерей и непосредственно в ВОС, однако принципиальная разница заключается лишь в представлении материала и сфере, к которой он относится. В обоих разделах осуществляется голосование, и активность поощряется баллами. В галереях и в ВОС осуществляется экспертирование и комментирование работ. Однако при этом система галерей знакома каждому из информантов, чего нельзя сказать о ВОС. Для улучшения функционирования ВОС рекомендуется интегрировать систему авторских уроков от Движеров в галереи, что не требует принципиальных перемен в структуре образовательного процесса. Образовательные практики занимают ведущее место в структуре мотивации участников, так как анализ их личного опыта показывает, что необходимость в самовыражении и желании практического применения своих навыков является ключевой целью посещения проекта, в данном случае образовательные практики являются сопровождающим элементом этих процессов в публичном пространстве сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акаев А. А., Садовничий В. А.* Исследование сценариев развития: Россия в период мирового кризиса. [Электронный ресурс]. URL: www.askarakaev.com/netcat_files/84/49/h_c60285244ffc095d30c4c87cf01acfd7 (дата обращения 10.03.12).
2. *Петрова Г. И.* Коммуникации в образовании и управлении. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – 288 с.
3. *Руденский Е. В.* Педагогическая социология как теоретическое основание конструктивистской педагогики профессионального образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victimolog.ru/index.php/articles/90-pedagogicheskaya-sotsiologiya-kak-teoreticheskoe-osnovanie-konstruktivistskoj-pedagogiki-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения 25.05.12).
4. *Фрейре П.* Образование как практика освобождения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.prosv.ru/ebooks/best_pdf/paul_freire.pdf (дата обращения 10.03.12).

СТРУКТУРА И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННОГО ХОЛДИНГА

Ю. О.Мундриевская

Научный руководитель: к.с.н. В. В. Кашпур

Томский государственный университет

В настоящее время в связи с широким развитием теории рационального обмена, ресурсного подхода в социологии особое развитие получила теория социального капитала как фактора успеха деятельности по организации обществ, сообществ. Но, несмотря на широкую теоретическую разработанность, на практике же не очень ясно, каким образом социальный капитал формируется и что влияет на его объем и структуру. Социальный капитал, мы понимаем, как отношения, как формализованные, так и неформализованные, основанные на доверии, порожденном общими нормами, ценностями и традициями и предполагающие ожидание взаимопомощи и сотрудничества [4].

Чтобы посмотреть на примере, каким же образом формируется социальный капитал на предприятии, мы предлагаем исследовать Сибирскую Аграрную Группу как вертикально интегрированный в современную экономическую систему холдинг. В Корпоративном Кодексе данного предприятия сказано: «Мы честны по отношению к себе, своим коллегам...это очень важно, поскольку при отсутствии доверия между нами не будет общего понимания». На предприятии проводятся корпоративные мероприятия, мероприятия по сплочению коллектива, создаются условия для обучения и развития работников и тому подобные. Но по Отчету по исследованию качества менеджмента на предприятиях ЗАО «Аграрная Группа» (проведено в апреле 2010г.) сами сотрудники отмечают, что иногда руководители не слышат своих подчиненных, а подчиненные руководителей. Таким образом, возникает противоречие: с одной стороны, в Корпоративном Кодексе указано, что доверительные отношения между сотрудниками очень важны, но, с другой стороны, на предприятии иногда возникают ситуации конфликта. А так как мы знаем, что социальный капитал – форма существования доверия, то, смотря на Сибирскую Аграрную Группу, мы не знаем, каков реальный уровень доверия между сотрудниками на предприятии и есть ли оно вообще? А следовательно, каков реальный объем социального капитала на предприятии? И что влияет на его формирование?

Итак, тема данной работы: структура и факторы формирования социального капитала в вертикально интегрированном холдинге.

Проблема: Какова структура социального капитала? Какие факторы влияют на его формирование?

Целью данной работы является выявление структуры и факторов формирования социального капитала

Сибирская Аграрная Группа – ведущее агропромышленное объединение Сибирского Федерального округа, занимающее прочное место в числе ведущих агропромышленных объединений России. Мы будем рассматривать Холдинг как систему [1], состоящую из 2-х взаимосвязанных организационно-управленческими связями структур внутри себя (см. рис. 1).

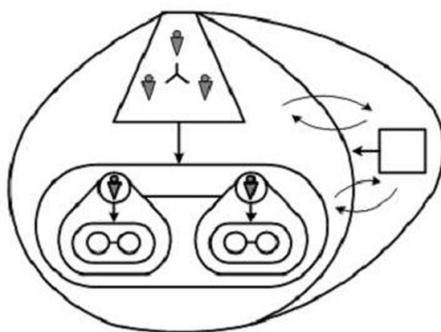

Рис. 1. Системная модель Холдинга

1. Управленческая структура Холдинга. В нее входит собственно Головное подразделение, состоящее из Совета директоров и нижестоящих управленцев и специалистов, выполняющих вспомогательную функцию. На схеме они обозначены как сервисы, обслуживающие основное управленческое звено.

2. Исполнительская структура – собственно основные нисходящие производственные предприятия, отвечающие за животноводство, растениеводство, мясопереработку и реализацию готовой продукции. Из схемы видно, что данные элементы связаны между собой организационно-управленческими связями.

Так как мы говорим о социальном капитале, то в нашей схеме нам необходимо найти место его формирования. На схеме мы видим еще одно сервисное звено – поле для согласования действий, где и происходит формирование социального капитала предприятия под воздействием некоторых факторов. Такими факторами могут быть так называемые «внешние» инвестиции, но могут быть и внутренние факторы, такие как стиль управления и корпоративная культура [3]. Мы предлагаем рассмотреть корпоративную культуру.

В Сибирской Аграрной Группе корпоративную культуру устанавливает нормативный документ такой, как Корпоративный Кодекс предприятия, который сопровождается девизом «Кто мы есть и к чему мы стремимся». Проанализировав данный Кодекс, было выяснено, что Корпоративный кодекс Сибирской Аграрной Группы задает предприятию преимущественно Целевую корпоративную культуру.

Так как Социальный капитал – это связи, нормы и доверие, то мы попытались найти в Корпоративном Кодексе те положения, которые бы создали нам модель социального капитала и показали его уровень. Следует сказать, что в рамках нашей работы в соответствии с уровнями бытия по Гегелю [2] мы предположили, что у Социального капитала также есть несколько уровней. И в зависимости от степени развернутости капитала мы выделяем следующих пять уровней:

1. Индивидуально жизнедеятельностный СК – уровень социального капитала, характеризующийся независимостью элементов. Этот уровень присущ преимущественно точечной корпоративной культуре.

2. Социодинамический СК – уровень социального капитала, характеризующийся уже взаимозависимостью элементов, их договоренностью о взаимодействии на благо каждого. Этот уровень присущ преимущественно точечной корпоративной культуре.

3. Социокультурный СК – более высокий уровень социального капитала, на котором идет не просто взаимодействие, а формируется общее мнение индивидов. Этот уровень соответствует клубной корпоративной культуре.

4. Деятельностный СК – уровень социального капитала, на котором уже не взаимодействие, а взаимодействие индивидов на благо общей цели, сопровождающееся формированием общих норм действия. В «чистом» виде этот уровень соответствует Храмовой корпоративной культуре.

5. Культурный СК – уровень социального капитала, характеризующийся наличием внутри себя социодинамического, социокультурного, и деятельностного социальных капиталов, а также наличием всеми разделяемых ценностей. В «чистом» виде данного уровня не существует, но в сочетании с деятельностным уровнем он соответствует Целевой корпоративной культуре.

Каждому из типов социального капитала соответствует своя Корпоративная культура, и, как мы видим, социальный капитал в Сибирской Аграрной Группе преимущественно деятельностно-культурного уровня. Графически это выглядит следующим образом (см. рис. 2).

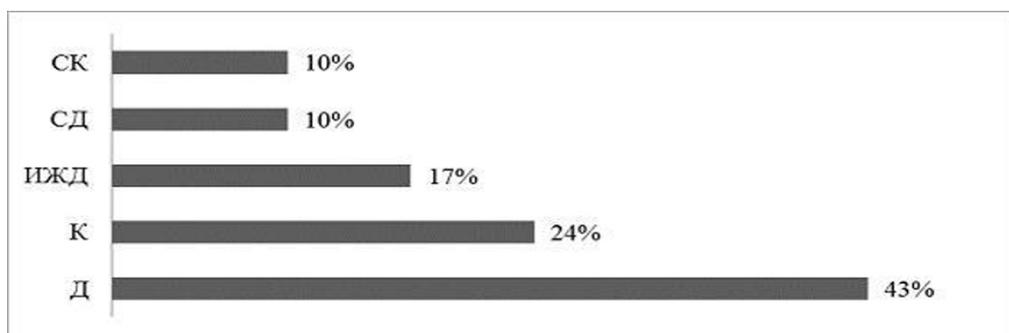

Рис. 2. Идеальный профиль социального капитала

Тут следует напомнить, что Корпоративная культура предприятия является целевого типа, которая и диктует культурно-деятельностный социальный капитал.

Итак, чтобы выяснить, какой реальный социальный капитал, мы использовали опросный метод, технику анкетирования. Нами было опрошено три предприятия холдинга: головное подразделение, ЗАО «Аграрная Группа МП» в г. Томске и «Аграрная Группа Молоко», из них – 309 человек, из которых 35% – руководители, 65% – специалисты.

Так как мы выяснили, что социальный капитал – это отношения, основанные на доверии, нормах, ценностях и традициях и предполагают ожидание взаимопомощи и сотрудничества, то и результаты нашего опроса мы разделим по соответствующим блокам.

Ожидания взаимопомощи и сотрудничества – этот блок мы разделили на ожидание помощи от коллег и от руководителя и на тип ожидаемой помощи. По результатам исследования мы можем отметить, что специалисты ждут помощи в производственных вопросах от руководителя больше (82%), чем от коллег (45%). В личных же вопросах наоборот: больше от коллег (71%), чем от руководителей (18%). Что касается руководителей, то тут все наоборот. От своего вышестоящего руководителя они ожидают помощи преимущественно в личных

вопросах (81%), нежели в производственных (23%). От коллег же они ожидают помощи преимущественно по производственным вопросам (90%), нежели по личным (45%).

Ценности – так, как Корпоративный Кодекс Сибирской Аграрной группы говорит, что у сотрудников должны быть общие ценности, то мы решили посмотреть, насколько ценности руководителя и подчиненного совпадают. Для этого мы задали им вопрос: «Какие ценности Вам ближе?» и предложили некоторый перечень ценностей, из которых они должны были выбрать. В целом можно сказать, что соотношение ценностей специалиста и руководителя схожее, но можно отметить некоторые особенно выделяющиеся различия: Руководители нацелены на развитие больше (86%), чем специалисты (69%), что говорит о достаточно высокой роли Храмовой КК и высоком уровне Деятельностного СК.

- Для руководителей персонал менее важен (9%), чем для специалистов (20%), что говорит о практическом отсутствии элементов Целевой КК и Культурного СК

- Руководители признают традиции предприятия более важными (47%), чем специалисты (29%), что говорит о наличии элементов Клубной культуры, и, следовательно, социокультурного СК

Связи – в рамках нашей работы мы рассматривали как производственные, так и дружеские связи, которые являются неотъемлемой частью социального капитала. Связь между руководителями и подчиненными характеризуется, прежде всего, готовностью руководителей к общению с подчиненными, учету их мнения. Было отмечено, что, по мнению подчиненных, их руководитель либо стремится к общению с ними в основном только при определенной необходимости (54%), либо вообще не стремится (20%). Это свидетельствует о том, что уровень социального капитала на Холдинге преимущественно Деятельностный, но с частичной разверткой Жизнедеятельностного.

Доверие – основной компонент социального капитала. Мы задали вопрос: «Доверяете ли Вы следующим своим сотрудникам?», и проанализировали доверие к трем группам лиц: к генеральному руководителю, к непосредственному руководителю и к коллегам. В результате исследования нами было отмечено, что уровень доверия достаточно невысок, не превышает и 50% по всем показателям. Но, тем не менее, можно отметить, что среди руководителей уровень доверия гораздо выше, чем у специалистов. Это свидетельствует о том, что у них уровень Социокультурного СК немного выше. Таким образом, из диаграммы мы можем увидеть, что доверие между специалистами ниже, чем между руководителями. То же самое можно сказать про уровень доверия к генеральному руководителю: уровень доверия руководителей выше, чем уровень подчиненных. При этом важно отметить, что среди специалистов уровень доверия своим непосредственным руководителям выше, чем у руководителей

Так как мы должны выявить соответствие реального социального капитала декларируемому в Корпоративном Кодексе, мы попытались просуммировать все показатели. Для этого мы распределили вопросы и ответы на них по таблице уровней социального капитала и получили следующие показатели (см. рис. 3).

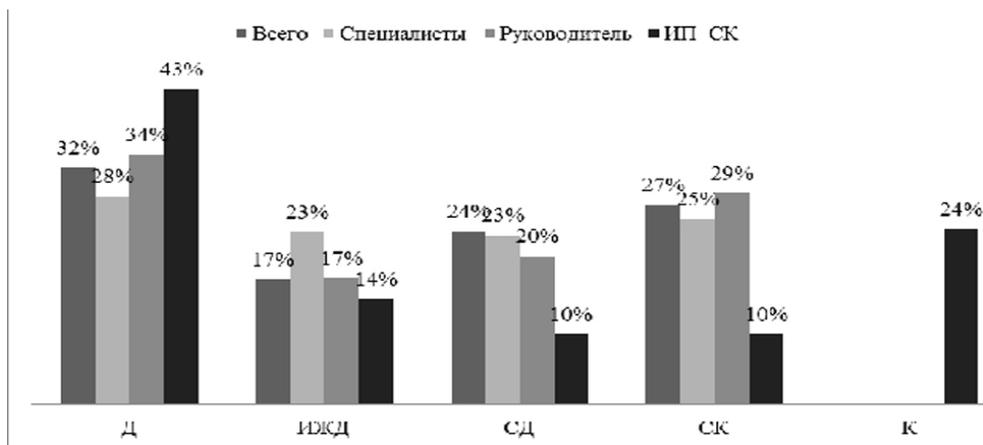

Рис. 3. Соответствие идеального и реального профилей социального капитала

Итак, в результате нашего исследования мы сделали следующие выводы:

- Реальный профиль социального капитала не соответствует Идеальному, то есть оформленному в Корпоративном Кодексе. Из нормы мы можем увидеть, что основной процент это Деятельностный уровень социального капитала (43%), но по результатам исследования мы видим, что он меньше (32%). То же самое мы можем сказать и о Культурном уровне социального капитала. Если говорить о других уровнях, то как раз их уровень разворота превышает заданную Корпоративным кодексом норму.

- Основным фактором, влияющим на социальный капитал, является корпоративная культура. Но Идеальная корпоративная культура, установленная Корпоративным кодексом, является Целевой. А реальная корпоративная культура, выявленная нашим исследованием, является преимущественно Целевой, но с элементами Точечной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов О. С. Системный подход, онтология и высшая мыслетехника. – М: ФГОУ РосАКО АПК, 2008. – 360 с.
2. Анисимов О. С. Язык теории деятельности: проблемы трансляции. – М: ФГОУ РосАКО АПК, 2003. – 609 с.
3. Капитонов Э. А. Корпоративная культура: Теория и практика. – М.: Альфа-пресс, 2005. – 352 с.
4. Современная социологическая теория: Будье, Гидденс, Хабермас : учеб. пособие / сост., пер. и автор вступ. ст. А. В. Леденева. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1995. – 120 с.

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ РОДНОВЕРОВ

А. Е. Сорокин

Научный руководитель: А. А. Маляр

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

По отношению к язычеству неоязычество является своеобразным переосмыслением языческой традиции. Также необходимо заметить, что понятие «родноверие» является самоназванием для представителей славянского неоязычества.

Неоязычество – это религиозное вероучение и религиозное движение, нацеленное на возрождение и реконструкцию доавраамических локально-этнических верований и культов, а также связанных с ними традиционных социальных институтов. К особенностям неоязыческой веры относят политеизм и синкретизм веры, культа, ритуала и обряда.

Дискурс неоязычников – клишированная форма общения по поводу возрождения верований и обрядов на основе представлений о прошлом. В литературе отмечается, что дискурс неоязычников современной России нацелен на конструирование духовных практик с помощью реконструкции реалий прошлого, основанных на этногенетических и исторических мифах.

Феномен неоязычества напрямую связан с попытками конструирования этнической идентичности, фундаментом для которой должна выступить древнеславянская традиция и труды современных идеологов язычества. Говоря о ключевой особенности славянского неоязычества, стоит отметить, что неоязычество является не только религиозным феноменом, но и системой идеологических положений, часто носящих этническое содержание, вследствие чего имеет место синтез религиозности и этничности. Эта отличительная черта указывает на крайнюю политизированность родноверия в духе этнического национализма.

В результате проведенного нами эмпирического анализа 35 текстов современных идеологов славянского язычества методом дискурс-анализа можно заключить, что сами неоязычники понимают под родноверием этническую религию русского народа. Родноверие определяется идеологами неоязычества как политеизм или супрематеизм. Тексты язычников указывают на «живость» и динамичность собственной традиции, которая допускает возможность возрождения и реконструкции древнеславянских верований, подчеркивается отсутствие у родноверов священных писаний, ортодоксии и ортопраксии.

В большинстве текстов отмечается этнический характер родноверия: указывается неразрывная связь этничности и религиозных убеждений, этнос детерминирует конфессиональную принадлежность.

Авторы текстов настаивают на том, что славянское неоязычество не является «книжной культурой» и требует от своих последователей не только знания основ языческого мировоззрения, но также исполнения обрядов и соответствия повседневных обыденных практик языческому образу жизни. Также родноверами подчеркивается губительное воздействие церкви как формальной организации, но, с другой стороны, декларируются призывы к объединению родноверческих общин и принятию основополагающих документов.

Наблюдается обращение к мифу о «Золотом веке», который доносится до читателя посредством оппозиции прошлого и настоящего, утратившего «мудрость предков». Вектор исторического движения от древности к современности характеризуется как регресс и упадок первоначальной духовности традиции предков.

К «врагам» родноверия в текстах относят: православие, иудаизм, академическую науку, СМИ, современность, псевдоязычников, политическую власть РФ, представителей других этносов. Значительное место в текстах отведено попыткам реабилитации и демаргинализации родноверами себя перед внешней средой путем ответов на критику со стороны «Они»-группы.

Важно отметить стилистические особенности текстов, большинство из которых позволяет говорить о клишированности дискурса родноверов: подражание стилю фольклорных преданий, использование архаизмов, ссылок на русские пословицы и поговорки, применение древнеславянской буквицы и использование альтернативного летоисчисления.

Одновременно дискурс неоязычников включает в себя квазинаучный дискурс (исторические, этнографические и лингвистические изыскания с широким использованием научного тезауруса и построением текста согласно формальным научным требованиям), квазирелигиозный и квазиполитический дискурс (формирование мнений аудитории с целью достижения общего согласия по общественно значимым темам).

Таким образом, этническая и религиозная идентичность в дискурсе неоязычников проявляются одна через другую. Религия воспринимается родноверами в качестве средства национальной мобилизации. К способам конструирования религиозной и этнической идентичности можно отнести выстраивание границы «Мы»-«Враги», опору на примордиалистский подход к пониманию этничности, использование мифологемы «Золотого века»: при негативной оценке современности будущее мыслится как возрождение путем реставрации ценностей языческих обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдуков А. В.* Молодежная Субкультура славянского неоязычества в Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://subculture.narod.ru> (дата обращения 10.03.12).
2. *Кавыкин О. И.* Родноверие – новое религиозное течение в современной России // *Общественные науки и современность.* –2004. –№ 3. – С.102–110.
3. *Шнирельман В. А.* Неоязычество и национализм: Восточноевропейский ареал // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института Этнологии и антропологии РАН.* –1998. –№ 114. –30 с.

КЛАССОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Х. В. Теплякова

Научный руководитель: д.с.н. А.Ю.Рыкун

Томский государственный университет

В эпоху рыночных отношений общество преимущественно описывается и рассматривается в терминах обмена и потребления, что подразумевает под собой большое количество межличностных коммуникаций, то есть человек все больше взаимодействует с другим человеком, а не с машиной. Эффективность торговли зависит не только от уникальности товара и потребности в нем, но и от самого процесса совершения покупки. То есть, чем выше качество обслуживания в процессе коммуникации с покупателем, тем выше вероятность, что он к вам вернется. Это означает, что компетентные работники должны уметь выстраивать нужную линию поведения и проявлять эмоции, необходимые в каждой конкретной ситуации. Актуализация эмоциональной работы в российском обществе также связана с появлением относительно новых отраслей занятости – усиливается значимость сферы умственного труда и творческих профессий, таких как пиарщик или специалист по рекламе.

Понятие эмоциональной работы ввела в научный оборот А. Хохшильд, изучавшая работу стюардесс. Эмоциональная работа – это выказывание особых эмоций, требуемых от работника в соответствии с его должностью [4]. Например, кассир должен не только быстро и правильно отбивать чек и рассчитывать покупателей, но и быть услужливым и приветливым, создавая благоприятное впечатление об организации, работающей с деньгами клиента, будь это супермаркет «Мария Ра», автосалон «Range Rover» или отделение «Газпромбанка». То есть, каждый работник должен не только уметь взаимодействовать с посетителями, но и контролировать свои эмоции и уметь «держаться». Такой сознательный контроль не только проживаемых чувств и эмоций, но и телодвижений и мимики принято обозначать понятием эмоционального труда. Можно предположить, что эмоции формируют социально-психологический климат в организации и являются неформальными регуляторами управленческих процессов. Например, культура японского менеджмента устроена таким образом, что работники, находящиеся в подчинении, должны выполнять все поручения и прихоти своего начальства, которое также имеет право пренебрежительно относиться к подчиненным. К примеру, если начальник предлагает вам кофе, а вы его не любите, вы все равно не имеете права отказаться [8].

Ж. Бодрийяр говорит в этой связи о «потреблении человеческих отношений», а конкретно, о повседневных персонализированных коммуникациях, которые составляют нашу повседневность потребления – потребление знаков заботы, хорошего настроения, позитивных эмоций, коммерциализированных и закрепленных в форме услуг [2]. Следовательно, важной чертой эмоциональной работы является то обстоятельство, что эмоции являются важнейшим «гуманитарным ресурсом», способствующим восстановлению либо утрате эмоционального баланса провайдером и (или) реципиентом в зависимости как от содержания демонстрируемой эмоции, так и воспринимаемого различия в социальном положении участников взаимодействия, то есть провайдера и реципиента. Иными сло-

вами, при правильно организованной эмоциональной работе, статусный клиент всегда должен получать эмоции, способствующие восстановлению его эмоционального баланса, а работник, оказывающий услугу, должен соответствующие эмоции проявлять, то есть «отдавать», фактически утрачивая эмоциональный баланс [5]. Мы исходим из того, что такой эмоциональный обмен имеет внешние вербальные и невербальные проявления и, соответственно, с помощью наблюдения и фотографии мы можем зафиксировать неравенство социальной структуры, отраженной в эмоциональном взаимодействии. При этом ключевым вопросом для нас является зависимость направленности и содержания эмоциональной работы от социального статуса работника как основы неравенства, проявляющегося на уровне межличностных отношений. Исследование данной проблематики проводилось весной 2013 года с использованием методов визуальной социологии [9], объектом исследования выступали работники социальных профессий различных уровней. Для анализа были использованы фотографии, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет, а также снимки, сделанные нами в процессе проведения заказного исследования в одном из томских кафе, а также фотографии, сделанные другими фотографами на различных мероприятиях. Анализ фотографий на предмет эмоциональной работы собеседников производился по следующим невербальным проявлениям коммуникации [6]: 1) физический наклон или преклонение, в том числе наклон головы; 2) осанка; 3) улыбка; 4) взгляд или зрительный контакт; 5) зона дистанции при контакте.

Мы условно разделили объект исследования на 3 категории: сервисный класс (официанты, банковские работники, продавцы-консультанты), средний класс (руководители среднего и административного уровня, госслужащие, владельцы сравнительно небольших предприятий) и верхний средний класс (высокопоставленные чиновники, владельцы крупного бизнеса, менеджеры крупных компаний) [1.С. 119-124]. В ходе исследования выяснилось, что самые массовые и самые явные эмоциональные затраты характерны для работников сферы обслуживания. Их рабочий день может длиться до 12 часов, в течение которых они постоянно «на ногах». Их задача – подчеркивать высокий статус гостей или клиентов, улыбаться и быть обходительными и ориентироваться на предпочтения и пожелания посетителей. Представителям сервисного класса очень часто приходится иметь дело с различного рода конфликтами и недовольствами, но при этом всегда оставаться вежливыми. Особенно сложно научиться быстро подстраиваться под каждого нового посетителя, каждый из которых не знаком официанту. Однако у каждого заведения или организации есть постоянные клиенты или частые гости, которых обслуживающий персонал знает в лицо. При анализе фотографий было замечено, что частым гостям кафе официанты улыбаются сильнее, выражение лица более доброжелательное. Это связано с тем, что персонал уже знает этих людей в лицо и с ними, естественно, проще работать, зная их предпочтения. Свое подчиненное положение по отношению к гостям они проявляют через наклон головы в сторону гостя, прямой взгляд на посетителя, в то время как он рассматривает меню или занят своими делами, готовность в любой момент принять заказ.

У представителей среднего класса уже имеются свои подчиненные, и они занимают руководящие посты среднего и высшего звена на предприятиях и в учреждениях. Эмоциональная работа у них направлена в пользу вышестоящих,

при этом высокий статус своего руководителя обычно подчеркивается не только при помощи эмоций, но и через такие формальные моменты, как место, занимаемое руководителем за столом переговоров. Эмоциональная работа менеджеров заключается в том, чтобы быть рядом с руководителем, помогать ему в организации и проведении мероприятий, а также всегда оставаться во внимании и быть готовым вступить в беседу, даже если сейчас он не является участником разговора. Это люди, всегда готовые к взаимодействию со своим руководством, демонстрирующие внимание и сосредоточенность, они проявляют уважение к стратегическим партнерам и гостям мероприятия, являются достойными представителями своей организации. Среднеклассовая эмоциональная работа осложняется еще и тем, что менеджеры также должны заниматься обучением подчиненных, оценивать их эмоциональную работу и избавлять их от «экзистенциальной тревожности». Например, иногда руководитель должен демонстрировать гнев или раздражение в целях поддержания социальной дистанции, или, что бывает существенно чаще, воздерживаться от проявлений подобных чувств. Стоит также отметить, что менеджер является ценным работником на рынке труда, т.к. в сравнении с сервисным классом имеет большую историю эмоциональных взаимодействий, а значит, обладает высоким уровнем эмоционального интеллекта и способен подстроить свое поведение ко многим ситуациям взаимодействия. Но ситуация менеджера по сравнению с его подчиненными осложняется тем, что он сам должен решать, что ему делать и сам должен справляться с собственным «экзистенциальным страхом», даже если ему удастся избавить от него подчиненных. Такая ситуация либо способствует эмоциональному выгоранию, либо заставляет менеджера искать пути компенсации эмоциональных затрат.

В высших управленческих кругах рабочие моменты регулируются официальными документами, выступающими в качестве конвенциональных норм и позволяющими избежать непреднамеренных ошибок и случайного проявления неуважения [11]. В связи с тем, что люди высших кругов часто занимают государственные должности, их поведение в интернациональной среде является стратегически важным и от того, как себя поведет тот или иной чиновник, зависит будущее крупной корпорации или государства. В связи с этим, например, высший руководитель на встречах и официальных визитах должен, с одной стороны, проявлять уважение к своим коллегам, налаживая с ними дружеские отношения, а с другой, демонстрировать собственное влияние и власть, давая понять, что его бизнес является независимым и конкурентоспособным. Эмоциональная составляющая на данном уровне присутствует, но она носит неявный характер. Однако качество эмоционального обмена выше, а сама «эмоциональная игра» глубже, поэтому процесс эмоционального обмена сложнее зафиксировать. В связи с тем, что эмоциональные затраты очень высокие, руководители высшего звена компенсируют ее во взаимодействии с подчиненными. Поэтому подчиненные высших руководителей отдают энергию в гораздо больших объемах, чем представители сервисного и среднего классов.

Таким образом, эмоциональный труд присутствует на всех уровнях социальной структуры. Чем выше социальный статус человека, тем более тонкую и глубокую эмоциональную работу нужно выполнять, причем в высших кругах управления эта работа осуществляется главным образом при взаимодействии с людьми равного или еще более высокого статуса. Это свидетельствует о том,

что эмоции являются одним из механизмов символического конструирования общества, т. к. индивиды приписывают собеседнику статус, проявляя к нему те или иные эмоции в процессе взаимодействия. Обобщая, хочется сказать, что за последние 20-30 лет произошла существенная демократизация общества. Это значит, что подчиненные не всегда чувствуют себя обязанными и демонстрируют должные эмоции по отношению к своим руководителям, однако социальная дистанция по-прежнему сохраняется. То есть, допускается некоторая вариативность в исполнении эмоциональной работы перед вышестоящими, но имплицитный договор о субординации по-прежнему действует.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аберкромби Н.* Класс // Социологический словарь. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. – 406 с.
2. *Горбунова М. Ю.* Управление поведением потребителя в контексте эмоционально-коммуникативного стресса // Социс. – 2012. – №4. – С. 78–88.
3. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
4. *Кин Е. И.* Идентификация видов труда: эмоциональная составляющая // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. – 2011. – №1. – С. 77–80.
5. *Коллинз Р.* Микрометоды для макросоциологии: пер. с англ. М. Макеевой, А. Рыкуна. – R. Collins. Micro Methods as a Basis for Macrosociology // Plummer, Ken (Ed.). Symbolic Interactionism. Vol. 2: Contemporary Issues. An Elgar Reference Collection. – Aldershot, England, 1991. – PP. 431–449.
6. *Нэп М.* Невербальное общение: полное руководство. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 512 с.
7. *Пронников В. В.* Установление отношений подчинения в рабочей группе [Электронный ресурс] // Японцы (этнопсихологические очерки) // Historic.ru. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z00000006/st026.shtml> (дата обращения 10.03.12).
8. *Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
9. *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. – М.: Логос, 2007. – 168 с.
10. *Hochschild A. R.* Emotional work, feeling rules and social structure // American journal of sociology. – Chicago, 1979. – Vol. 85. – №3. – PP. 556–557.
11. *Hochschild A.* The Role of the Ambassador's Wife: An Exploratory Study // Source: Journal of Marriage and Family. – 1969, Feb. – Vol. 31. – №1. – PP. 73–87.

СМЫСЛЫ МОБИЛЬНЫХ ФОТОГРАФИЙ МОЛОДЕЖИ

Т. И. Шаравина

Научный руководитель: к.ф.н. В. С. Иванова

Томский государственный университет

За время своего существования фотография настолько прочно вошла в нашу обыденную жизнь, что иногда ее присутствие кажется незаметным. Она стала неотъемлемой частью нашей жизни, воспроизводя собой наши эмоции, переживания и восстанавливая память некоторых значимых моментов. До середины XX века в изучении фотографии как таковой преобладал искусствоведческий подход, сужавший область интересов исследования до изучения специфики художественных практик, методов и жанров, эстетических качеств отдельных произведений, биографий их авторов. Изменения, произошедшие в гуманитарных науках во второй половине XX века, обусловили переход в изучении фотографии от искусствоведческой парадигмы к парадигме исследований культуры.

Массовые повседневные феномены везде и во всем, но выделить их без особых усилий не всегда удается, потому что повседневность является чем-то видимым, но не замечаемым, в силу своей нормальности и привычности. Понятие «повседневная фотография» подразумевает совокупность изображений, практик и объектов, посредством которых фотография представлена в повседневной реальности. В то же время важно, кто делает эту фотографию, ведь фотографии являются свидетельством не только того, что на них представлено, но и того, что личность наблюдает в этот момент.

Сегодня, с внедрением массового использования фотокамер, в частности, встроенных в мобильный телефон, практически каждый человек может делать снимки важных для него событий, происходящих в его обыденной жизни, при этом без больших усилий и каких-либо ограничений. Уже сам факт наличия камеры помогает сосредоточенности, помогает выбрать наиболее значимые объекты и зафиксировать именно их. Также фрейм (рамки объектива) делает свой вклад в фиксацию именно наиболее значимого. Это приводит к тому, что люди, обладая камерой, фиксируют все происходящее вокруг себя. Также мобильные или цифровые фото сегодня являются незаменимыми в виртуальной жизни людей, общение уже происходит за счет картинок, образов, утрачивая свою вербальность. То есть фотография, теряя свою художественную составляющую, становится способом передачи информации.

Изучение мобильной фотографии позволяет отойти от таких традиционных штампов в изучении фотографии, как разделение фотографий на жанры, противопоставление художественного и технического модусов фотографии, высокой и обыденной фотографии. Используя метод традиционного фото, авторы обычно стараются максимально сконструировать образ, создать его искусственно, в то время как с помощью мобильной фотографии можно увидеть отражение культуры повседневных практик людей, отражение именно их жизни. Но здесь возникает противоречие в том, что, с одной стороны, с помощью мобильных фотографий можно фиксировать все вокруг, всю свою жизнь, не задумываясь о количестве оставшихся кадров и пр. (как при традиционной фотосъемке), но с другой стороны, молодежь, чувствуя такую безграничность, начинает фиксировать все

подряд, даже то, что не нуждалось в запечатлении, и то, что нельзя было фиксировать в принципе (преступность, например). Тогда возникает вопрос: какие же смыслы вкладывает молодежь в мобильные фото, и какие функции для них впоследствии выполняют эти фотографии?

Для достижения цели был проведен герменевтический анализ фотографий с мобильных телефонов студентов, которым они давали краткий комментарий, авторскую интерпретацию, на который мы опирались при создании типологии. Комментарии к фотографиям были использованы в виде так называемого «якоря», указания, на что именно нужно обратить внимание, и в виде интерпретации основной идеи и содержания фотографического образа [6. С. 81].

После анализа фотографий с различных точек зрения мы смогли сделать авторскую типологию мобильных фотографий молодежи:

1. Фотография, как функция *интеракции*. Фотографии, сделанные для того, чтобы передать информацию от одного человека (автора), другому – тому, кто будет ее просматривать. Рассказать о месте, где человек когда-то был, рассказать о каком-либо событии. То есть фотография, сделанная с целью показать ее другим и передать свои мысли. Особенность мобильных фотографий здесь в том, что коммуникацию можно совершать быстрее, чем с традиционной фотографией (выложить в социальную сеть, отправить по ММС другому абоненту). К примеру, (см. рис. 1) фотография была сделана с целью зафиксировать событие, на котором присутствовал автор. Это время, когда Венера проходила на фоне Солнца, и ее можно было увидеть при определенных условиях, т. е. это фото направлено на то, чтобы запомнить значимый момент и, возможно, доказать кому-либо, что человек действительно присутствовал здесь. Или следующий пример: (см. рис. 2) фото было сделано для того, чтобы показать близким с другого города, как справляются с весенними проблемами в Томске.

Рис. 1. Фотография, сделанная с целью зафиксировать событие, на котором присутствовал автор

Рис. 2. Фотография, сделанная для того, чтобы показать близким с другого города, как справляются с весенними проблемами в Томске

2. *Инструментальная* функция. Фотографии, которые сделаны для того, чтобы зафиксировать какую-либо информацию для того, чтобы сэкономить свои силы и время. Для примера, можно посмотреть на фото (см. рис. 3) – фиксация документа, чтобы его не нужно было переписывать. По словам автора: телефон под рукой, не нужно ничего больше делать, кроме как очень просто зафиксировать этот документ.

Рис. 3. Фотография, сделанная для того, чтобы зафиксировать документ

3. *Функция юмора*. Фиксация того, что кажется смешным, противоречивым, нетипичным. На фото (см. рис. 4) можно увидеть интересное сочетание объявлений, что показалось автору забавным. А на следующем фото собака, окрашенная в зеленый цвет – это также нетипичное явление (см. рис. 5).

Рис. 4. Фотография, сделанная для того, чтобы зафиксировать интересное сочетание объявлений, что показалось автору забавным

Рис. 5. Фотография, на которой изображена собака, окрашенная в зеленый цвет

4. *Художественная* функция фотографии. Так или иначе, фотография даже на мобильный телефон сохраняет свое предназначение передавать какое-либо искусство. Обычно в роли таких фотографий выступают фото природы, различные пейзажи, красивые места. То есть авторы пытаются показать, что они хотели зафиксировать красивый вид, максимально сконструировав саму ситуацию. Например, (см. рис. 6) по словам автора, он специально ждал момент трюка скейтера, чтобы зафиксировать его на красивом фоне. То есть он сам создал этот образ, преднамеренно.

Рис. 6. Фотография, на которой изображен трюк скейтера

5. Фотографии с функцией «культы самого себя». Это фотографии авторов, как писал Гофман: «Личность фиксируется в тот момент, когда находится в идеальном окружении, рядом с теми, чье общество ценит, в одежде, повышающей ее престиж <...>, готовится к чему-то многообещающему или завершает какой-то важный этап. Словом, личность сфотографирована в тот момент, когда готова считать свой внешний вид типичным для себя» [6. С. 80]. Сюда же относятся фотографии для страниц в социальных сетях, так называемые «аватарки», все чаще делаются на телефон.

6. Эмотивная функция фотографии. Это изображения, которые вызывают наибольший исследовательский интерес, потому что они несут особую эмоциональную ценность для автора, и сторонний наблюдатель, не помещенный в контекст создания этой фотографии, не сможет узнать о ее предназначении. Эти фотографии коннотативные [6. С. 80], так как эти фотографии были сделаны для сохранения впечатлений, и сейчас они вызывают ассоциации, отличные от тех, которые могут появиться при просмотре самого изображения другими людьми. Например, на фото мы видим вполне однозначный образ еды (см. рис. 7), хотя, на самом деле, автор фотографии сделал ее потому, что это символизирует проявление заботы близкого человека с утра. Наиболее интересный пример – это следующее изображение (см. рис. 8). На самом деле здесь изображено «беспокойство, суматоха...», на первый взгляд это определить почти невозможно, если не знать смысла, вкладываемого автором. Фотография была создана специально, с целью передать именно это эмоциональное состояние ожидания, движения на вокзале.

Рис. 7. Фотография, иллюстрирующая эмотивную функцию фотографии

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Т. В. Петракевич

Научный руководитель: к.ю.н. Е. В. Носкова

Томский государственный университет

На основе анализа имеющихся научных исследований можно сказать, что социальная работа с осужденными – это деятельность по оказанию им социальной помощи, поддержки, защиты в целях их исправления и ресоциализации в период исполнения наказания, а также адаптации в обществе после освобождения. В исправительных учреждениях созданы группы социальной работы, которые и выполняют эти цели. В учебном пособии под редакцией Н.Ф. Басова говорится о том, что «в состав группы социальной защиты осужденных входят старший специалист по социальной работе с осужденными и старший инспектор по трудовому и бытовому устройству осужденных. Руководство данной группой осуществляет заместитель начальника исправительного учреждения по кадрам и воспитательной работе. Общая численность сотрудников группы определяется с учетом наполнения учреждения, но не менее двух должностей на учреждение. Для того, чтобы работа с осужденными была более эффективной, социальные работники взаимодействуют с другими службами исправительного учреждения, с родственниками осужденных, общественными организациями, службами занятости и социальной защиты населения» [2. С.383].

Необходимость социальной работы в исправительных учреждениях обусловлена тем, что в современном обществе обращение с заключенными находится на очень низком уровне: с ними жестоко и унижающе обращаются, подвергают насилию, а ведь это противоречит ст. 21 Конституции РФ, которая гласит, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» [1].

Оказавшись в месте лишения свободы, личность обретает новые, характерные для данного учреждения права и обязанности, но какие именно осужденный не всегда знает и по этой причине не имеет реальной возможности самостоятельно отстаивать свои интересы, удовлетворять в полной мере потребности и реализовывать предоставленные свободы. Именно поэтому социальная работа по сопровождению осужденных необходима во всех видах исправительных учреждений. Во время одного из правительственных часов в Госдуме Министр юстиции РФ Александр Коновалов сообщил, что на 1 декабря 2012 года количество осужденных в местах лишения свободы было равно 589 тысячам человек. И на такое количество осужденных приходилось только 1600 социальных работников. Получается, что на 1 социального работника приходится примерно 368 осужденных. Представляется очевидным, что специалист не сможет оказать

полную и качественную помощь каждому осужденному. Как следствие, у данной категории лиц возникают различного рода проблемы. К основным проблемам, с которыми сталкиваются лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, можно отнести: низкий уровень медицинского обслуживания; высокий уровень смертности; применение репрессивно-карательных мер; повсеместное физическое, психическое и моральное насилие над личностью осужденного; сформировавшийся в глазах общественности и персонала пенитенциарных учреждений стереотип о несправимости преступника; неуверенности в жизни после освобождения (возможности трудоустроиться, восстановить отношения с родственниками и близкими, проблемы жилья и другие).

Высокий уровень насилия, специфическая субкультура и внутренняя иерархия пенитенциарного учреждения помимо прямого влияния на состояние здоровья заключенных, нередко могут существенно затруднять реализацию в тюрьмах лечебно-профилактических мероприятий.

Поэтому недостаточное количество социальных работников в местах лишения свободы представляет собой актуальную проблему, которая требует скорейшего разрешения. Необходимость социальной работы с данными лицами обусловлена еще и тем, что исследуемая категория граждан должна вернуться в общество. Человек проводит в исправительном учреждении относительно длительный промежуток времени, за который он привыкает к такой жизни, и, соответственно, отвлекается от жизни обычной. Поэтому не удивительно, что ему после освобождения очень сложно восстановиться и вернуться к нормальной жизнедеятельности. Однако эти люди будут жить рядом с нами, нам придется с ними контактировать, они будут встречаться с детьми, а в случае их озлобленности на государство и мир в целом, увеличиваются риски для каждого человека. Поэтому в функции социального работника входит помощь при ресоциализации осужденных. Это поможет осужденному более успешно справляться с необходимым количеством ролей в обычных условиях жизни общества. Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальная работа в исправительном учреждении, действительно, необходима. И социальный работник, специализирующийся на работе с осужденными, должен обладать разносторонними знаниями и владеть технологиями работы, связанными со спецификой исследуемой сферы.

Официально в каждом исправительном учреждении должны быть ставки социального работника. Но на практике такое явление встречается очень редко и поэтому во многих учреждениях вовсе не существует данных специалистов. Их функции выполняют другие сотрудники, например, психологи.

В соответствии с должностными инструкциями, в полномочия старшего специалиста по социальной работе (одного из членов группы социальной защиты в учреждении) входит:

- 1) подготовка осужденных к освобождению (содействие приобретению ими образования, профессии и трудовых навыков);
- 2) распределение вместе с другими сотрудниками осужденных по первичным коллективам (бригадам, учебным классам, группам);
- 3) участие в подготовке и рассмотрении характеристик осужденного при направлении документов в суд для рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении осужденных;

4) участие в работе совета воспитателей отряда. А именно: предложения по социальному обеспечению осужденных, контроль выполнения рекомендаций по социальным вопросам;

5) взаимодействие с различными структурами и организациями по вопросам социальной защиты и поддержки осужденных;

6) содействие в организации общения с ближайшим социальным окружением для восстановления и поддержания социально полезных связей осужденных, формирования навыков поведения в семье;

7) выявление социальных проблем конкретных осужденных и определение путей их решения;

8) оказание осужденным индивидуальной помощи, информирование и консультирование их по вопросам пенсионного, иного социального обеспечения [3. С. 384–385].

Старший инспектор по трудовому и бытовому устройству осужденных имеет право:

1) запрашивать у других служб исправительного учреждения информацию, необходимую для профессиональной деятельности;

2) принимать участие в работе воспитательного отряда;

3) оказывать методическую помощь совету коллектива колонии, самостоятельным организациям осужденных;

4) осуществлять взаимодействие с организациями, заинтересованными в трудовом и бытовом устройстве осужденных [2. С.384–385].

Особенность социальной работы в пенитенциарных учреждениях состоит в том, что ее объект – люди с высоким уровнем тревожности, изолированные от общества, лишённые обычного социального статуса.

Они мало с кем общаются, все свои переживания держат в себе. Во время работы с ними социального работника озвученные проблемы оказывается нелегко понять человеку, не совершавшему преступления. По мнению начальника воспитательного отдела Томской воспитательной колонии № 2 Ирины Васильевны Кудиновой, в пенитенциарных учреждениях социальный работник призван выполнять еще и роль психолога (*данное мнение было озвучено в ходе беседы со специалистами Томской воспитательной колонии № 2 при подготовке к реализации проекта «Альтернатива»*).

Тот факт, что лица, отбывающие наказание, изолированы от общества, тоже создает определенные препятствия в социальной работе с осужденными. Человек лишается права общения с близкими ему людьми, друзьями, в том количестве, в котором общался с ними, будучи на воле. В заключении его окружают только другие осужденные лица и персонал исправительного учреждения, который, как правило, общается с осужденными исключительно в рамках выполнения профессиональных обязанностей. В таких условиях психика осужденного нарушается, происходят различные срывы, которые очень часто происходят в адрес персонала учреждения, в том числе и на социальных работников.

Овсянников Валерий Иванович, начальник Томской воспитательной колонии №2, рассказал, за что осужденные несовершеннолетние девушки отбывают наказание, и какое у них поведение. Выяснилось, что преступницы – в основном выходцы из неблагополучных семей. Более трети осужденных отбывают наказание за совершение особо тяжких преступлений. На начальных этапах поступле-

ния в колонию работать с осужденными особенно сложно. Они грубят, отказываются разговаривать, выполнять указания, применяют ненормативную лексику. Но благодаря, главным образом, профессионализму специалистов учреждения, вскоре девушки «успокаиваются». В этой связи представляется возможным согласиться с точкой зрения Е.А. Сигиды о том, что «специалист должен быть всегда готов к проявлениям подобного рода провокаций, сохранять уверенность в себе и доброжелательность к заключенному. При агрессивном поведении спокойно молчать, уметь слушать, дать время человеку выговориться. При поведении, рассчитанном на проявление жалости, следует выказывать доброжелательность и понимание. Эмоциональные всплески непродолжительны и вскоре угасают, заключенный постепенно успокаивается» [3. С. 225].

Социальная работа с осужденными не заканчивается после того, как заключенного освобождают, она ведется и после выхода на свободу в виде его социальной реабилитации. К примеру, Николай Федорович Басов говорит, что «одной из основных задач социального работника в исправительном учреждении является привлечение общественности к решению социальных проблем осужденных, в том числе в трудовом и бытовом устройстве после освобождения» [2. С. 382].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Конституция* Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ. 3-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 159 с.
2. *Социальная работа с различными группами населения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Социальная работа»*; под ред. Н. Ф. Басова. – М.: Кнорус, 2012. – 528 с.
3. *Содержание и методика социальной работы: учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению и специальности «Социальная работа»*; под ред. проф. Е.А.Сигиды. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 346 с.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Вовченко Виктор Игоревич – студент 3 курса философского факультета ТГУ.
Гвоздев Александр Сергеевич – студент 3 курса философского факультета ТГУ.
Скомский Леонид Владимирович – аспирант 2 года обучения Института развития образовательных систем РАО.
Худышкина Мария Анатольевна – студент 2 курса философского факультета ТГУ.
Шадрина Елена Алексеевна – аспирант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Долгий Максим Евгеньевич – магистрант 1 года обучения физико-технического факультета ТГУ.
Егоров Олег Викторович – магистрант 1 года обучения радиофизического факультета ТГУ.
Зенина Ксения Сергеевна – магистрант 1 года обучения геолого-географического факультета ТГУ.
Кагенов Ануар Магжанович – магистрант 1 года обучения физико-технического факультета ТГУ.
Ревушкина Марина Борисовна – соискатель философского факультета ТГУ.
Шеренков Роман Анатольевич – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.
Щукина Ирина Андреевна – студент 2 курса философского факультета ТГУ.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

Григоренко Полина Ивановна – студент 4 курса философского факультета ТГУ.
Пивоваров Вячеслав Олегович – студент 4 курса философского факультета ТГУ.
Хамитов Рамиль Муратжонович – студент 4 курса философского факультета ТГУ.
Хомченко Денис Сергеевич – студент 4 курса философского факультета ТГУ.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Ким Леонид Владимирович – студент 2 курса педиатрического факультета СибГМУ.
Марфин Александр Евгеньевич – студент 2 курса геолого-географического факультета ТГУ.
Рожкова Анастасия Владимировна – студент 3 курса факультета прикладной математики и кибернетики ТГУ.
Рыкун Данил Артемьевич – студент 3 курса института искусств и культуры ТГУ.

Семенов Сергей Сергеевич – студент 3 курса технологического факультета Северского технологического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

Чекунова Анастасия Вадимовна – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Безбрилова Ксения Анатольевна – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

Красноперов Антон Юрьевич – студент 3 курса философского факультета ТГУ.

Широченко Максим Игоревич – магистрант 2 года обучения философского факультета ТГУ.

Штанакова Анастасия Владимировна – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

СОЦИОЛОГИЯ

Волкова Екатерина Сергеевна – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

Жаворонков Василий Сергеевич – студент 3 курса гуманитарного факультета Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.

Иванова Евгения Александровна – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

Карманышева Анна Викторовна – студент 5 курса философского факультета ТГУ.

Кузнецова Дарья Константиновна – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

Музалевский Николай Валерьевич – студент 5 курса философского факультета ТГУ.

Мундриевская Юлия Олеговна – студент 2 курса философского факультета ТГУ.

Сорокин Алексей Евгеньевич – студент 4 курса гуманитарного факультета Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.

Теплякова Христина Владимировна – магистрант 1 года обучения философского факультета ТГУ.

Шаравина Татьяна Ивановна – студент 3 курса философского факультета ТГУ.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Петракевич Татьяна Викторовна – студент 1 курса философского факультета ТГУ.

Научное издание

Initia

Инициа

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(26–27 апреля 2013 г.)**

XV Всероссийская конференция молодых учёных

Издание подготовлено в авторской редакции

Подписано в печать 30.06.2014 г. Формат 70×108^{1/16}

Печ. л. 10,9; усл. печ. л. 15,2.

Тираж 30 экз. Заказ № 99.

Отпечатано на оборудовании

Издательского Дома

Томского государственного университета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Тел. 8 (382-2) 53-15-28

ISBN 978-5-9462-1461-2

9 785946 214612 >